

Центр коммуникативных исследований
Воронежского государственного университета
Центр теории и практики речевой коммуникации
Ярославского ГПУ
Кафедра межкультурной коммуникации
Российского ГПУ им. Герцена

Коммуникативные исследования

2010

Продолжающееся научное издание

Воронеж
2010

Очередной, девятый, выпуск научного сборника «Коммуникативные исследования» посвящен теоретическим и прикладным проблемам современной коммуникации.

Для филологов, преподавателей русского языка, преподавателей русского языка как иностранного, иностранных языков, специалистов в области коммуникативного поведения, межкультурной коммуникации, обучения эффективному общению.

Редакционная коллегия:

проф. Антонова Л.Г., проф. Лысакова И.П., доц. Козельская Н.А., проф. Стернин И.А. – научный редактор, доц. Ухова Л.В.

*Компьютерная верстка и оригинал-макет –
И.А. Стернин*

- © Центр коммуникативных исследований
Воронежского ГУ
- © Центр теории и практики речевой
коммуникации Ярославского ГПУ
- © Кафедра межкультурной коммуникации
Российского ГПУ им. Герцена

Издание подготовлено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

Коммуникативные исследования 2010. Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2010. – 197 с. 200 экз.

От редакторов

Очередной, девятый сборник серии «Коммуникативные исследования 2010» Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ посвящен проблемам современной коммуникативной лингвистики.

Рассматриваются проблемы описания коммуникативного поведения носителей языка, педагогического общения, с коммуникативной точки зрения анализируются явления текста и отдельные языковые единицы.

В сборнике приняли участие ученые Воронежа, Липецка, Саратова, а также исследователи из Ирака, Франции, Сербии, США.

Редакция приглашает к участию в сборнике всех ученых, интересующихся проблемами коммуникативной лингвистики.

Электронный адрес редакции – sternin@phil.vsu.ru.

Коммуникативное поведение

Г.В.Бельских

Коммуникативное поведение французов в деловом общении

Рабочий день француза начинается с продолжительного приветствия всех своих коллег. На это не жалко ни времени, ни тёплых эмоций. По приходу на свое рабочее место каждый проходит по своему отделу и, улыбаясь, лично здоровается: с мужчинами – за руку, женщин приветствует двукратным поцелуем.

В остальном по отношению к представительницам прекрасного пола их коллеги-мужчины не проявляют особой трепетности и внимательности. В деловой обстановке не принято отвлекаться на комплименты в адрес женского пола. Разговор в начале рабочего дня обычно ограничивается двумя-тремя стандартными вежливыми фразами: *Comment ça va? Oui, ça va. Bon journée.* (Как дела? У меня тоже всё хорошо. Удачного дня).

Женщины и мужчины чувствуют себя на равных. Женщин, занимающих руководящие должности, становится всё больше и больше, в том, числе в таких отраслях, как авиационная и автомобильная промышленность. Женщин уважают, но с них и спрашивают. На совещаниях в конце дня, на которых руководитель подводит итоги и озвучивает возникшие трудности, с сотрудниками требуют не меньшей заинтересованности и готовности задержаться на работе, чем с их коллег-мужчин.

Если наблюдать за поведением французов через призму русского менталитета, кажется, что данное равноправие проявляется в непризнании коллегами-мужчинами особой социальной роли женщины или слабости противоположного пола. Если, к примеру, девушка опоздала на совещание, и ей не хватило места, скорее всего, ей никто из коллег-мужчин не уступит свой стул.

У французов вообще не положено проявлять чрезмерную заботу по отношению к друг другу. Если, прия утром на работу, француз увидит, что его коллега выглядит неважно, он не станет его жалеть. Наоборот, для французов это повод пошутить и от души посмеяться.

На работе французы часто «подкалывают» друг друга, высмеивают начальство, правительство, новые законы и политический курс. В выражении своих эмоций они кажутся более открытыми и раскрепощенными, чем русские люди. Такой праздник, как Апрельская рыба (1 апреля) очень популярен во Франции. В этот день француз просто клеит бумажную рыбку на спину другого, стараясь сделать это незаметно, а потом смеётся над ним с остальными заметившими.

На работе, как и в бытовом общении, французы предпочитают форму «ты», подчёркивая тем самым переход на более доверительные отношения, в связи с общностью профессиональных интересов и причастностью к одному делу. На «вы» они иногда обращаются к незнакомым или вновь прибывшим, а также к высокому начальству. Необходимо заметить, что если непосредственный руководитель пользуется большим уважением, подчиненные называют его на «ты». Вполне приемлемый во Франции случай: подчинённый заходит без стука в кабинет своего начальника и обращается с просьбой: «Peux tu m'aider?» (Ты не мог бы мне помочь?).

Французы ведут себя одновременно раскрепощенно и вежливо. Вежливость у французов имеет яркое внешнее выражение - улыбка, приветливое выражение лица. Повсюду можно услышать выражения: «спасибо», «пожалуйста», «извините», «будьте добры», постоянные пожелания собеседнику доброго дня, а иностранцам - приятного пребывания в стране, Однако, французы скорее галантны, внешне отполированы, нежели вежливы, они не проявляют искренней заинтересованности в делах другого человека. Чувствуется некая отчужденность, отгороженность индивидов друг от друга. Исключение составляют близкие друзья, которые могут расспросить про то, как прошёл вчерашний вечер, как дети или, например, что приятель ел сегодня на завтрак.

Тема еды занимает особое место в жизни французов. Они любят и поесть, и поговорить о еде. Как бы не был занят человек на работе, он постараётся не пропустить свой законный обеденный перерыв. Во Франции не принято ходить на обед по одному. Коллеги идут вместе в столовую или кафе, занимают столик и приступают к приятной трапезе. Во время еды они обсуждают всё: выбранные блюда, погоду, личную жизнь, но чаще всего это текущие рабочие вопросы. В некоторых организациях по пятницам люди и завтракают на работе: приносят круассаны или другую сдобу, которую запивают маленькой чашкой крепкого кофе. Угощают французы друг друга или иностранных коллег редко. А если и делают это, то ждут ответного жеста.

Эти и другие проявленные в процессе делового общения особенности коммуникативного поведения отличают французов от представителей других национальностей.

Е.Ю.Гетте

Общение в семье: некоторые особенности речевого поведения мужа

Семейное общение является, как правило, закрытым или ограниченным для наблюдения, поэтому методики непосредственного наблюдения необходимо дополнить комплексом методик, имеющих опосредованный характер. В статье представлены результаты исследования семейного общения, в частности речевого поведения мужа в семье. В качестве

инструмента исследования использована методика выявления типичных речевых выражений супругов: исследователь обращался к женщинам-респондентам с просьбой зафиксировать письменно три наиболее частотных речевых выражения мужа.

Пример инструкции для женщин:

Примите, пожалуйста, участие в исследовании семейного общения. Напишите три фразы, которые Ваш муж произносит в общении с Вами чаще всего. Укажите, в каких ситуациях он произносит каждую фразу. Спасибо!

В исследовании приняли участие 176 женщин в возрасте от 20 до 50 лет, студентки заочных отделений вузов г. Воронежа.

На этапе обработки полученных данных произведен содержательно-функциональный анализ и классификация полученного материала исследования. Фразы мужчин обобщены в подгруппы с указанием их частотности, подгруппы объединены в группы.

Регулятивное коммуникативное поведение

Побуждение к действию (65 высказываний)

Замечание, критика (44)

Вопрос-замечание (14)

Совет (6)

Упрек (2)

Коммуникативная реакция

Отказ (34)

Выражение отношения, оценки (33)

Ответ на критику, замечание (32)

Ответ на вопрос (18)

Утешение в ответ на жалобу (23)

Выражение мыслей и чувств

Выражение любви, комплименты (30)

Рассуждения (16)

Сообщение о своих желаниях, намерениях, действиях (13)

Выражение состояния (5)

Вопросы

Вопрос о мыслях и желаниях, вкусах, действиях женщины (24)

Вопрос о местонахождении чего-либо (14)

Уточняющие, поясняющие вопросы (3)

Запрос совета (3)

Этикетные фразы

Приветствие (18)

Прощание (3)

Извинение (2)

Установление коммуникативного контакта (25)

Поддержание коммуникативного контакта (11)

Выход из коммуникативного контакта (2)

В статье представлены результаты анализа наиболее частотных высказываний мужчин, которые встречаются в анкетах не менее 30 раз. Данные, указанные в процентах, обозначают долю описываемого типа фраз от числа всех фраз в подгруппе.

Побуждение к действию. Обращенные к женщине реплики мужчин, побуждающие к действию, направлены на удовлетворение потребностей в еде, отдыхе, ласке, поддержании связей с детьми, общении и молчании. Высокочастотны реплики, побуждающие женщину приготовить какое-либо блюдо (52%), а также уделить внимание, проявить ласку (10%).

Примеры:

Давай что-нибудь поедим. Дай есть. Просытайся, я и ребенок уже проголодались. И это все, я не наелся. Постирай мне вещи. Давай посмотрим телевизор. Почеки мне спинку. Пожалей меня. Расскажи мне что-нибудь и т.д.

Для выражения волеизъявления мужчины используют по степени убывания частоты формы 2 лица ед. ч. (35%: например, *дай, приготовь, иди*), 1 лица мн. ч. (10%: например, *давай погуляем*), н.ф.гл. (6%: например: *не будить, надо работать*).

В качестве смягчителей мужчины используют уменьшительно-ласкательные имена, домашние ласковые обращения, стандартные формы, иронические приказы, зоонимы, существительные с уменьшительными суффиксами (*Раюшь, котенок, Юляшечка, Зяма, малыш, зайка, пожалуйста, брысь, чайку, спинку*). Приказы составляют 47%, прямые просьбы 16% анализируемых фраз, 37% просьб выражены в косвенной форме, как правило, в форме вопроса и касаются просьбы приготовить кушать. Однако часть фраз, высказанных в форме приказа, могут быть высказаны ласково, шутливо и могут не восприниматься как приказ (*«Молчим все, слушаем меня!», «Пожалей меня», «Обними меня», «Иди сюда»*).

Известно, что более эффективным способом речевого воздействия является просьба, особенно в ситуации семейного общения.

Замечание, критика. Большая часть фраз критики адресована женщине (84%), остальная часть фраз адресована третьим лицам или службам, ответственным за состояние дорог, коммунальным службам (16%).

Мужчины критикуют женщин за коммуникативное поведение: многословие, отсутствие логики, повышенный тон речи, критику мужчины, категоричность, плохое понимание мужчины (36%), критику вызывают просьбы женщины что-либо купить (5%), долгие сборы (5%).

Примеры:

Всю голову протолдычила. Ты не даешь сказать мне ни слова. Много текста. Не тараторь так много. Не ори на меня, я сам на себя никогда не ору. Теперь я знаю, в кого наш ребенок пошел: такая же болтушка. Это, действительно, женская логика. Когда я на работе, ты бежишь в магазин. Замучил твой пенсионный фонд (место работы женщины).

Родила ребенка, а взваливаешь его на меня. Спасибо «Единой России» за новые дороги. Ну, давай, давай, эх, Воронеж, заснул что ли за рулем?

Критикуя женщину, мужчины используют, как правило, категоричные конструкции: 84% фраз в форме «ты-конструкции», т.е. используют или подразумевают местоимение 2 лица единственного или множественного числа. В качестве усилителей категоричности высокочастотны глаголы, описывающие действия женщины или вынужденные действия или негативное состояние мужчины (в 32% фраз: например, *протолдычила, орать, тараторить, достал меня, потолстела* и т.п.), отрицательную частицу «не» и усилительную частицу «ни» (в 26% фраз), оскорблений (в 18% фраз: например, *болтушка, бабье царство, курица, хрюндель*); в единичных примерах мужчины используют наречия «очень», «совсем», «сильно», обозначающие высокую степень проявления признака, обобщающее наречие «вообще», обобщающие местоимения «все», вводное слово «действительно», обозначающее высокую степень уверенности, прилагательные с негативной окраской (*наглая, капризная*), фразеологические сочетания - «много текста», конструкции противопоставления «я ..., а ты ...».

Высокая степень категоричности характерна для большей части высказываний, в которых употребляются не один, а несколько усилителей категоричности. Например, «*Ты считаешь, что ты всегда права*», «*Курицы вы, курицы*», «*Ты не даешь сказать мне ни слова*», «*У тебя все не слава Богу*».

Максимальная степень категоричности характерна для конструкций, сочетающих местоимение 2 л. ед.ч. или мн.ч. и обращение-оскорбление «*Ты, курица*», «*Oх, вы, женщины*», «*Курицы вы, курицы*»; стереотипное высказывание откровенно сексистского характера, выполняющее функцию грубого приказа «*Бабье место на кухне*».

Смягчители категоричности выявлены в единичных примерах: наречие (*иногда*), обращение с уменьшительным суффиксом (*девочки*), обращение по имени (*Ира*), выражение любви («*Хоть ты и ругаешься, я все равно тебя люблю*»), ироничный тон нейтрализует категоричность фраз («*Не ори на меня, я сам на себя никогда не ору*», «*Ах, ты наглая какая! Ну, вообще эти тетки обнаглели*»).

В целом фразы с усилителями категоричности составляют 82%, а фразы со смягчителями категоричности – 18%.

Отказ. В выражении отказа в выполнении просьбы женщины высокочастотны приказы и команды-прерывания женщины (24%: например, *отстань, отвяжись*), обещания (12%: *потом, сейчас*), критика коммуникативного поведения женщины, замечание (10%: *вечно тебе что-то нужно*).

Аргументация отказа содержится в 49% фраз: аргументация отсутствием потребности мужчины в том, о чем просит женщина (24%), довод к чувству сострадания (10%: «*Я устал*»), аргументация тем, что выполнение

просьбы женщины не входит в сферу обязанностей мужчины (6%); 6% отказов сформулированы в ироничной форме.

Часто мужчины отказ выражают кратко, одним словом или с добавлением служебной части речи (24%), словосочетанием из двух-трех слов (30%). Краткие конструкции, как правило, весьма категоричны. В качестве усилителей категоричности также выступают повелительные глаголы в форме 2 лица ед.ч. (в 25% фраз), отрицательные частицы (в 31% фраз).

Выражение эмоционального отношения, оценки. Отрицательные эмоции выражают чаще (48%), чем положительные (15%). Высокочастотны фразы, выражающие удивление (24%). Наиболее частотная реакция «*Обалдеть!*» многозначна и выражает широкий круг положительных и отрицательных эмоций.

Для выражения отрицательных эмоций и удивления мужчины часто используют жаргонные выражения (21%) и инвективу (34%). Вербализуя положительные эмоции, мужчины используют разнообразные варианты: общеупотребительную лексику («*Прекрасно*», «*Отлично*»), жаргонные выражения («*Прикольно*»), фразеосочетания («*Просто песня*»), инвективы.

Интересно, что для выражения полярных высокоэмоциональных состояний (например, похвалы и возмущения) мужчины используют одну форму инвективы.

Междометия мужчины используют в 9% фраз, как правило, выражают удивление. В функции оценки, выражения эмоций мужчины используют афоризмы, перифраз, крылатые выражения («*Чем больше знаю я людей, тем больше нравятся собаки*», «*Не смешите мои подковы*»), рифмуют жаргонные выражения («*Во блин, Алин*»).

Ответ на критику, замечание. В ответ на замечание мужчины часто настаивают на своей правоте или праве (44%: например, «*Да, я такой*»), высказывают сожаление поведением женщины (19%: например, «*Ну, как всегда*»), прерывают, используя отрицательный императив (16%: например, «*Не зли меня*»), критикуют женщину (13%: например: «*Кто ты такая?*»), шутят (13% «*Нет мне оправдания, но я буду оправдываться*»), реже мужчины используют сравнение (6%: например, «*Конь на 4 ногах и то спотыкается*»). Критикующие фразы часто в вопросительной форме («*Кто ты такая?*», «*Яйца курицу учат?*»). Единичны ситуации признания критики («*Сам знаю*»), однако эта конструкция выражает метасообщение «*не надо мне об этом говорить*». Таким образом, нет ни одного ответа мужчин, выражающего признание критики, только в 3 ответах предпринимаются попытки оправдать свои действия или бездействия (например, «*Ну, она же моя мама*»). Таким образом, все ответы демонстрируют отвержение критики.

Обобщая результаты исследования, необходимо отметить, что, с одной стороны, для высказываний мужчин характерна высокая степень категоричности, с другой стороны, мужчины активно используют

ироническую форму высказываний, что, безусловно, снижает конфликтность коммуникативной ситуации.

Таким образом, методика выявления типичных высказываний супруга является эффективным инструментом изучения особенностей речевого поведения в семье и дает возможность собрать ценный речевой материал для коммуникативного анализа. В перспективе представляется целесообразным анализ типичных выражений женщин и их сопоставление с изложенными выше данными о речевом поведении мужчин.

И.П.Конопелько

Некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте

Межкультурная коммуникация представляет собой процесс непосредственного взаимодействия культур, который осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления, что влияет на взаимопонимание и взаимоотношения между общающимися сторонами. В настоящее время небывалую остроту приобрела актуальность всех вопросов, связанных с эффективностью межкультурной коммуникации, главным условием которой является взаимопонимание культур, терпимость и уважение к культуре партнёров по общению.

В нашей стране проблемы межкультурной коммуникации находятся в фокусе внимания многих исследований (например, Центр коммуникативных исследований ВГУ). Профессор Стернин И.А. в своей книге «Введение в речевое воздействие» (Воронеж, 2001) рассматривает понятия культурного и коммуникативного шока. Он определяет *культурный шок* как «осознание резкого расхождения материальных или духовных культур двух народов, проявляющееся в условиях личностного, непосредственного контакта представителей одной культуры с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым отторжением с позиций собственной культуры» (с.153). Под термином *коммуникативный шок* И.А. Стернин понимает «резко осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и вызывающее удивление, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры» (с.153).

В процессе межкультурного общения представители разных народов демонстрируют не только общие черты, но и различия. Последние касаются как общей манеры, стиля общения, присущих разным народам, так и различий в общении в тех или иных коммуникативных ситуациях.

Можно выделить доминантные особенности коммуникативного поведения народов, то есть такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть в идеале – вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д. В доминантных особенностях коммуникативного поведения наиболее ярко проявляются национальные черты общения того или иного народа.

В нашей статье мы предприняли попытку проанализировать некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте.

Для французского коммуникативного поведения не характерна такая черта, как соборность, она в большей степени присуща русскому коммуникативному поведению. Французы обычно не ориентируются на мнение окружающих. Любой француз, независимо от возраста и социального статуса, ведет себя так, как считает нужным. Например, ожидая прибытия поезда на вокзале, француз может сесть на пол, если все сидячие места заняты. Это не означает неуважения к окружающим, это реализация права на собственное поведение по своему разумению.

Русские, напротив, очень зависимы от мнения окружающих. Фразу «что люди скажут» можно услышать от русского по самым разным поводам. Поэтому мы, в отличие от французов, не будем сидеть на полу на вокзале, поскольку не хотим ловить на себе недоумевающие или откровенно осуждающие взгляды прохожих.

Проявляется уважение французов к окружающим в общественных местах. Так, в поездах Франции не принято разговаривать по мобильному телефону в вагоне. Если это необходимо, то француз выйдет в тамбур. Русская культура, к сожалению, не предусматривает такого поведения; это же касается поведения русских в театре или на общественном собрании – несмотря на предупреждение о недопустимости громкой связи, телефоны все равно продолжают звенеть в самый неподходящий момент.

Следующей доминантной чертой в общении, на наш взгляд, является отсутствие у французов душевности социальных отношений. Французы не стремятся установить неформальные отношения в коллективе. Очень часто французы имеют мало информации о личной жизни коллег и не стремятся об этом знать. На работе прежде всего ценятся профессиональные качества, уровень образования. Последнее особенно ценно. Француз считает, что тот факт, что человек окончил вуз и получил высшее образование, достойно уважения и положительного к нему уважения. Если после окончания вуза человек продолжает учебу (например, учеба в аспирантуре), то это достойно восхищения. Французы очень хорошо относятся к образованным людям, всячески поощряют желание повышать свой профессиональный уровень.

В России тоже хорошо относятся к образованным людям, но это не ограничит с восхищением. Отчасти это объясняется тем, что процент

русских, получивших высшее образование, гораздо выше, чем процент французов, а, как известно, то, чего есть в избытке, не ценится должным образом.

Что касается установления в коллективе неформальных отношений, то русские к этому стремятся. Порой это даже важнее, чем сама работа. Бывает и так, что люди, которые умеют найти ко всем коллегам нужный подход, ценятся выше, чем профессиональные работники.

Если во Франции разговоры на посторонние темы на рабочем месте порицаются, то в России такие разговоры вести можно, хотя это зависит от фирмы и ее руководителя. Русские любят вести разговоры на личные темы, рассказывать о своих проблемах, надеясь на моральную поддержку коллег. В русском коммуникативном поведении особую роль играет сердечность в отношениях, это очень ценится.

У французов слабо выражена импульсивность поведения, всегда присутствует *ratio*. Выражения типа «эх, была – не была», «в омут с головой», «будь, что будет», которые так ярко характеризуют русский менталитет, французам будут просто непонятны. Француз не будет ничего делать, если он не уверен в конечном результате. Все должно быть продумано, просчитано. Француз не будет действовать «на авось», так как это неразумно.

Для русских чужда такая осторожность, граничащая с нерасторопностью. Нам необходимо начать дело, а уж конечный результат будет виден в процессе работы. Как правило, получается не хуже, чем у французов с их расчетливостью.

Иногда осторожность французов может быть откровенно обидной для русских, поскольку француз не способен на «безумные поступки». Даже в личных отношениях с противоположным полом всегда присутствует разум. Француз редко будет делать подарки просто так. Он не отдаст последние деньги на цветы для любимой, не напишет под окнами на асфальте нежные слова. Французы редко дарят цветы и не отличаются предупредительными манерами по отношению к женщине. Русских женщин всегда шокирует, когда французский мужчина первым входит в дверь, не подает руки, предлагает разделить на двоих оплату счета в ресторане. Русские в этом отношении могут показаться бесшабашными, но именно такие поступки привлекают к русским мужчинам женщин из всех стран мира.

Французы много улыбаются. Возможно, сказывается влияние американской культуры, где улыбки является синонимом благополучия. В Европе вообще много улыбаются незнакомцам. Это проявление вежливости, отсутствие агрессии. Если вы кого-то случайно задели, толкнули, никто не будет проявлять видимого недовольства. Все недоразумения решаются с улыбкой на губах.

В России неоднозначное отношение к улыбке. Профессор И.А. Стернин в своей работе «Улыбка в русском коммуникативном поведении» задает вопрос: «Почему русские мало улыбаются? Этот вопрос мы часто слышим

от наших иностранных коллег, и это вопрос абсолютно справедливый. Русские действительно значительно меньше улыбаются, чем большинство народов Запада и Востока» (Стернин 2000, с.53). Далее он приводит ряд причин, по которым русские считаются мало улыбчивой нацией. Мы считаем, что в первую очередь стоит отметить то, что в русском общении не принято улыбаться незнакомым, что характерно для западной культуры. Однако если русский видит своего знакомого, то улыбка будет широкой и, что немаловажно, искренней. Именно искренность улыбки отличает нашу культуру от западной – пусть мы не улыбаемся незнакомцам, зато наша улыбка знакомым идет от сердца, а это ценится гораздо выше.

Таким образом, доминирующими чертами русского и французского коммуникативного поведения (КП) являются, на наш взгляд, следующие: соборность – присуща русскому, но не присуща французскому коммуникативному поведению; проявление у французов уважения к окружающим в общественных местах, у русских эта черта мало выражена; отсутствие у французов душевности социальных отношений, что присуще русскому КП; слабо выраженная импульсивность поведения у французов и, напротив, готовность русского на «безумные» поступки; вежливая улыбка французов и искренняя улыбка русских.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Москва: Флинта – Наука. – 326с.
 Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. - Воронеж, 2001.- 252с.
 Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И.А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. - Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. - С. 53-61.
<http://www.rhetor.ru/node/24>
http://www.russcomm.ru/rca_biblio/s/sablina.shtml

И.П. Конопелько

Особенности французского невербального коммуникативного поведения

Эффективность общения определяется не только степенью понимания слов собеседника, но и умением правильно оценить поведение участников общения, их мимику, жесты, движения, позу, направленность взгляда, то есть понять язык неверbalного общения. Этот язык позволяет говорящему полнее выразить свои чувства, показывает, насколько участники диалога владеют собой, как они в действительности относятся друг к другу.

Невербальная коммуникация — общение посредством жестов (языка жестов), мимики, телодвижений и ряда других средств. Невербальные средства общения нужны для того, чтобы: а) регулировать течение

процесса общения, создавать психологический контакт между партнерами; б) обогащать значения, передаваемые словами, направлять истолкование словесного текста; в) выражать эмоции и отражать истолкование ситуации.

Невербальные средства, как правило, не могут самостоятельно исчерпывающе передавать значения (за исключением некоторых жестов). Обычно они оказываются так или иначе скоординированными между собой и со словесными текстами. Рассогласование отдельных невербальных средств существенно затрудняет межличностное общение. В отличие от речи невербальные средства общения осознаются как говорящими, так и слушающими не в полной мере. Никто не может полностью контролировать свои невербальные средства.

Невербальная коммуникация у различных народов имеет свои специфические характеристики. Невербальный язык другой страны приходится учить так же, как и словесный.

Жесты и мимика находятся в числе основных компонентов невербальной коммуникации. Это особенно характерно для жителей стран романских культур, речевое поведение которых, как правило, отличается высокой степенью выразительности. Рассмотрим более подробно жесты.

При контакте с французами представители других стран в первую очередь отмечают спонтанность, живость речи собеседников, большую непринужденность в манере держаться, а также раскованность движений.

Особую роль в области невербального коммуникативного поведения играет эмоциональность французов. В общении их красноречивая мимика и жестикуляция гармонично дополняют устное высказывание. Если вы спросите у русского, как пройти на вокзал или в театр, вам объяснят дорогу, причем вербальное оформление коммуникативного контакта далеко не всегда будет сопровождаться жестикуляцией. У французов наоборот. Так, герои видеосюжета «Добро пожаловать во Францию» спрашивают у выхода из метро у одной дамы, как пройти на ярмарку. Любезно отвечая на вопрос, она жестикуляцией кисти руки указывает путь следования к ярмарке. Каждое слово поддержано жестом правой руки. Представим данные в виде таблицы.

Фрагменты фразы	Невербальные средства
-Вы идете прямо...	Кисть, вытягиваясь, разрезает воздух в указанном направлении
-...после большой площади...	Круговое движение кистью пальцами вниз
-...первая улица налево...	Отогнутый на 90° палец кисти, сжатый в кулак
-...затем вторая улица направо...	Два пальца кисти (указательный и средний) показывают направо
-...и потом прямо...	Кисть вытянутой руки показывает в указанном направлении

В русском варианте подобного объяснения не наблюдалось бы – ни такой динамики движений пальцев, ни такой экспрессии.

Жесты, используемые французами в процессе коммуникации, можно разделить на шесть смысловых групп:

- 1 – жесты восхищения и восторга;
- 2 – жесты внимания;
- 3 – жесты, выражающие неуверенность или незнание;
- 4 – жесты, выражающие страх, испуг, робость;
- 5 – жесты одобрения, согласия;
- 6 – жесты неодобрения, несогласия.

Рассмотрим каждую из этих групп.

Для выражения восхищения и восторга наиболее употребительными жестами у французов являются следующие:

1 – если что-то нравится, то большой палец поднят вверх. Жест иногда дополняется репликой «*C'est super!*» (Отлично!);

- 2 – аплодисменты – хлопки в ладоши.

Жесты второй группы (жесты внимания) у французов выражены очень разнообразно:

- 1 – небольшой поворот головы в сторону к говорящему;

2 – развернуться лицом или всем корпусом к кому-либо. Если один собеседник находится вне поля зрения (сбоку или сзади), второй собеседник поворачивает к нему лицо или меняет свою позицию, становясь напротив лицом к лицу;

3 – в ресторане достаточно сказать, приподняв немного руку «*Garçon, s'il vous plaît!*» (Официант!).

4 – указательный палец поднимают кверху, остальные прижимают ладонь, которая обращена в сторону того, кому адресован жест. Этим жестом подзывают к себе кого-то;

5 – руку подносят к виску, пальцы сжаты в кулак. Несколько раз раскрывая и закрывая ладонь, окликая человека, вы можете привлечь к себе его внимание.

Жесты, выражающие неуверенность или незнание, представлена не столь разнообразно по сравнению с предыдущей группой:

1 – не вполне уверенный в чем-то человек слегка надувает щеки, выпуская воздух, издает звук «*Пфу!*». При этом он поднимает брови и пожимает плечами;

- 2 – помахивания кистями рук, на лице выражение неуверенности;

3 – энергичное пожимание плечами. Жест может быть дополнен репликой «*C'est bête, ça!*» (Это глупо!).

Группа жестов, выражающих страх, испуг, робость включает следующие:

- 1 – ладонь прикрывает рот;

- 2 – руки обхватывают голову;

3 – ладони сложены как в молитве. Участник коммуникации хочет показать, что он боится человека.

Жесты одобрения, согласия представлены более подробно:

1 – рукопожатие;

2 – кивок головой вперед вниз;

3 – «Отлично» - большой палец поднят вверх, кисть собрана в кулак;

4 – рука резко выдвигается вперед, ладонь повернута в сторону собеседника. Полное согласие с собеседником. Жест может сопровождаться репликой «D'accord!» (Согласен!).

Жесты неодобрения, несогласия следующие:

1 –брови сдвинуты к переносице так, что образуют вертикальные складки на лбу;

2 – губы сжаты так, что они едва видны – выражение недовольства, неодобрения, нежелание контактировать;

3 - руку, чуть согнув в локте, опускают вниз; вытянутым указательным пальцем энергично размахивают из стороны в сторону. Жест выражает несогласие или даже запрет.

Таким образом, для каждой ситуации общения у французов есть свои особенные жесты, которые придают речи образность и национальный колорит.

Dominique Ph. Le nouveau sans frontiers – 1 / Ph. Domonique, J. Gerandet, M. Verdelhan. Méthode de français. – P.: Clé Internationale, 1988. – 206 p.

<http://www.5ballov.ru/referats/preview/77937>

<http://www.bestreferat.ru/referat-87800.html>

О.В. Кощеева

Прецедентная фраза как речежанровая тактика в коммуникативном поведении детей дошкольного и младшего школьного возраста

Становление детского дискурса и коммуникативной компетенции в процессе онтогенеза представляет собой очень актуальную и еще не в полной мере изученную область современной психолингвистики. Обращение к проблеме формирования жанрового компонента коммуникативной компетенции приобретает особое значение, поскольку речевая деятельность человека имеет принципиально жанровую природу. Жанровое мышление «начинает формироваться значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала формирования у ребенка языковой структуры» (Седов 2008, с.173). Поэтому выявление основных закономерностей становления речежанровой компетенции в процессе онтогенеза заслуживает более пристального внимания исследователей.

Целью представленной работы является рассмотрение потенциальных возможностей прецедентной фразы для развития речежанровой и коммуникативной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также выявление некоторых особенностей использования цитаты на разных этапах онтогенетического развития.

Цитаты относятся к прецедентному слою языкового сознания. Под прецедентностью понимается «резервуар готовых формул и вырванных из контекста фраз, который образует обширную область устной словесности, в целом выступающей отражением «речевого коллективного бессознательного» (Седов 2008, с.306). Явление прецедентности в настоящее время становится объектом пристального внимания лингвистов, что отражено в работах Ю. Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, А. Е. Супрун, В. Г. Костомарова, М. А. Соболевой, Л. Б. Савенковой.

По мнению Ю.Н. Караулова, «состав отечественного корпуса прецедентных текстов формируется в основном из авторских и фольклорных произведений, русской, советской и мировой классики» (Караулов 1987, с.106). Однако прецедентность отнюдь не является прерогативой только художественных произведений.

Для представленной работы принципиальное значение имеет разграничение устной и письменной формы цитирования. Конечно же, цитата в письменной речи значительно отличается от цитаты устной разговорной речи. Цитата в письменной форме является принадлежностью в основном научной (преимущественно гуманитарной) и официально-деловой речи, где она обозначается кавычками или выделяется шрифтом и снабжается ссылкой на источник. Данная разновидность цитаты остается за рамками нашего исследования.

Цитату в устной разговорной речи нам представляется уместным относить к минимальным по объему жанровым единицам, или субжанрам, которые в рамках реального коммуникативного процесса обретают статус речевых тактик, меняющих сюжетные повороты интеракции. Цитаты заметно обогащают речь носителя языка, повседневное бытовое и профессиональное общение и служат прекрасным источником повышения уровня культурно-речевой и коммуникативной компетенции индивида.

Если умение взрослого человека использовать в своей речевой практике цитату служит прямым показателем уровня сформированности его речевой и в целом социокультурной компетенции, применение данной речевой тактики в детском возрасте имеет не просто свою специфику, но и отвечает совершенно иным целям и задачам.

Взрослые чаще применяют выдержки из тех или иных литературных, кинематографических и других источников, которые являются общеизвестными для культурно-речевой среды и считаются уместными для цитирования в определенной ситуации. По нашему мнению, детские цитаты являются набором тех незаменимых готовых к использованию образцов, компактных и в то же время содержательно законченных эталонов, которые как клише входят в сознание растущей развивающейся

языковой личности и помогают ей познать все многообразие речевой культуры этноса, в котором они воспитываются. Ведь система жанровых сценариев или фреймов, которая формируется в сознании языковой личности, по сути обслуживается готовым набором цитат повседневного общения в широком значении этого термина. По справедливому замечанию Б.М. Гаспарова, основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд, восходящий ко всему нашему языковому опыту» (Гаспаров 1996, с.105-106).

По нашему мнению, одним из важнейших отличий использования цитат в детском возрасте является то, что источником этих высказываний становятся не только произведения художественной литературы, мультипликационные фильмы и песни, но и повседневная разговорная речь окружающих их людей. Дети с удовольствием цитируют свое ближайшее окружение, и именно поэтому в речи ребенка находят отражение не только общие черты коммуникативного поведения их родных и близких, но и готовые образцы речевого оформления тех или иных ситуаций социального взаимодействия.

Такие цитаты детей находят свое яркое отражение в сюжетно-ролевых играх, связанных с семейной тематикой. Играя в «Дочки-матери», ребенок в роли мамы будет воспроизводить, а по сути цитировать, стандартные и наиболее употребительные речевые высказывания, используемые в повседневном общении своей мамы.

Часто взрослые сами учат детей на уровне повторения «цитировать» свою речь. Например, мама объясняет своему сыну как разрешить конфликтную игровую ситуацию и дает четкий образец нужного речевого высказывания: – *Если Дима еще раз отнимет у тебя игрушку/ скажи/ что так делать нехорошо/ и если он попросит/ ты сам дашь ему свою машинку//*. Через несколько минут, в споре с соседским мальчиком, у ребенка возникает необходимость процитировать предложенную мамой фразу.

Идея о том, что чтение художественной литературы способствует развитию речевой, языковой и социокультурной компетенции человека, не требует доказательств. В дошкольном возрасте влияние этого компонента многократно усиливается. Специфика детской памяти, позволяющей ребенку дословно запоминать и без затруднений воспроизводить как стихотворные, так и прозаические тексты самого различного объема, дает ему широкие возможности для активного накопления цитатного фонда и его применения в повседневной речевой деятельности. Поэтому взрослым всегда необходимо помнить о том, что они несут ответственность не только за содержание и объем этого фонда, но и характер источников, из которых ребенок черпает информацию для своего речевого развития.

Г.Г. Слышик выделил пять основных видов реминисценций, служащих средством апелляции к прецедентным текстам: упоминание, прямая цитация, квазицитация, аллюзия и продолжение. По результатам наших

исследований, в речи детей дошкольного и младшего школьного возраста встречаются лишь упоминания и прямые цитаты.

Упоминанием Г.Г. Слышкин называет апелляцию к концепту прецедентного текста путем прямого воспроизведения языковой единицы, являющейся именем данного концепта. Такой единицей обычно служит заглавие текста, название мультфильма, фильма или песни. При этом у человека, использующего данный вид обращения к тексту, должна иметься пресуппозиция наличия у адресата общего представления об этом источнике.

По данным наших наблюдений, до старшего дошкольного, а иногда и младшего школьного возраста дети довольно редко используют данный вид апелляции к прецедентному тексту, но его очень часто применяют родители, бабушки и дедушки для достижения какой-либо цели при общении с ребенком. Например, мама, уговаривая сына съесть кашу, обращается к образу богатыря из мультфильма «Алеша Попович и Тугарин змей»: *- Как же ты еще не съел свою кашу?// Вот в твоем любимом мультфильме богатыри совсем не так ели / а то и силы бы у них не было//*. Даже не упоминая названия мультфильма, взрослый участник общения уверен, что ребенок хорошо помнит его. В следующем примере старшая сестра (10 лет) уговаривает брата не бояться прививок: *- Рома/ Ты же не хочешь/ как в сказке про бегемота/ который боялся прививок?// Ему и в больнице потом лежать пришлось//*. Особенностью таких обращений со стороны взрослого является обязательная авторитетность используемых источников для самого ребенка.

Прямая цитата или дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот отрывок текста сохранился в памяти цитирующего, наиболее часто встречается в речи детей.

Аня (2,5 года) после обеда посмотрела в свою пустую тарелку и произнесла: *- Вот и всю похлебку выхлебала//* (фраза медведя из сказки Л.Н. Толстого «Три медведя»).

Рома (3 года) изображая богатыря, размахивает игрушечным мечом и кричит: *- Отведайте силушки богатырской!//* (фраза из мультфильма «Алеша Попович и Тугарин змей»).

Цитаты в дошкольном возрасте не имеют свойства общеупотребительности, ребенок может выбрать для повторения фрагмент текста, совершенно не привлекательный и неприметный для других детей или даже взрослых. Хотя меткая и особенно яркая цитата может приобрести статус «крылатой» в памяти отдельной семьи на долгие годы. Приведем пример такой «незабываемой» для всей семьи цитаты девочки во время застолья по поводу годовщины свадьбы ее родителей.

Во время иронического тоста дедушки о сложности и тяжести семейных уз и в то же время важности сохранения добрых и уважительных отношений между супругами четырехлетняя Аня неожиданно произнесла: *- Да// Муж без жены/ что дерево без червя//* (фраза князя из мультфильма

«Добрыня Никитич и Змей Горыныч»). Излишне говорить, что данная речевая тактика тут же вызвала сюжетный поворот в развитии интеракции и явилась предметом обсуждения всех присутствующих. Приходится только удивляться, как ребенок уместно и неожиданно точно использует ту или иную цитату из знакомого стихотворения, рассказа или мультфильма, всего лишь в нескольких словах резюмируя и обобщая суть долгих и запутанных разговоров взрослых людей.

С помощью прецедентной фразы ребенок может оформить жанр просьбы, угрозы, благодарности:

Д. (7 лет) – *Меня вылечит/ баночка варенья//*. Данный пример свидетельствует о непрямом способе выражения просьбы с помощью цитаты из мультфильма.

Р. (4 года) - *Как выскошу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам//*

А. (9 лет) – *У меня еще никогда не было такого счастливого дня рождения//*

Собственно цитирование становится для ребенка возможным в том случае, когда уровень развития языкового сознания позволяет ему вычленять и соотносить хранящиеся в памяти фрагменты речевых оформлений тех или иных ситуаций социального взаимодействия с реально происходящими событиями, осознавать совершающую им реминисценцию и оценивать возможность ее осуществления по отношению к конкретному адресату.

Среди цитат некоторые получают особую популярность, устойчивость и распространенность. Эти цитаты приобретают статус «крылатых», и их знание / незнание характеризует уровень развития коммуникативной компетенции языковой личности. Как нам представляется, с этим аспектом цитатного фонда ребенок начинает активно знакомиться в школьном возрасте, и в дальнейшем развитие и обогащение этого фонда продолжается на протяжении всей жизни человека. Хотя некоторые широко известные крылатые фразы берут свое начало из любимых книг, песен, мультипликационных и кинематографических фильмов, с которыми ребенок знакомится еще в дошкольном детстве, общеупотребительный и афористически значимый смысл эти цитаты имеют скорее для взрослого, нежели для ребенка. Достаточно вспомнить фразы «ну, заяц, погоди!», «живу я как поганка, а мне летать охота», «птица-говорун», «эх, жизнь моя - жестянка» и т.д.

В заключении можно сделать выводы о том, что феномен прецедентной фразы имеет огромное значение для формирования коммуникативной и речежанровой компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста, процесс его освоения тесно связан с развитием языкового сознания личности, а степень владения субжанром цитаты является ярким показателем уровня речевой культуры индивида.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции.- М.: Лабиринт, 2004.

Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека.- М.: Лабиринт, 2008.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. – Минск: Белорусский фонд Сороса, 1996. -287 с.

Ю. В. Сметанина-Болдвин

Русские пациенты глазами американских врачей

Как указывают авторы исследования «Профессиональная коммуникативная личность», «в настоящее время можно выделить три основных магистральных направления в исследовании коммуникативного поведения – изучение национального, группового и личностного коммуникативного поведения» (Лазуренко, Саломатина, Стернин, 2007, с. 10). В США, многонациональной стране иммигрантов и переселенцев, особенно актуально проведение исследований по изучению национального поведения в рамках профессиональной коммуникации, большинство из которых, как справедливо продолжают вышеупомянутые авторы «имеет на сегодняшний день практическую направленность – выработку рекомендаций по обучению эффективной коммуникации» (Лазуренко, Саломатина, Стернин, 2007, с. 12.)

Так, при подготовке медицинских специалистов в США большое внимание уделяется вопросам межкультурных различий и проблемам, возникающим в результате некомпетентного подхода к представителям этнических групп и национальных меньшинств. В связи с этим в расписание ВУЗов вводятся специальные предметы по культурологии, проводятся спецсеминары, выпускаются учебные пособия, помогающие будущим врачам и медсестрам получить знания о многочисленных особенностях культуры, верованиях, традициях и обычаях населяющих Америку этносов, помочь будущим и настоящим работникам здравоохранения в оказании более эффективной помощи пациентам через более глубокое понимание их культуры, традиций и обычаяев. Среди наиболее популярных учебников на эту тему можно выделить *Transcultural Health Care: A Culturally Competent Approach* (Purnell Larry D., Paulanka Betty, J.), *Caring for patients from different cultures* (Geri-Ann Galanti), *Cultural competence in health care: a practice guide* (editors Anne Rundle, Maria Carvalho, and Mary Robinson), *Communication and health in a multi-ethnic society* (Mark Robinson).

Учебники, как правило, включают описание нескольких культур по определенной матрице, каждый раздел обычно пишется специалистом по определенной культурной группе. По этим материалам врачи и медперсонал узнают о различных культурах и их традициях, а также учатся общению с пациентами из других культур. В данной статье проводится краткий обзор одного из таких учебных пособий, дающего стереотипизированный коммуникативный портрет русского пациента.

В книге «Транскультурное здравоохранение: культурно компетентный поход»¹, 3-е издание, 2008г., под редакцией профессора университета штата Делавэр Лэрри Д. Пурнелл и профессора и декана ф-та здравоохранения университета штата Делавэр Бетти Дж. Пауланка по «Пурнеллевской модели культурной компетентности» (20 базовых показателей) анализируются 19 широко представленных в США этнокультур (в т.ч. афро-американская, арабская, китайская, французская, немецкая, еврейская, мексиканская, японская и пр.) и приводятся общие сведения о культурных традициях еще 11 этнокультур (прибалты, итальянцы, пуэрториканцы, турки, вьетнамцы и пр.). Авторы отмечают, что впервые в третье издание учебника включена информация о русских, а сама глава «Люди русского происхождения» написана профессором университета Айдахо Линдой С. Смит.

Анализируя истоки и состояние русской иммиграции, образовательный и экономический уровень, культуру и традиции русских переселенцев, Л. Смит выводит коммуникативный портрет русскоязычного пациента и определяет возможные проблемы данной группы населения в американском здравоохранении.

Говоря об иммиграции из России в Соединенные Штаты, исследователи традиционно выделяют четыре крупных волны с 1917 года: кроме первой, послереволюционной, три из них состояли из этнических и национальных меньшинств, самая большая группа из которых – советские евреи. Цитируя К. Арояна, автор утверждает, что «эта иммиграция была, главным образом, вызвана устраиваемыми гонениями, а также существующим статусом беженца. Советские евреи были одной из немногих групп, которым разрешалось, а в некоторых случаях даже поощрялось покинуть Россию при власти коммунистов» (Ароян 2003). Последняя волна иммиграции 1990-х годов – это результат большей свободы передвижения, тяжелых послеперестроечных экономических условий и политической нестабильности, кроме того русские стали прибывать в Соединенные Штаты для восстановления со своими семьями.

По данным переписи населения 2000 года, средний возраст русских иммигрантов в США – 42 года, при том более чем одна четверть общего количества русской популяции в США – это люди 65 лет и старше. Из

¹*Transcultural Health Care: A Culturally Competent Approach* (Purnell Larry D., Paulanka Betty, J.)

взрослого населения старше 25 лет у одного миллиона есть как минимум степень бакалавра, и этот высокий уровень образования отражен в среднем доходе семьи, составляющем USD 59 950. Почти 64% женаты/замужем с 1,6 ребенка на семью. Это амбициозные, имеющие профессию специалисты, из которых у 18% есть высшее образование (Бюро переписи населения США, 2000).

С другой стороны, существует определенная прослойка русских переселенцев, которые в России работали и были заняты в таких сферах как инженерное дело, математика, медицина, компьютерные науки, образование и другие профессии, но в США данные возможности не всегда открыты для них из-за языкового барьера, вопросов лицензирования и соответствия образования, поэтому многие из них вынуждены либо работать не по специальности или жить на пособие.

Еще одна часть русских, которые работают и одновременно получают пособия от государства - это люди, занятые неполный рабочий день в таких областях как компьютерные комплектующие и програмное обеспечение, розничная продажа, уход за престарелыми и детьми, образование. Более половины работающих русских (58%), которые получают пособия, говорят, что их трудовой договор не включает медицинской страховки, оплаты больничных дней или пенсионных отчислений работодателем (Hobbs, 2002).

В вопросах болезней и состояния здоровья русских Л. Смит, ссылаясь на несколько компетентных источников, обращает внимание на следующие факты:

- Характерные заболевания, наблюдающиеся у русских иммигрантов, включают гипертонию, сердечно-сосудистые и болезни желудочно-кишечного тракта, диабет. Утрата трудоспособности в основном наступает как следствие диабета (сенсорные нарушения), алкоголизма, хронических заболеваний, гипертонии, психосоциальных расстройств, артрита, легочных заболеваний - таких как астма и хроническая обструктивная болезнь лёгких (ХОБЛ) и онкологических заболеваний (Киф, 2006; МДИИД, 2006; Шпилько, 2006).

- Алкоголизм значительно меньше выражен среди русских евреев и женщин (Ароян, 2003).

- Среди наиболее распространенных возрастных заболеваний - болезни опорно-двигательной системы, ишемическая болезнь сердца, желудочно-кишечные заболевания и высокое кровяное давление. У женщин в данном исследовании отмечаются более высокие показатели, чем у мужчин, почти по всем заболеваниям.

- Многие русские предпочитают придать соматическую направленность психологическим расстройствам, особенно депрессии, прежде чем признать их наличие.

- Исследователи, изучавшие депрессию среди русских иммигрантов, обнаружили, что пожилые русские люди, которые жили одни, были более предрасположены к глубокой депрессии, чем те, которые жили с семьей

или друзьями. К тому же у пожилого возраста русских с более хорошим знанием английского языка было лучше здоровье и меньшая вероятность депрессии. Пожилые русские с ограниченным знанием или незнанием английского языка имели хуже показатели по здоровью и больше случаев депрессии. Эти исследователи рекомендовали использование службы медицинской поддержки для данной иммигантской группы, а также проявление понимания к условиям проживания и семейным традициям пожилых русских иммигрантов.

К поведению повышенного риска в статье «Люди русского происхождения» в первую очередь относится нежелание русских прививаться: «В России иммунизация доступна для населения, но вакцины были и продолжают быть плохого качества. Более того, сведения о случаях заражения гепатитом и ВИЧ инфекциями через иголки при вакцинации поселяли страх и недоверие среди русских родителей. Поэтому русские не прививают своих детей, чтобы избежать данной опасности. Еще одна из рискованных традиций, распространенных среди русских иммигрантов, это обмен оставшимися лекарствами с членами семьи и друзьями» (Ароян, 2003)

Обсуждая проблемы алкоголизма, Л. Смит ссылается на несколько источников и делает вывод, что «в России существует проблема алкоголизма. Русские пьют крепкие алкогольные напитки, в основном водку и коньяк, на семейных и других праздниках. Стоит заметить, что типичный русский тост звучит «На здоровье!». Большое потребление алкоголя является частью ежедневной жизни данной общности, частично вызванное устойчивым безразличием к решению данной проблемы со стороны российских властей.

Российская статистика оценивает, что более 30% смертей в России напрямую связаны с алкоголем (Немцов, 2005; Николсон, Бобак, Мерфи, Роуз и Мармот, 2005). Далее Л. Смит обращается к исследованию Р. Габриэль о метаболизме медикаментозных средств и алкоголя и цитирует его, говоря что «русские унаследовали от монголо-татарских завоевателей генетическую особенность, в результате которой затрудняется переработка этанола, полученного из фруктов или картофеля. Он считает, что эта наследственная черта делает русских более склонными к алкоголизму, особенно когда предпочтаемым алкогольным напитком является коньяк или водка» (Gabriel, 2005)

К поведению повышенного риска также относится курение, которое широко распространено среди русских: Россия одна из стран, которые в настоящее время ничего не делают или предпринимают незначительные действия по борьбе с курением. Около 63% русских мужчин и 15% женщин курят, и эта цифра растет на 2% ежегодно. Хотя 60% курильщиков хотели бы бросить, не существует государственных программ, для того чтобы помочь им в данном процессе. По этим и другим причинам средняя продолжительность жизни у мужчин в России немногим более 58 лет (Парфитт, 2006). Несмотря на то, что русские

иммигранты не демонстрируют такой же уровень курения и алкоголизма как их соотечественники, вновь прибывающие иммигранты имеют более высокие показатели по этим вредным привычкам, чем предыдущие поколения.

Рискованное сексуальное поведение среди девушек русского происхождения подросткового возраста было исследовано Желтовой, Фиш и Ревенсоном (2005). Результаты подчеркнули важность поддержания эмоциональных связей с традиционной русской культурой. Было обнаружено, что чем выше американская аккультурация девушек, тем больше случаев рискованного сексуального поведения.

В своей работе Линда Смит также уделяет внимание проблеме рабочей силы и культуре на рабочем месте. По ее словам, русские верят, что медработники должны приложить усилия и иметь в своем коллективе профессионалов различных национальностей, отражающих этнический состав микрорайона, где они работают. Учитывая постоянно растущее количество русских иммигрантов в Северной Америке, важно, чтобы медработники, обучавшиеся в России и ценящие холистический подход к лечению, получали аттестацию в странах, куда они переехали. Русские медсестры трудятся в поте лица и следуют принципу *избавление от страдания*.

Принимая во внимание нехватку медсестер и врачей в США, умения получивших подготовку в России медсестер и врачей крайне необходимы. Однако понятие командной работы является новым для русских медсестер, также как критическое мышление и деликатный уход за пациентами. В дополнение, идея непрерывного обучения трудно воспринимается в авторитарной рабочей обстановке (Alaniz, 2001). Российское медсестринское образование приравнивается к американскому с получением специальности «аттестованная младшая медсестра» (Licensed Practical Nurse).

Говоря об общении на рабочем месте, Л. Смит приводит цитату из работы М. Бергельсона, где отмечается, что «русские пользуются отличной системой ценностей. Например, русские следуют и поддерживают тактику позитивной вежливости. Позитивная вежливость – это метод, основанный на правилах положительного социального общения. Работник, использующий метод позитивной вежливости, говорит приятные вещи, показывающие, что другой человек принимается, одновременно проявляя поддержку и сочувствие, избегая негативных разговоров с коллегами. В поисках компромисса русские более эмоциональны и тратят больше времени и усилий на обоснование своих решений и просьб. С коллегами и друзьями русские общаются без обиняков, что считается признаком искренности. Русские ожидают, что их конкретно спросят, если нужна какая-то информация» (Bergelson, 2003).

О различиях в отношениях среди медперсонала и статусе врача, Л. Смит пишет: «В Соединенных Штатах медсестры и врачи работают как одно целое, как команда, в тоже время каждый сохраняет свою независимость.

В России врач принимает решения и работает над разрешением проблем. Поэтому профессия медсестры имеет ограниченный статус и уважение со стороны русскоязычного населения. Один русский иммигрант объяснил это так: «Что мы ожидаем от медсестры? Мы ничего не ожидаем от медсестры – мы только ожидаем чего-либо от доктора. Медсестра – это всего лишь тот, кто выполняет приказы» (Smith, 2008).

Из всех медицинских работников, доктора считаются наиболее знающими и «ответственными» за просвещение о здоровье и медицинские услуги. Л. Смит далее суммирует свои наблюдения, делая выводы, что русским не нравится, когда с ними разговаривают неуважительно, они ожидают, что их врачи будут выглядеть и действовать профессионально. Русские иммигранты ожидают, что медработники отнесутся с уважением к тем методам самолечения, которые они использовали до того как обратились за медицинской помощью. Русские также принимают большое участие в уходе за своими членами семьи, особенно детьми, и им не нравится только пациенто-ориентированный индивидуальный подход некоторых врачей.

Отмечается, что русскоязычные иммигранты в основном придерживаются назначенных приемов, лечебного процесса и медикаментозного режима, однако, могут проявлять недоверие к врачу и сочетать прописанные лекарственные препараты с гомеопатическими средствами. Русские не привыкли к роли врачей, оказывающих только первичную помощь, и могут иметь нереалистичные, ориентированные на излечение ожидания от медработников США. Русские хотят знать причину своих проблем со здоровьем и ожидают от доктора холистического (комплексного) подхода к диагностированию этиологии любой медицинской проблемы.

Бытует справедливое мнение, что западная медицина слишком большой упор делает на медикаментозные препараты и результаты анализов, а не на клиническую диагностику и целостное лечение. Если один врач не отвечает ожиданиям русских иммигрантов, скорее всего, пациент будет искать других врачей. Более того, русские не привыкли к врачам, делающим больший упор на лечении, а не на профилактике. Русские иммигранты могут воспринимать врачей в США как менее доступных, так как в России на каждую 1000 населения приходится 4,25 врача, 0,32 стоматолога и 8 медсестер, а в США – 2,56, 1,63 и 9,37 соответственно.

В целом русские иммигранты решительно предпочитают русскоговорящих медработников и активно занимаются их поиском. Более того, в России большинство врачей – женщины. Однако начальственные должности в большинстве своем заняты врачами-мужчинами. Поэтому, хотя русские обычно не имеют предпочтения касательно пола врача (кроме гинеколога), они считают, что врачи-мужчины более квалифицированы и компетентны.

Основываясь на материалах Центра здоровья университета штата Мичиган (2007), автор главы «Люди русского происхождения» отмечает,

что из-за социальных и политических санкций в вопросах психиатрических заболеваний в России, русские иммигранты с нежеланием делятся проблемами психического и душевного здоровья, а также семейной историей психических заболеваний. Более того, психические расстройства считаются постыдными в русской культуре; поэтому русские иммигранты могут не дать правдивые ответы на вопросы касательно семейной или личной истории психических заболеваний. Соответственно, врачи должны подходить к этому вопросу тактично и с заверением в полной конфиденциальности предоставленной информации.

Еще одной из проблем, рассматриваемых в главе «Люди русского происхождения», которые возникают у русских переселенцев в США, является тот факт, что в бывшем Советской Союзе и по сей день официально в России здравоохранение считается бесплатным. Поэтому такие концепты как платная медицина, copayment, medical insurance, deductible многим очень трудно понять, как и саму систему здравоохранения США, включая основные государственные страховые программы *Медикейд* (для неимущих) и *Медикэр* (для пенсионеров). Со ссылкой на Иванова и Бака (2002), в главе говорится, что хотя у большинства интервьюированных русских иммигрантов были какие-то медицинские страховки, они все равно считали, что высокая стоимость медицинских услуг является основным барьером к их получению, и поэтому предпочитали домашнее лечение и изготовленные в России лекарства.

Русские участники опроса указали, что после расходов на продукты и другие хозяйственные нужды, мало или совсем не остается средств на лекарства и услуги врачей. Из этого же опроса следует, что русскоговорящие женщины-иммигантки разных возрастов предпочитают врачей-женщин, но при этом они были уверены, что врачи-мужчины более опытны и компетентны.

Женщины всегда желали быть принятыми непосредственно их лечащим врачом и выражали недовольство, когда это было невозможно. Эти же русские пациентки также выражали неудовлетворение работой семейных врачей, считая их недостаточно профессиональными. Они также были недовольны внешним видом медработников и тем, как трудно различить, кто есть медсестра, а кто уборщица. Неудивительно, что они пришли к выводу, что языковой барьер в дополнение к стоимости лечения являются основными препятствиями к получению медицинских услуг и поэтому сами предпочитали получать информацию по здоровью от своих матерей и бабушек.

Эти русскоговорящие женщины ценили массаж и травяные сборы и обращались за медицинской помощью, только когда данные лекарственные препараты не помогали. Однако обращение в медучреждения было преимущественно по поводу лечения, а не с целью профилактики, например, такой как мазок Папаниколау или маммограмма. Русские пациентки ожидают от врача направления на профилактические

процедуры и предоставления информации обо всем, что необходимо знать, чтобы быть здоровыми (Иванов и Бак, 2007).

Говоря от ответственности за свое здоровье, Л. Смит утверждает: «Независимо от возраста, большинство русских активно заботятся о своем здоровье и принимают альтернативные и гомеопатические препараты; они преданы принципу «помоги себе сам». Русские иммигранты могут даже принести наборы-«больнички» с собой в клиники или больницы. В наборы-«больнички» входят различные лекарства для лечения расстройства желудка, головной боли и инфекций. Эти лекарства продаются без рецептов в русских аптеках» (Smith, 2008).

С другой стороны, русские иммигранты часто чувствуют себя чужими в американской системе здравоохранения и поэтому не всегда обращаются за необходимой медицинской помощью; кроме того, одной из характерных особенностей русского пациента Л. Смит считает склонность к самодиагностике и поиску информации о своих болезнях в журналах и статьях о здоровье, в Интернете, а также среди знакомых.

Языковой барьер также может служить причиной коммуникативного конфликта: хотя знающие английский язык члены семьи готовы прийти на помощь как переводчики, использование родственников для перевода не рекомендуется.

Непосредственно связано с языком и отсутствие значимой медицинской информации, что также признается как одно из препятствий к успешной медицинской коммуникации. Неудивительно, что русские с ограниченным знанием английского языка указывают на чувство изоляции и одиночества, среди них наблюдается более высокий процент болезней и смертей.

Суммируя приведенный материал, можно сделать вывод, что в главе «Люди русского происхождения» Л. С. Смит делает попытку смоделировать лингвокультурный типаж русского пациента - т.е., по определению В. И. Карасика, «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» (Карасик, 2004. С. 48-49), что, по ее мнению, должно способствовать предсказуемости коммуникативного поведения данного пациента и, как результат, устранять или снижать вероятность коммуникативного конфликта в рамках профессиональной медицинской коммуникации в сфере здравоохранения США.

Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения// Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. - Волгоград: Тезисы доклада научной конференции, 2004. - стр. 48-49.

Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А. Профессиональная коммуникативная личность// Коммуникативное поведение. - Воронеж: ВГУ, "Истоки", 2007 г. - Т. Вып. 28. - стр. 194.

Alaniz J. Crossing cultures: Russian nurses navigate the unfamiliar US health care system, finding career advantages and abstacles// NurseWeek. - 2001 г.- www.nurseweek.com/news/features/01-09/cultures_print.html.

Aroian K.J. Russians (Former Soviets)// Caring for women cross-culturally / авт. книги Hill P., Lipson J. и Meleis A. - Philadelphia : F.A. Davis, 2003.

Bergelson M. Russian cultural values and workplace communication// III International RCA Conference-2006 'communication and making social worlds'. - 2003 г.- www.russcomm.ru/eng/rca_biblio/b/bergelson03_eng.shtml.

Gabriel R. A commentary on pharmacogenomics: What can it do??// Medical Laboratory Observer. - March 2005 г.- <http://findarticles.com/p/articles>.

Hobbs R. Knowledge of immigrant nationalities: Russia. - July 2002 г.- www.immigrationinfo.org/kin/russia.htm.

Smith Linda S. People of Russian Heritage// Transcultural Health Care / авт. книги Purnell Larry D. и Paulanka Betty J. - Philadelphia : E. A. Davis Company, 2008.

И.А.Стернин

Из наблюдений над польским коммуникативным поведением²

Несмотря на близкое языковое и культурное родство, русские и поляки демонстрируют определенные различия в коммуникативном поведении, которые заметны даже при кратковременном знакомстве с польской коммуникативной культурой.

Поляки в составе группы ведут себя в общественном месте более шумно, чем русские. В поезд Москва-Варшава в Смоленске села большая группа молодых поляков с двумя немолодыми руководителями. Всю дорогу, в том числе всю ночь, очень громко разговаривали друг с другом, смеялись, заходили друг к другу в купе, бегали по вагону. Руководители ничем не отличались от своих подопечных, вели себя точно так же, не обращая внимания на окружающих, которым всю ночь не давали спать. Русские в таких ситуациях стараются обращать внимание на окружающих.

Очень уважительно поляки ведут себя в костеле. Много людей в Польше ходят с большими крестами на груди. Костел полон, много молодежи, ведут себя очень уважительно к религии верующим. При входе крестятся и становятся на одно колено, потом проходят в костел и садятся. В костеле не разговаривают.

Весь обслуживающий персонал знает английский язык, и если с ними заговариваешь по-английски, сразу переходят на английский. Правда,

² Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

говорят с ошибками, а иностранцев, работающих в Польше – арабов, африканцев – по-английски иногда невозможно понять.

По выходным дням поляки гуляют по улицам города целыми семьями, с удовольствием включаются и участвуют во всевозможных праздничных уличных мероприятиях, приобщая к ним своих малышей.

На улицах мало курят, соблюдают порядок и чистоту, ведут себя более степенно, чем русские, общаются значительно менее открыто, менее эмоционально, чем русские.

На улице практически нет людей с банками и бутылками пива в руках, мало пьют в парках и на городских скамейках. В основном пьют в уличных кафе. Вообще много сидят и беседуют в кафе.

Совершенно умиляют старушки и старички, очень ухоженные, чистенькие, сидящие в кафе и мирно ведущие беседы о том, о сем за распитием чашечки кофе. В повседневной городской жизни во всем отмечается некая степенность, размеренность, отсутствует суетливость, излишняя эмоциональность

Водители автомобилей более вежливы и терпеливы, чем в России. Не сигналят друг другу и пешеходам, с готовностью пропускают пешеходов на переходах, не обгоняют друг друга.

Молодежь одевается более традиционно, консервативно, чем русская.

Заметны различия в коммуникативном поведении лиц без определенного места жительства. Польские бомжи одеты более щеголевато и выглядят несколько более интеллигентно, чем русские. Наблюдал, как в туристическом центре города бомж в чистых носках сидел на ступеньках мемориального здания и чистил свою обувь. Просящих милостыню стало значительно меньше, просят не назойливо, а несколько иронично.

Заметны различия в коммуникативном поведении польских и русских студентов и преподавателей.

Студенты практически не отвечают на вопросы по ходу лекции. На приглашение задавать вопросы почти не реагируют. В перерыве подойдет один студент и задаст вопрос, не относящийся к теме лекции. Возможно, это связано с более консервативным, традиционным общением преподавателя со студентами, где существует некая грань, которую студент не должен преступать. В России студенты привыкли к более эмоциональным, раскрепощенным, свободным отношениям с преподавателями.

Студенты младших курсов слушают лекцию более живо, реагируют на слова лектора, воспринимают юмор, поддерживают зрительный контакт с лектором. Студенты старших курсов ведут себя более сдержанно.

Польские студенты более «законопослушны», чем русские: во время лекции, куда студент-первокурсник, попал случайно, перепутав аудиторию, он должен спросить разрешения у преподавателя (взрослого человека), можно ли ему уйти, так как он не должен здесь находиться и ему необходимо пойти поискать свою группу.

При этом польские студенты могут есть и пить на занятиях, что не принято в российских вузах. Не принято разговаривать друг с другом во время занятий, пользоваться сотовыми телефонами.

Польские преподаватели не разрешают студентам опаздывать на занятия, разговаривать на занятиях, но разрешают студентам пить напитки во время занятий, терпимо относятся, если студенты не записывают во время занятий или едят на занятии. Внешне выглядят элегантно.

Наблюдения показывают, что явных различий в коммуникативном поведении польских и русских преподавателей и студентов не выявляется. Польские преподаватели одеваются элегантно, а также демонстрируют больший либерализм - позволяют опаздывать, пить напитки на занятии. Таким образом, русская и польская педагогическая коммуникация являются близко родственными.

Что касается бытовой коммуникации, то в ней заметны определенные различия, которые отражают, по-видимому, несколько меньшую эмоциональность и большую «законопослушность» поляков.

Педагогическое общение

Н.А.Козельская

Специфика лингвистических и коммуникативных концептов в метаязыковом сознании молодежи³

Вопрос о необходимости разграничения научного и обыденного знания о языке активно обсуждается в лингвистической литературе (Вепрева 2000, Стернин 2002, Горошко 2003, и др.). Нам близка точка зрения И.Т.Вепревой, полагающей, что метаязыковая деятельность является обязательным компонентом языковой способности носителя языка. Метаязыковое сознание является компонентом языкового сознания, манифестирующим рациональное понимание языка и его интерпретацию.

В русле лингвокогнитивного изучения обыденного и научного языкового сознания мы обратились к экспериментальному изучению лингвистических и коммуникативных концептов. Для исследования были отобраны следующие концепты, релевантные для метаязыкового сознания: *литературный язык, культура речи, стиль языка, богатство языка*,

³ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

разговорная речь, речевая ошибка, жаргон, мат, вежливость, светское общение, речевой этикет.

Цель исследования состояла в проверке предположения о том, что в обыденном языковом сознании молодых людей данные концепты имеют определенные особенности по сравнению с концептосферой людей средней и старшей возрастной группы. В исследовании применялся метод направленного ассоциативного эксперимента в виде методики субъективных дефиниций (Жаргон – это...), позволяющей выявить субъективные представления о сущностных признаках концепта. Полученные результаты обрабатывались по методике когнитивной интерпретации, предполагающей формулирование когнитивных признаков концепта путем обобщения сходных по смыслу реакций (Попова, Стернин 2007). Для каждого когнитивного признака был вычислен индекс яркости (как отношение числа выделивших признак к числу участников эксперимента).

Эксперимент проводился с двумя возрастными категориями респондентов: молодыми и людьми средней/старшей возрастной группы. Испытуемыми выступали студенты-нефилологи 1 курса юридического факультета, факультета международных отношений Воронежского государственного университета, студенты музыкального колледжа – 220 человек и учителя русского языка средних школ, колледжей, училищ г.Воронежа – 53 человека. Ответы учителей русского языка – профессиональных носителей лингвистических знаний – мы рассматриваем как отражение научного метаязыкового сознания, а ответы студентов-первокурсников с базовыми школьными знаниями – как проявление обыденного метаязыкового сознания.

В данной публикации мы приводим признаки, выделенные минимум пятью респондентами(2% от общего числа), единичные признаки указываются избирательно.

Установленные в ходе эксперимента признаки мы сопоставили и выявили определенные расхождения в концептосферах сравниваемых групп испытуемых. Обнаружилась разная яркость совпадающих признаков, в скобках мы указываем первой цифрой яркость признака у студентов, второй у учителей (средняя и старшая возрастная группа).

Концепт «Литературный язык»

Совпадающие у студентов и учителей признаки:

письменная фиксация (ИЯ 0,1 – 0,8) , нормативный язык(ИЯ 0,3 – 1), обработан мастерами словами (язык великих писателей и поэтов) (0,14 – 0,9), богатый, выразительный (0,06 – 0,45)

Только учителя: *высшая, образцовая форма национального языка(0,8), имеет систему стилей(0,7), используется образованными носителями языка(0,6), язык культуры(0,5).*

Только студенты: *язык, на котором общаются писатели(0,09), красивый язык (0,1), язык художественной литературы(0,6), язык без новшеств, старый (0,02), книжный язык (0,14), сложный (0,1),*

возвышенный (0,01), основной язык (0,01), правильный язык(0,05), грамотный язык (0,05).

Основные признаки данного концепта присутствуют в концептосфере молодых людей, однако выражены достаточно слабо. Наиболее ярким является признак, опирающийся на внутреннюю форму номинации (язык литературы).

Концепт «Культура речи»

Совпадающие признаки: *владение нормами языка (0,1 – 0,9), наука, занимающаяся проблемами нормализации языка(0,5 – 1).*

Учителя: *наука, изучающая коммуникативные качества речи (0, 55), владение стилями, стилистическими средствами языка (0,5), умение выбирать языковые средства в соответствии с целями общения (0,4), умение использовать выразительные средства языка в разных условиях общения(0,3), знание этикета(0,2).*

Студенты: *правильная речь (0,39), правила произношения (0,2) , грамотное общение(0,1), грамотность (0,08), культурная речь (0,08), умение правильно и красиво говорить(0,06) , правила построения речи(0,05).*

Для молодежного сознания актуальна концептуализация культуры речи как науки, свода правил, регулирующих в основном произношение. Практически нет признаков, характеризующих культуру речи как умение вообще и умение в коммуникативном и этическом аспектах, в частности.

Концепт «Стиль языка»

Совпадающие признаки: *разновидность языка (0,3 – 0,9), система языковых средств (0,1-1) функционирует в определенной сфере человеческой деятельности (0,16 – 0,9) .*

Учителя: *способы употребления языковых средств (0,8) ,*

Студенты: *нормы языка, речи (0,09); форма речи (0,06), определенные правила (0,04), лексикон (0,03), манера общения (0,02), выбор слов в разных условиях (0,05), бывает деловой (0,02), научный(0,05), публицистический (0,06), книжный (0,03), литературный (0,03), разговорный (0,02), художественный (0,02) .*

Единичные признаки: *язык определенной местности, разновидность сленга, тот же жаргон, разговорная речь, средство общения.*

Основное содержание концепта *Стиль языка* сформировано у определенной части респондентов, важные признаки концепта молодые люди выделяют, хотя и не так массово, как учителя. Периферия также отражает знание признаков концепта отдельными респондентами.

Концепт « Богатство языка»

Совпадающие признаки: *обширный словарный запас (0,6 – 0,9), разнообразие слов и выражений (0,3 – 0,8), использование выразительных средств (0,02 -0,2).*

Учителя: *многообразие синтаксических конструкций (0,6) вариативность использования языковых средств(0,02 – 0,5).*

Студенты: *красота речи (0,09), использование синонимов (0,06); грамотность (0,04), выразительность языка (0,03), знания, накопленные предками (0,02).*

Единичные ответы: *двумысленность, сложность, знание истории языка, удел не многих, эмоциональная окрашенность, широкое употребление иностранных слов.*

Концепт в основном сформирован, основные признаки выделяются значительной частью молодых людей. Даже единичные ответы отражают определенные стороны богатства языка, хотя и абсолютизируя их.

Концепт «Разговорная речь»

Совпадающие признаки: *имеет устную форму (0,4 – 1), используется в неофициальных условиях (0,2-0,8), в повседневном общении (0,6 – 0,4).*

Учителя: *функциональная разновидность языка (0,8), неподготовленная (0,9), зависящая от ситуации (0,5), имеет языковые особенности (0,01).*

Студенты: *речь с ошибками, в которой можно нарушать правила, без литературных норм (0, 2), простая речь(по сравнению с литературной)(0,3), понятная речь (0,1), общение (0,1).*

В молодежном сознании разговорная речь маркирована как повседневная, допускающая нарушения литературных норм, а потому более простая. Не выделяются признаки, концептуализирующие разговорную речь как особую функциональную разновидность языка.

Концепт «Речевая ошибка»

Совпадающие признаки: *нарушение обязательных норм (0,08 – 0,7) нарушение норм ударения и произношения (0,1- 0,5), словоупотребления (лексические) (0,2 -1).*

Учителя: *стилистические ошибки (0,8) грамматические(0,6) .*

Студенты: *ошибка в написании (0,08) , ошибка в построении предложения (0,07), ошибка в постановке знака препинания (0,06) .*

Речевая ошибка концептуализируется на основе внутренней формы как ошибка в звучащей речи (произношение) и в лексике. Содержание данного концепта оказывается менее определенным, более широким по сравнению с научным.

Концепт «Жаргон»

Совпадающие признаки: *ненормативная лексика (0,35 – 0,7) разновидность разговорной речи (0,06 – 0,3), используется группой людей, объединенных занятием, профессией интересами (0,28 – 0,8); характеризуется грубостью (0,07 – 0,8), экспрессией (0,05 – 0,7).*

Учителя: *специфический словарь (0,5), не имеет грамматики (0,6).*

Студенты: *искаженная, неправильная речь (0,48), тюремный язык (0,1), сленг (0,05), язык молодежи (0,04), профессиональный язык (0,03), местное наречие (0,02), просторечные слова (0,02), неприличные слова (0,02).*

Заметим, что в направленном ассоциативном эксперименте (жаргон – какой?), жаргону были даны преимущественно отрицательно-оценочные

характеристики: *грубый, некультурный, плохой, скучный, резкий, вульгарный, непристойный, ужасный, некрасивый, грязный, неприятный, тупой, глупый, нехороший, отвратительный*.

Однако в ответе на вопрос лингвистического интервью: «Для чего нужен жаргон?» 56% респондентов сказали: «Для того чтобы ярче и образнее выражать мысли». При этом признак экспрессивности далеко не самый яркий в субъективной дефиниции. Таким образом, можно сделать предположение, что в метаязыковом и обыденном сознании у концепта «жаргон» разные признаки: отрицательные с точки зрения культуры речи качества жаргона не влияют на его использование как эффективного средства общения.

Концепт «Мат»

Совпадающие признаки: *нецензурная лексика (0,3 – 0,8), для экспрессивного выражения эмоций (0,1 – 0,6), является ругательством (0,12 – 0,8), ненормативная лексика (0,25 – 0,18)*.

Учителя: *запрещен в публичном употреблении (1), осуждается общественным сознанием (0,8), разновидность сквернословия (0,5), используется с целью оскорбить собеседника (0,5), имеет неодобрительное значение (0,3)*.

Студенты: *ограничен в употреблении (0,4), вид жаргона (0,3), грубая лексика (0,18), активно/часто используется (0,18), портит/загрязняет русский язык (0,12), используется некультурными/неграмотными/необразованными людьми (0,1), плохие слова (0,09), слова-паразиты (0,07), один из способов общения (0,06), сленг молодежи (0,05), некрасивая речь (0,04)*.

В понимании молодых людей, как видим, нет абсолютной приоритетности того, что мат – это табуированная лексика, потому что они видят иную практику его использования. Размыта категоризация мата как нецензурной лексики – это и жаргон, и сленг, и слова-паразиты, и просто грубые слова, хотя есть осознание того, что эта лексика находится в оппозиции к литературному языку и является проявлением крайнего бескультурья. Интересно, что слово *сквернословие* ни разу не возникло в определениях студентов. В единичных ответах есть понимание недопустимости употребления данных слов именно в обществе. Вместе с тем можно признать в целом сформированным неодобрительное отношение к этой части лексикона, которое находит подтверждение в определенной доле оценочных признаков (*плохой, грязный, грубый, неприятный, ужасный, крайнее бескультурье*) – индекс неодобрительной оценочности - 0,16.

В ответах учителей оценочных реакций практически нет. Разнообразие дефиниционных признаков у студентов свидетельствует также об активном процессе формирования данного понятия в противоречивой ситуации запрета, осуждения общественной моралью и реальной практики частого использования сквернословия в современной речевой практике.

Концепт «Вежливость»

Совпадающие признаки: *форма выражения уважения (0,3 – 0,9), показатель воспитанности человека (0,1- 0,5)*

Учителя: *соблюдение правил приличия (0,5), проявление предупредительности и приветливости в общении с людьми (0,45), показатель культуры человека (0,35), тактичное отношение к окружающим (0,4).*

Студенты: *культура речи (0,12), хорошее/правильное поведение (0,1), отзывчивость, доброта (0,09); культурное общение (0,08), умение красиво говорить(0,04), речь без грубости/маты (0,04), скромность, кротость (0,03).*

Единичные ответы: *умение слушать, черта грамотного человека, неупотребление маты, речь без грубости, красота мысли, выгода, правильная речь.*

Основное содержание концепта сформирована у определенной части респондентов, но меньше составляет менее половины опрошенных. Наблюдается отождествление понятия вежливости с культурой речи, а также ассоциирование вежливости с такими качествами, как доброта и скромность.

Концепт «Светское общение»

Совпадающие признаки: *общение в высшем обществе/ в элитных кругах общества (0,4 - 0,2), в определенных социальных, профессиональных кругах (0,17- 0,6).*

Учителя: *разговор на общие темы (0,5), ни к чему не обязывающие разговоры (0,4), на формальных мероприятиях (0,18), предполагает соблюдение определенных правил, ритуала (0,7), регламентированное общение (0, 28).*

Студенты: *грамотное общение (0,08), вежливое общение (0,06), гламурное общение (0,07), интеллигентное общение (0,02).*

Единичные признаки: *утонченное, модное, непринужденное, интересное, полезное, деловое, нудное, продуманное; красивое, но бесполезное; умная речь, изысканная речь, лицемерие, неискреннее, без эмоций.*

Светское общение концептуализируется студентами на основе внутренней формы, литературных ассоциаций и через сближение с другими концептами (*вежливость, грамотность, правильность*). В сознании студентов не выделяются важные конкретные признаки концепта, но периферийные признаки отражают понимание того, что этот вид общения предполагает следование определенным правилам. В единичных признаках актуализируются в основном субъективные оценки, отражающие как традиционное национальное отношение к этому типу общения (*неискреннее*), так и новый подход к нему (*интересное, полезное*).

Концепт «Речевой этикет»

Совпадающие признаки: *средство выражения вежливого отношения к человеку (0,2 - 0,8), правила, нормы поведения (0,4 – 0,9) , система определенных слов и выражений (0,12 – 0,7).*

Учителя: *используется в стандартных ситуациях общения (0,2), используется в ситуациях установления, поддержания и окончания контакта (0,06 -0,6), элемент культуры народа (0,4)*

Студенты: *правильная речь (0,1), правильное общение (0,09), правильное произношение (0,07), неупотребление нецензурных слов (0,05), красивая речь (0,04), выбор слов по ситуации (0,02).*

Основное содержание концепта правильно понимается незначительной частью молодых респондентов, присутствует акцентуация признака правильности речи в очень общем смысле и эстетическая оценка этикета .

В ходе эксперимента были выявлены следующие ложные признаки исследуемых концептов, существующие в языковом сознании молодых людей (учитывались признаки с частотностью не менее пяти объективаций).

Речевая ошибка – ошибка в написании слова

ошибка в построении предложения

ошибка в постановке знака препинания

Стиль языка – форма речи
норма речи

Светское общение – грамотное общение

Культура речи – грамотность, грамотное общение

Вежливость – отзывчивость, доброта

скромность, кротость

умение красиво говорить

речь без маты

Мат – вид жаргона

грубая лексика

слова-паразиты

сленг молодежи

Литературный язык – язык художественной литературы

старый язык, язык без новшеств, с устаревшими,

архаичными словами

Жаргон – местные слова

просторечные слова

нечензурные слова

стиль разговорной речи

Речевой этикет – правильная речь

правильное произношение

речь без матерных слов

Характерным приемом дефиниции исследуемых концептов было их определение с использованием слов, номинирующих концепт в другой форме: речевая ошибка – ошибка в речи, речевой этикет – этикет речи, литературный язык – язык литературы и т.п. В среднем на долю таких ответов приходится 40%. На наш взгляд, это следствие слабой концептуализации соответствующих лингвистических и коммуникативных понятий.

Очевидно также, что молодые люди испытывают затруднения в квалификации и категоризации таких понятий как мат, жаргон, ср.: *жаргон – это стиль разговорной речи/ вид общения/ форма речи; мат – жаргон/ сленг/ общение*. Заметим в скобках, что сущностные признаки этих концептов у молодежи отражают понижение порога допустимой грубости в общении.

В номинации признаков исследуемых концептов активно употребляются лексемы «грамотный, грамотность» и «правильный», значения которых не всегда оправданно расширяются и сближаются в сознании молодых людей. Соответственно использование этих слов в объективации признаков концептов может свидетельствовать о недостаточной дифференцированности таких концептов. Например, *культура речи* и *светское общение* определяются как «грамотное общение»; «грамотность» используется в дефиниции концептов *богатство языка, культура речи, литературный язык*.

Наиболее сформированным и близким к научному пониманию, по нашим данным, является концепт «Вежливость», а наименее точным – концепт «Светское общение».

В сравнении дефиниций молодых людей и людей средне-старшей возрастной группы выявилаась невысокая степень стереотипности ответов молодежи, заметные различия в яркости совпадающих признаков (стабильно более высокой у старшей группы) и в количестве выделенных существенных признаков(у молодых меньше, чем у старших), отражающих содержание концептов в научном сознании.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху/ И.Т.Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2002. – 380с.

Горошко Е.И. Языковое сознание : гендерная парадигма / Е.И.Горошко. – М. – Харьков: Издат. Дом «ИНЖЭК»,2003. – 440с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2007. – 226с.

Стернин И.А. Сознание и функции языка / И.А.Стернин // Вестник воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки.». – 2002. - № 2. – с.140-169.

Конфликты в педагогическом общении и способы их разрешения

Педагогическое общение как объект исследования в настоящее время находится в фокусе внимания педагогики, психологии, коммуникативных дисциплин. Интерес этот вполне закономерен в связи с антропоцентрической ориентацией современного гуманитарного знания. Кроме того, прикладная направленность современного научного знания включает в круг актуальных вопросов коммуникативную проблематику. Большая часть исследований, посвященных педагогическому общению, ставит своей целью выработку рекомендаций по повышению эффективности педагогической коммуникации.

В настоящей статье формулируются некоторые рекомендации по эффективному педагогическому общению на основе описания и анализа отдельных реальных конфликтных коммуникативных ситуаций, имеющих место в ходе профессиональной деятельности учителя.

Заметим сразу же, что, говоря о педагогической коммуникации, мы имеем в виду не только взаимодействие УЧИТЕЛЬ ↔ УЧЕНИК, но также взаимодействие УЧИТЕЛЬ ↔ РОДИТЕЛЬ.

Безусловно, конфликтные ситуации являются неотъемлемой частью человеческого общения. Не будем подробно останавливаться на индивидуально-психологических особенностях участников интеракции как главной причине конфликтов. Назовем основные причины конфликтов в педагогическом общении.

1. Недостаточный уровень коммуникативной компетенции участников педагогического взаимодействия, недостаточность развития навыков бесконфликтного общения как следствие отсутствия традиции обучения эффективному общению в России. При этом у учителя навыки эффективного, бесконфликтного общения обычно формируются в процессе профессиональной деятельности, в то время как у детей и их родителей в тех случаях, если они не являются представителями т.н. коммуникативных профессий (по Ю.П. Тимофееву), подобные навыки как правило отсутствуют.

2. Разница коммуникативных позиций учителя, ученика, родителя. Ученик и родитель, как правило, в общении с учителем, учитывают только свои интересы (что вполне естественно), тогда как учитель должен принимать во внимание и интересы ученика и его родителей, и интересы класса, и интересы педагогического коллектива, членом которого он является.

3. Возрастные особенности ребенка. Обучение в школе приходится на самый сложный этап взросления человека – подростковый. В это время ребенок особенно психологически уязвим, неуверен в себе, зачастую агрессивен. Естественно, в этот период коммуникативное поведение

ребенка характеризуется повышенной конфликтностью, что является фактором, осложняющим общение не только учителя и ученика, но и ученика и его родителей.

4. Формирование негативного образа учителя средствами массовой информации. Зачастую это отрицательное отношение к школе и учителю поддерживается родителями ученика.

Перейдем к анализу конкретных педагогических ситуаций.

Ситуация 1. Мать ученика позвонила классному руководителю с жалобой на учителя-предметника. Претензии матери заключались в том, что учитель необъективно относится к ее сыну: занижает оценки, предъявляет необоснованно завышенные требования. Классный руководитель предложил родителям прийти и поговорить с учителем-предметником – попытаться разрешить возникшую проблему. На встречу с классным руководителем и учителем пришел отец ученика. Находясь в состоянии эмоционального возбуждения, отец мальчика начал в грубой форме предъявлять претензии учителю. В ответ на это учитель продемонстрировал вежливую, спокойную, доброжелательную манеру поведения и предложил пригласить на беседу ученика как главного участника сложившейся ситуации. Когда мальчик пришел, учитель попросил его показать домашние задания, которые были оценены необъективно. Но у ученика не оказалось не только домашнего задания, но даже и тетради, в которой его нужно делать, а также учебников, которых у него не было с начала учебного года. После этого отец ученика извинился. Учитель поблагодарил его за то, что пришел и проявил беспокойство об успеваемости ребенка. Конфликт был исчерпан. Предметным результатом этой встречи стало то, что у мальчика появились учебник и тетрадь, он стал регулярно под контролем родителей выполнять домашние задания, повысилась успеваемость.

Проанализируем этот эпизод. Учитель в ситуации общения с эмоционально возбужденным собеседником заставил его перевести свои эмоции в рациональную форму, конкретно сформулировать свои претензии, исходя из реального положения дел. Кроме того, безусловно, квалифицировав для себя сложившуюся ситуацию как конфликтную, учитель выбрал бесконфликтную модель поведения, нейтрализовав агрессию собеседника аргументацией к очевидным фактам и доброжелательным поведением.

Ситуация 2. Часто к классному руководителю приходят ученики с жалобами на других учителей, говорят, что учителя необъективно выставляют оценки, делают незаслуженные дисциплинарные замечания. В этой ситуации классный руководитель предлагает ребенку поговорить. В ходе беседы он задает вопросы по следующим схемам: «Ты выполнил домашнее задание, и учитель, тем не менее, поставил тебе плохую оценку?», «Ты хорошо работал, не мешал учителю вести урок, не отвлекал от работы ребят, и учитель сделал тебе замечание?», «Бывает ли так, что учитель ставит тебе оценку выше, чем ты заслужил?», «Почему ты не

приходишь жаловаться, когда учитель ставит тебе незаслуженно высокую оценку?». В большинстве случаев такие вопросы помогают снять напряженность в общении учителя и ученика. Они дают возможность детям с другой стороны увидеть ситуацию, более объективно оценить свое поведение в процессе учебной деятельности, а также уровень своих знаний. Даже в той ситуации, когда учитель действительно бывает необъективен в своих оценках, классный руководитель получает необходимую информацию для урегулирования педагогического конфликта, а ребенок получает навык формулирования своих требований и ведения диалога по модели ВЗРОСЛЫЙ↔ВЗРОСЛЫЙ (по Э. Берну). Эффективность подобной модели поведения достигается использованием тактики, которая описана при анализе предыдущей ситуации – перевод эмоциональных реакций в рациональную форму.

Ситуация 3. Учителю на протяжении достаточно длительного времени не удавалось создать мотивацию к хорошей учебе для одного из учеников. Он не выполнял никаких требований, нарушал нормы культуры поведения и т.п. Беседы, поощрения, индивидуальные занятия не давали желаемого результата. Через некоторое время проблема решилась следующим образом. Учитель подготовил тематический классный час, посвященный Дню Победы. Для мероприятия материал был подобран так, чтобы чередовать содержательную информацию о военных действиях с эмоциональной – рассказами о судьбах отдельных людей. После этого классного часа отношение ученика к преподаваемому учителем предмету изменилось: он стал выполнять домашние задания, проблема нарушения правил культуры поведения тоже была снята.

Можно предположить, что сильная эмоциональная реакция, вызванная рассказом учителя, заставила ребенка по-другому увидеть именно личность педагога: в сознании ученика т.н. благородные эмоции, которые он испытал во время классного часа, прочно связались с образом учителя. Кроме того, в ходе этого мероприятия ребенок увидел учителя в новом качестве: эрудиция, глубокие знания педагога, не связанные с преподаваемым предметом, вызвали в ребенке уважение и интерес к учителю.

В ходе подобных упомянутых выше внеклассных мероприятий формируются представления о моральных нормах и нравственных ценностях. Хорошо организованная внеучебная работа также имеет свои следствием эмоционально-психологическое сближение учеников и учителя, что ведет к снижению конфликтности общения.

Необходимо помнить о том, что не только развитые коммуникативные навыки, но прежде всего высокий профессионализм, широкая эрудиция – это те факторы, которые неизменно привлекают детей в педагоге, внушают уважение к учителю, повышают его авторитет в глазах школьников и их родителей.

Зачастую причиной конфликта становится некомфортное внутренне состояние ученика, являющееся следствием серьезного дисциплинарного проступка, совершенного им, и ожидание им наказания за этот проступок.

В этом случае в индивидуальной беседе учитель должен дать объективную оценку произошедшему, побудить ребенка подумать и рассказать об истинных причинах совершенного им поступка. Далее учитель предлагает ученику вместе решить, как можно исправить сложившуюся ситуацию, демонстрируя свою заинтересованность в его судьбе, при этом у ребенка не должно сложиться мнения, что решение ему навязали: он должен быть уверен, что это его собственное решение. Впоследствии педагогу необходимо следить за тем, как решается проблема. Позиция педагога в отношении ситуации должна быть понятна ученику: *ты поступил неправильно, но ты обязательно сможешь исправиться.*

Попытаемся сформулировать отдельные рекомендации, следование которым позволит снизить конфликтность в ходе педагогического взаимодействия.

Для эффективной работы с детьми и их родителями учитель должен использовать тактику индивидуализации: в явной форме демонстрировать внимание к особенностям личности ребенка; интересоваться тем, как решаются его проблемы и принимать участие в их решении; показывать, что общение с учеником приятно учителю; радоваться его успехам.

Педагогу необходимо сохранять определенную дистанцию в отношениях с учащимися. Это дает ему возможность осуществлять необходимый контроль над учебной деятельностью учеников и их поведением.

Педагог должен уметь признавать ошибки в тех случаях, когда он их допускает. Это является не только средством нейтрализации конфликта, но и способом демонстрации ученикам *правильной* модели поведения. Кроме того, ребенку легче вступить в коммуникацию именно с таким учителем, ведь в общении с педагогом, который *всегда прав*, результат диалога ученику зачастую известен заранее, а поэтому становится для ребенка малоинтересным.

Нередко причиной конфликтов в педагогическом общении является враждебная позиция родителей по отношению к учителям. Во многом вина за это лежит на средствах массовой информации. В этой ситуации педагог должен предложить родителям четко сформулировать свои претензии, задав вопросы типа «*Что конкретно вас не устраивает?*», «*Почему вашему ребенку некомфортно в школе?*». Это дает возможность вести содержательный диалог и снять эмоциональное напряжение. Беседа в подобных случаях не должна носить полемического характера, учитель должен стараться навязать родителю коммуникативную тактику сотрудничества (по схеме *У нас общие задачи. Мы партнеры*).

Безусловно, в общении с родителями учитель должен откровенно признаться в наличии определенных трудностей, которые неизбежно

возникают при работе с детьми, и попросить совета или помощи родителей. Названный прием «укрупнения собеседника» (Стернин 2001, с. 140) - один из наиболее эффективных при разрешении конфликтов в педагогическом общении.

Негативной информации, с которой приходит в школу родитель, необходимо противопоставить положительную информацию: рассказать об успехах ребенка; акцентировать внимание на том, что главное в работе педагога – ученик: его успеваемость, культура, здоровье, безопасность и т.д. – все, что даст ему возможность успешно реализоваться в жизни.

Одной из главных задач учителя в ситуации беседы с родителями является убеждение родителей в том, что хорошее отношение ребенка к школе (которое нужно формировать и дома) - залог его психологического комфорта в процессе обучения.

Таким образом, педагогическое общение, являясь одним из самых сложных видов общения в современном обществе, предъявляет высокие требования к уровню коммуникативной компетенции учителя.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Лабиринт, 1998. – 307 с.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж, 2001. - 252 с.

Тимофеев Ю.П. Профессиональное общение и его развитие с помощью видеотренинга. – М., 1996. – 423 с.

Н.И.Склярова, Е.В.Кусякова

Использование ИКТ-поддержки на уроке культуры общения

Умение демонстрировать высокую культуру общения в целом и культуру делового общения в частности – важнейшее требование нашего времени. Безусловно, в ближайшие годы человек будет успешным в своей деятельности, конкурентоспособным только при условии овладения навыками культуры общения. Необходимо иметь высокую деловую культуру, уметь эффективно вести общение в конкретной коммуникативной ситуации, уметь спорить, правильно строить общение в кризисных ситуациях, отстаивать свою точку зрения, уметь показать в деловом разговоре свои сильные стороны.

Современный человек должен не только знать основные законы общения, национальные особенности и традиции общения своего и чужого народов, правила и принципы бесконфликтного общения, но и уметь соблюдать эти законы, правила и принципы, то есть обладать достаточным уровнем деловой, коммуникативной, организационной грамотности. Все эти проблемы рассматриваются на уроках культуры общения.

Перед учителем стоит задача: как сделать учебный процесс более интенсивным, повысить его качество, как лучше показать учащимся различные коммуникативные ситуации? Решить эти вопросы можно, в частности, создавая учебные и учебно-методические материалы с помощью ИКТ, в сотрудничестве с учащимися, в форме видеофильмов. Важным достоинством видеофильма является его наглядность и эмоциональное воздействие на учащихся. Использование видеороликов позволяет показать учащимся и проанализировать реальные коммуникативные ситуации общения.

Рассмотрим фрагмент урока по теме «Эффективное речевое воздействие», который был проведен в 9^х классах МОУ СОШ № 83. При закреплении теоретических знаний на практике, учащимся предлагалось рассмотреть пять коммуникативных ситуаций, проанализировав которые, надо ответить – какие цели достигнуты, а какие – нет в данных коммуникативных ситуациях; в каких случаях можно считать речевое воздействие эффективным, в каких – нет? Наглядность ситуаций обеспечивалась с помощью предварительно отснятых видеороликов. В которых актерами выступали учащиеся.

Чтобы определить, является ли речевое воздействие эффективным, учащимся предлагается просмотреть диалог двух учениц (последовательно рассматриваются три варианта диалога). Учитывая межпредметные связи с литературой, на уроке также был использован мультфильм «Ворона и лиса», в котором явно выражено речевое воздействие одного из героев басни.

Давая оценку проведенному уроку, можно говорить об эффективности использования ИКТ-поддержки, которая заключается в следующем:

- происходит повышение интереса к уроку,
- повышается увлекательность занятия,
- появляется возможность просмотреть коммуникативную ситуацию два раза и при этом сэкономить время;
- развивается умения учащихся оценивать эффективность коммуникации других,
- обеспечивает возможность детям с различной степенью подготовленности включиться в активную речевую деятельность;
- формирует умения и навыки культуры устной речи, риторические навыки, коммуникативную активность;
- вовлекает самого учителя в активную творческую деятельность и позволяет создать необходимую ресурсную базу;
- обеспечивает последовательность повторения пройденной темы;
- создаёт перспективные возможности проявления творческого потенциала учащихся при выполнении домашнего задания.

При подготовке материала к уроку привлекаются учащиеся, которые показывают умения ораторского искусства для инсценировки

коммуникативных ситуаций, они также оказывают помощь учителю при обработке видеоизображения и создании презентации.

Таким образом, использование компьютерной технологии оказывает значительное воздействие на ход обучения. С помощью техники успешно решаются проблемы повышения мотивации и мыслительно-речевой деятельности учащихся. Использование видеофильма помогает развитию различных сторон психической деятельности учащихся и, прежде всего, внимания и памяти. Во время просмотра в классе возникает атмосфера совместной познавательной деятельности. Для того чтобы понять содержание фильма, школьникам необходимо приложить определенные усилия. Так, непроизвольное внимание переходит в произвольное, его интенсивность оказывает влияние на процесс запоминания.

По данным современных исследований, в памяти человека остается $\frac{1}{4}$ часть услышанного материала, $\frac{1}{3}$ часть увиденного, $\frac{1}{2}$ услышанного и увиденного одновременно, $\frac{3}{4}$ части материала, если ко всему прочему ученик вовлечен в активные действия в процессе обучения. ИКТ позволяют создать условия для совершенствование содержания, методов и организационных форм обучения.

Стернин И.А., Новицкихина М.Е. Учебное пособие. Культура делового общения. Воронеж, 2002.

Коммуникативные исследования текста

Ахмед Мизхир Дауд

Устойчивые выражения с компонентом «глаза» в коммуникативно-прагматическом аспекте

Поскольку реально язык существует лишь в речевой деятельности, наиболее важно исследовать коммуникативно-прагматический аспект языка.

Мы исследуем устойчивые выражения с компонентом «глаза» в русском языке. Изучая такие языковые единицы, необходимо обращать внимание на восприятие их как носителями языка, так и носителями других языков в процессе изучения русского языка как иностранного. Важна «узнаваемость» выражения в процессе речи, его воздействующая функция и эмоционально-оценочная окраска.

Нами было проведено экспериментальное исследование, имевшее целью установить, как воспринимаются устойчивые выражения с компонентом «глаза» испытуемыми – носителями русского языка.

Испытуемыми являлись студенты Воронежского государственного университета обоего пола в возрасте от 18 до 20 лет, принадлежащие к русской культуре и являющиеся носителями русского языка (25 человек). Им давалось следующее задание: дать дефиницию тому значению, которое содержится в устойчивом выражении с компонентом «глаза» (Анкета №1), и дать толкование тому, каким характерным признаком обладает человек, о котором можно сказать, что у него, например, *дурной глаз*.

Анкета №1
Что означают приведенные выражения?

Выражения

Залил глаза	напился 6, выпил 3, много выпил 3, пьяный 2. Неверное толкование - <i>плакал</i> 1 неверное толкование Отказ 1
Замазал глаза	скрыл что-то 5; наврал 7; хочет скрыть правду 6; что-то скрывает 4. Неверные толкования - <i>накрасился (макияж); ярко накрасился; болел; неровно накрасился; демонстративно проигнорировал ситуацию; сильно накрасился; улизнул; накрасился; заснул;</i> 8 неверных толкований Отказ 3
Закрыл глаза	не хочет обращать внимания на что-либо 5; видит только то, что хочет 7; не замечает очевидного 3; уснул 6; проигнорировал 4; умер 7; утомился 3; Неверные толкования – <i>надел очки; не умывался.</i> 2 неверных толкования
Запустил глаза	влез в чужое дело 8; смотрит в чужую сторону 6 Неверные толкования - <i>плохой уход (плохо ухаживал за ними); постарел, провинился; обычно так делаю, когда грущу; ослеп, потерял зрение; не лечил вовремя; обленился; стало плохо; долго не ухаживал за глазами; не видит очевидного.</i> 11 неверных толкований Отказ 5
Моргал глазами	Не понял чего-либо 4; прослушал что-либо 4; не понял чего-либо; оправдывался 6; что-то попало 4; было стыдно 3; нервный тик 5; кокетничал 3; просмотрел и удивился 5; Неверное толкование <i>-задумался.</i> 1 неверное толкование Отказ 2
Набил глаз	Приобрёл опыт 8; приспособился к чему-либо 3; натренировал 7; присмотрелся 3; стал опытным 6; набрался опыта 4; быстро определяет результат 3. подрался 1, ударил 1. Отказ 1
Отвел глаза	Стыдится 4; стало стыдно 5, не хочет разговаривать 3; соврал 3; засмущался 3, отвернулся 1. Неверные толкования - <i>свалил вину на другого человека; не обратил внимания; задумался и отошёл</i> 3 неверных толкования

Открыл глаза

Увидел действительность 5; осознал, что происходит 4; увидел то, чего не замечал раньше 6; проснулся 4; осознал, что происходит; объяснил 4, *проснулся*;

Неверное толкование - *испугался*.

1 неверное толкование

Отказ 1

Проглядел глаза

Долго ждал 7; долго смотрел на что-либо 4; следил 3.

Неверные толкования – *растяпа, сделал что-то стыдное и не раскаялся; потерял кого-то; пристально смотрел; не заметил*.

5 неверных толкований

Пустил пыль в глаза

Исказил действительность 6; обманул 3; соврал 4; выделялся 3; ввел в заблуждение 5; создал о себе хорошее впечатление 5; преувеличивал достоинства 3; приукрасил то, что есть 2.

Неверных толкований нет.

Прятал глаза

Смутился 5; провинился 3; стеснялся 7; стало стыдно 7; скрывал что-либо 3; стало стыдно, совершил какой-то плохой поступок; соврал 2; что-то скрывал 3.

Неверных толкований нет.

Пялил глаза

Вытаращился 4; пристально смотрел на что-то 6; долго смотрел 3; смотрел откровенно 3; смотрел нагло 2.

Неверное толкование – *изучал что-либо*

1 неверное толкование

По данным опроса было установлено, что в основном носители русского языка неверно толкуют выражения «замазал глаза», «запустил глаза», «проглядел глаза», что может свидетельствовать об устаревании этих выражений.

Таким образом, метод анкетирования помогает проследить динамические процессы, происходящие в сфере восприятия в коммуникации значений устойчивых выражений.

Анкета №2**Инструкция:**

Закончите фразу: «человек, про которого говорят, например, что, у него дурной глаз - какой?»

Выражение**Дефиниция характеризующего признака****У него дурной глаз**

Глазливый 7; плохой 3; может сглазить 5; колдун 1; завистливый 2.

Неверные дефиниции - *человек с плохим вкусом (плохо одет); отвратительный*.

2 неверных признака.

Отказ 2

У него хозяйский глаз

Опытный 2; домовитый 2; хозяйственный 5; у него все под присмотром 1; не распыляется на мелочи 1; быстро видит, что и как надо сделать 1; хороший хозяин 4; знает

тольк в хозяйстве 1; находит применение вещи по хозяйству 1.

Неверные дефиниции - *все считает своей собственностью, все делает для дома; хорошо знает свое дело; практичный; домовитый; экономный; очень следит за домом.*

7 неверных признаков.

У него глаза Аргуса

Видит и замечает все 3; всевидящий 1.

Неверные дефиниции - *меткий; красивый; многоглазый, привлекательная внешность; много знает; умный, внимательный.*

6 неверных признаков

Отказ 16

У него глаза на затылке

Невнимательный 4; ничего не замечает 4; не обращает внимания 5; смотрит и не видит 2;

Неверные дефиниции - *всезнающий; всевидящий; внимательный; осмотрительный; замечает все; обладает хорошей интуицией; любопытный; от него ничего не утаить;*

8 неверных признаков.

У него глаза на мокром месте

Часто плачущий 8; плакса 11; плаксивый 7; всегда грустный 5; печальный 3.

Неверные дефиниции - *меланхолик: ничего перед собой не видит; расстроен; мнительный человек; огорчение; сентиментальный.*

6 неверных признаков

Отказ 1

У него замылены глаза

ничего не видит вокруг себя 7, не замечающий ничего, что творится рядом 6; обманут 5; не видит всей правды 5; ничего сам не видит 4; человек не замечает очевидных вещей 4; что-то не замечает 3; не видит важного 3; не может увидеть истины 3; наивный 3;

Неверные дефиниции - *верит окружающим, с мутными глазами, скрытный, наивный.*

4 неверных признака

Отказ 6

У него глаз как алмаз

Точный 13; внимательный 4; видит самые мельчайшие детали 4; меткий 3; глазомер хорошо развит 2; зоркий 1; острый 1; всегда попадает в точку 2.

Неверные дефиниции - *определенный, светится, наблюдательный*

3 неверных признака

У него искры из глаз посыпались

От сильного удара 9, его ударили 7; от боли 7, у него помутнение сознания 3;

Неверные дефиниции - *от сильного потрясения, изображение лицом смятения; от шока; сильно удивленный, обескураженный; эмоциональный, холерик*

8 неверных признаков

Отказ 2

У него наметанный глаз

Опытный 14; приспособленный к определенному делу 6; знающий толк в деле, которое выполнял много раз 6; четко знает, что надо делать в выполняемой работе 5; профессионал в каком-либо деле 5; не раз совершил данное действие 4, умение в работе 3; зоркий 1.

Неверных признаков нет.

У него глаза завидущие

алчный 7; жадный 6, хочет всё 5; руки загребущие 4; всё хочет иметь 3;

Неверные дефиниции - *завистливый; человек, который манит к себе; обладает влиянием на окружающих; завистливый, ловелас; заводной*

5 неверных признаков

Отказ 1

У него глаза разгорелись

Азартный 6; загорелся новой идеей 7; заинтересованный 5; энтузиаст 3; захотелось сделать что-то новое 3; увлечённый 3.

Неверные дефиниции - *рискованный, радостный; впечатлительный; счастливый; очень радостный.*

5 неверных дефиниций

Отказ 1

У него глаза разбежались

Не определён в выборе 8; растерялся от большого выбора (увидел много всего) 8; растерянный 5; хочет все, но выбрать не может 9.

Неверные дефиниции – *рад чему-то; рискованный, нервный, от удивления, рассеянный, неуверенный.*

6 неверных дефиниций.

У него глаза бегают

Он врёт 8; у обманщика 7; у лгунишки 4; стыдливый 3, неуверенный 2, обманывает 1. боязливый 1, нервный 1; растерянный 1, неспокойный 1

Неверные дефиниции – *живой; не знающий чего-либо*
2 неверных признака

У него ни в одном глазу

Трезвый 12; не хочет спать 7; выносливый к действию алкоголя 5.не видно по человеку, что он пьяный 3;

Неверные дефиниции - *ему хоть бы что 5; наглый, по глазам не видно чувства человека; полное отсутствие знания какой-либо ситуации, отсутствие понимания;*

5 неверных признаков. Отказ 1.

Данные этого опроса также показали, что в основном молодые люди нечетко представляют себе значения следующих соматических выражений с компонентом «глаза»:

У него глаза Аргуса - 6 неверных признаков, 16 из 25 опрошенных студентов вообще отказались от ответа.

У него глаза на затылке – 8 неверных признаков

У него искры из глаз посыпались- 8 неверных признаков

У него глаза на затылке -8 неверных признаков

У него хозяйствский глаз -7 неверных признаков

У него глаза на мокром месте – 6 неверных признаков

Глаза разбежались - 6 неверных признаков

Таким образом, представленная методика анкетирования даёт возможность проследить процессы устаревания определённых выражений с соматическим компонентом «глаза».

А.Б. Зотова

Ситуации использования восклицательных высказываний (на материале русских и английских текстов)

Как известно, речевая деятельность, протекающая между двумя или несколькими людьми, представляет собой общение или коммуникацию. Каждому народу присущи те или иные особенности общения, которые могут иметь как сходства, так и различия. Совокупность особенностей общения того или иного народа представляет собой **национальное коммуникативное поведение** (Тер-Минасова 2000; Стернин 2004 и др.). Важным в коммуникативном поведении является **выражение эмоций**, поскольку они являются одной из форм отражения мира, составляют мотивационную основу деятельности человека и играют важную роль в его жизни (Филимонова 2001, с. 125).

На синтаксическом уровне основным средством выражения эмоций и чувств человека на окружающую действительность является восклицательное предложение и представляется интересным рассмотреть особенности их использования в русской и англоязычной коммуникации.

Материалом исследования явились 4000 русских и 4000 английских восклицательных предложений, извлечённых методом сплошной выборки из художественных и публицистических произведений современных русских и англоязычных писателей, преимущественно американских.

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции и реализующейся в определённых типах ситуаций.

В рамках материала исследования английские и русские коммуниканты (75% и 65%) используют восклицательные высказывания для выражения отрицательных эмоций, таких как возмущение, негодование, гнев, ярость, раздражение и т.д.

Говорящих «приводят» на использование как английских, так и русских восклицательных высказываний для выражения отрицательных эмоций разные ситуации, которые целесообразнее представить в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1. Ситуация неприятной неожиданности (35% в английском и 19% в русском), которая включает следующие разновидности:

1) невыполнение действия: “*Do you have Silas?*” “*No*” *Aringarosa’s anger rang sharply. You assured me you would stop that plane!*” (D. Brown “The DaVinci Code”), «**Так вот: Тарас Перхвильч за мной не зашел!**» – Дядя Игнат не может передохнуть от слез (А. Титов «Жизнь, которой не было») – 8,7% в английском и 5,7% в русском;

2) отсутствие необходимого человека: “*Marlinson!*” *he yelled. No answer* (D. Brown “Deception Point”); «*Его нет дома*» «**Какая жалость!**» (А. Слаповский «День денег») – 6% в английском и 4% в русском;

3) отсутствие необходимой информации: “*Open the safe*” *The pilot looked terrified. I don’t know the combination!*” (D. Brown “The DaVinci Code”), **Певец! Это певец такой!** (В. Залотуха «Последний коммунист») – ‘девушка злится, так как Илья не знает Влада Сташевского’ (4,5% в английском и 2,9% в русском);

4) отсутствие необходимого предмета (вещи, денег): «**Но дай!.. Дай мужа вызову**» (В.С. Маканин «Без политики») – ‘у Даши нет телефона, а ей нужно позвонить’; “*Ain’t got no strawberries,*” *the bartender said. Then go out and kill some!*” (J. Varley “Steel Beach”) – ‘Лиз вне себя от ярости из-за того, что нет клубники’ (4% в русском и 2% в английском);

5) неприятное сообщение: *Diane slapped Greenburg hard across his face. My husband is not dead! He’s at work*” (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”); **Ты что хочешь сказать? Что ты отказываешься от этих денег? Ну нет, этот номер не пройдет! Я тебя понимаю! Ты хочешь увидеть, с какой жадностью мы клюнем на эту приманку!** (А. Слаповский «День денег») – 4% в английском и 0,5% в русском;

6) обнаружение чего-либо неприятного или вселяющего страх: *Smoke was rising from the mask. Aw, man! What’s that smell?*” (S. King “The Green Mile”) – ‘во время казни пошел дым, и в комнате стало неприятно пахнуть’; **Старые люди... Сколько их ныне с протянутой рукой!** (Б. Екимов «Житейские истории») – 3% в английском и 0,7% в русском;

7) неприятная встреча: *Kelly looked in the side-view mirror and froze. It’s Godzilla! He’s following us*” (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”), **Она увидела Вадима Петровича издали. «О господи! – сказала Нора, внутренне раздражаясь. – Идемте скорей!»** (Г.Н. Щербакова «Актриса и милиционер») – 2,5% в английском и 0,5% в русском;

8) обнаружение негативного физического или психического состояния лица (в том числе самого говорящего): **O my God, I’m horribly drunk!** (A. Gopnik “Paris to the Moon”); **Он сделал движение и чуть не упал в воду. «Боже, как я испугалась!»** - воскликнула мать (В. Залотуха «Последний коммунист») – 2,2% в английском и 0,3% в русском;

9) непонимание (неверное понимание) происходящего (произошедшего): *Tanner was so furious, he could hardly speak. What the hell is going on-?!*” (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”), **А дедушка никак не мог понять, что вообще происходит?! За что он вдруг мог быть схвачен!** (В. Глоцер «М. Дурново») – 2,1% в английском и 0,4% в русском.

2. Обнаружение отрицательных черт в личностях, их поведении (28% в русском и 23% в английском):

1) совершение отрицательного поступка: *Потом заговорила – жестоко, сухо, ненавистно: Как же он подвёл её за последнее время, как подвел!* (Г.Н. Щербакова “Актриса и милиционер”); *You bastard! You told me that my brother wouldn't be in any danger* (S. Sheldon “Are you Afraid of the Dark”) - 6,5% в русском и 4,4% в английском;

2) открыто нахальное, навязчивое поведение: «*Меня Башалаев достал*». **«Кого хочешь достанет!»** (В.С. Маканин «Без политики»); **“I told you I’m busy!”** *Harper called out* (D. Brown “Deception Point”) – ‘кто-то стучал в дверь и мешал ученому работать’ (5,5% в русском и 4% в английском);

3) жестокое обращение с людьми: **Я больше не могу это вынести... я не могу, не могу!..** (В. Глоцер «М. Дурново») – ‘Марина не могла больше терпеть жестокого обращения хозяйки’; **This kid just clobbered his wife and is conning the pants off us and you’re letting him!** (J. Updike “Rabbit at Rest”) – 4,4% в русском и 3,8% в английском;

4) крик, шумное поведение: **Да не ори! Соседи рядом.** (В. Глоцер «М. Дурново»); *A couple were screaming. “Quit that!”* (S King “The Green Mile”) – ‘в тюрьме во время казни какая-то пара людей начала громко кричать’ (3,2% в русском и 3% в английском);

5) неприятная, отталкивающая внешность: **Какой ужасный у него вид!** (В. Глоцер «М. Дурново»); **Hell, that fat old broad!** *He probably won’t sleep for a year!* (S. King “The Green Mile”) – 3% в русском и 2,1% в английском;

6) беспорядочный, неправильный образ жизни: «*Лиля, что случилось? – спросил он. – Что с тобой? Ты пьёшь, куришь!*» (А. Слаповский «День денег»); **She drinks! She swears! She talks about her sex life – a lot!** (A. Gopnik “Paris to the Moon”) – 2% в русском и 1,8% в английском;

7) невежливое, пренебрежительное отношение к людям: **You haven’t even kissed me yet!** (C. Bukowski “South of no North”); «*Какое это имеет ко мне отношение?*» - удивился Флейшман. **Не делайте вида, что ничего не знаете! Вам же не так давно всё объяснили! Она от вас без ума!** (М. Кундера «Обмен мнениями») – 2% в английском и 1,5% в русском;

8) непостоянство во взглядах, мнении: **How jumpy you are!** (F. Raphael “The Glittering Prizes”) – ‘продюсер никак не может ответить актрисе, повредит ли её имиджу расследование убийства мужа’; «*Какая разница, куда ехать?*» - осведомился Парфен. **«А такая! Ехать так ехать, а не ехать так не ехать! Вылезьте, говорю, а то сейчас перехерачу вас тут всех!»** (А. Слаповский «День денег») – 1,3% в английском и 1,2% в русском;

9) небрежность в отношении к вещам, собственности: *И тут начался обыск. Ужас что такое было! Всё падало, билось!* (В. Глоцер “М. Дурново”); **Look, you got bloodspots on this shirt! Bloodspots!** (C. Bukowski “South of no North”) – 0,7% в русском и 0,6% в английском.

3. Ущемление личности (18% в русском и 17% в английском) может проявляться в реакции на:

1) сообщение ложной информации: «*Брешет, гад!* - теряя голос, сипел Николай. *Брешет!*» (Б. Екимов «Житейские истории»); “*I don't have any pass-key!*” “*Enough lies!*” *Strathmore bellowed.* (D. Brown “Digital Fortress”) – 4,2% в русском и 3,4% в английском;

2) принуждение к нежелательным действиям (насилие): *А она – та самая мать, которая мальчика посыпает деньги просить!* (А. Слаповский «День денег»); “*Have a seat,*” *the commander repeated, his voice firm.* “*Let me out!*” (D. Brown “Digital Fortress”) – 3,3% в русском и 3% в английском;

3) посягательство на собственность: *He walked to the door and saw another suit in his bedroom.* “*Get out now!*” (J. Varley “Steel Beach”) – ‘полицейские обыскивают квартиру’; **Не имеете права! Я покупал сено! Лично!** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘по приказу нового председателя колхоза у людей забирают сено’(4% в английском и 1,5% в русском);

4) нелепое, опасное предложение что-либо сделать: **Ты – больной! Тебя лечить надо! Я всем позвоню! До Москвы дойду!! На весь свет опозорю!** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘председатель колхоза предложил колхознице выдать в качестве пая портреты членов политбюро’; “*We need to inform the administrator and-*” “*This is bullshit!*” *Norah hissed* (D. Brown “Deception Point”) – ‘М. Толланд предложил сообщить администрации о том, что они обнаружили в метеорите’ (2,5% в русском и 2,3% в английском);

5) лишение нужных вещей: **Сколько времени прошло, как пропала её кочерга, место которой было у дверного проёма!** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»); *I'll bet that bitch stole my mail!* (C. Bukowski “South of no North”) – 2,2% в русском и 2% в английском;

6) обвинение в чем-либо: «*Схулили вы эти деньги*». «*Ещё раз объясняю: нашли мы их! У “Трёх медведей”!*» (А. Слаповский «День денег»); “*Lying and embezzling can put you in jail, Dr. Harper.*” “*I did no such thing!*” (D. Brown “Deception Point”) – 2% в русском и 1,8% в английском;

7) невнимательное отношение: “*Midge, we're showing strange stuff down here*” “*Dammit, Jabba! That's what I've been trying to tell you!*” (D. Brown “Digital Fortress”) – ‘Мидж злится, так как Джабба не слушал её, когда она говорила, что в компьютере вирус’; *Ей хотелось только одного – получить крупу из вашей ревности. А вы говорите – джентльмен!* (М. Кундера «Обмен мнениями») – 2% в английском и 1,3% в русском;

8) насмешку, издёвку: “*Come on, Wild Bill.*” “*Don't call me that!*” (S. King “The Green Mile’); «*Нелегала выкармливаешь?*» «**Ты не насмешничай!**» (М. Беленький «Даровые свечи») – ‘врач шутит о свободных взглядах работника обсерватории’ (1,5% в английском и 1% в русском).

Таким образом, анализ материала исследования показал, что американцы чаще русских используют восклицательные высказывания в

ситуации неприятной неожиданности (35% и 19% соответственно), а русские – при обнаружении отрицательных черт в личностях (28% и 23% соответственно). Частотность использования восклицательных высказываний при ущемлении личности и у русских, и у американцев приблизительно одинаковая (18% и 17%).

Что касается использования восклицательных высказываний для выражения положительных эмоций (восторг, восхищение и др.), то в обоих языках они употребляются довольно редко (35% в русском и 25% в английском). В рамках материала исследования можно выделить следующие ситуации их использования, представленные в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1. Ситуация приятной неожиданности (23% в русском и 17% в английском), которая включает следующие разновидности:

1) совершение достойного поступка: *А Джону я куплю целый мешок гостинцев. Ведь он самый настоящий мой спаситель!* (А. Титов «Жизнь, которой не было»); *You got my name right once! What's the matter with you?* (S. King “The Green Mile”) – 7% в русском и 4% в английском;

2) приятная встреча: «*Вот, мам, гляди, кого я привел. Узнаёшь?*» «*Да это же!..*» (Р. Сенчин «Нубук»); *The audience was cheering enthusiastically and shouting, “Andrew! Andrew!”* (S. Sheldon “Are you Afraid of the Dark”) – ‘все рады видеть ученого’ – 5,4% в русском и 3,2% в английском;

3) приятное неожиданное событие: *Он бросился к столу и принялся сличать номер. И – выигрыши! Николай был счастлив. Играть на гитаре он не умел, но главное – выигрыши!* (А. Слаповский «День денег»); *Anyone could see what these photos proved. The NASA meteorite is a fake!* (D. Brown “Deception Point”) – ‘сенатор узнал, что метеорит – ненастоящий, и поэтому он очень доволен’ (4,5% в русском и 3% в английском);

4) приятная новость: “*And Angel-?*” “*I have Angel in my apartment.*” “*Oh, that's wonderful!*” (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”); *Немца задержало охранение – он прямо шёл через поле. Дивная новость!* (А. Азольский «Глаша») – 4,1% в английском и 2,6% в русском;

5) обнаружение красивого явления, предмета, вещи: *Русский народ всегда мечтал о чуде. И вот оно – чудо, хрустальный храм, какого нигде больше нет! Восьмое чудо света!* (В. Залотуха «Последний коммунист»); *This is the most ravishing evening gown!* (A. Gopnik “Paris to the Moon”) – 3,5% в русском и 2,7% в английском.

2. Обнаружение следующих положительных черт в личностях и их поведении (12% в русском и 8% в английском):

1) достижения человека: *Я написал гениальную поэму!* (Ф. Искандер «День писателя»); *Mark exclaimed, “Gouyou's going for a flick kick! He made it!”* (S. Sheldon “Are You Afraid of the Dark”) – ‘Марк восхищен тем, что футболист забил гол’ (5,9% в русском и 2,5% в английском);

2) красивая внешность: *Look, she's beautiful, man!* (С. Bukowski “South of no North”); *У вас глаза хорошо блестят. Чудные глаза!..* (В. Глоцер «М.

Дурново») – 4,5% в английском и 3,5% в русском;

3) разные положительные черты характера, достойное поведение: *Этот миллионер из Австрии. Мировой мужик!..* (Р. Сенчин «Нубук»); *“What a character. Fanatical! Every time he comes in, it’s search strings”* (D. Brown “The DaVinci Code’) – 2,6% в русском и 1% в английском.

Таким образом, в рамках материала исследования и русские, и американцы используют восклицательные высказывания чаще всего для выражения отрицательных эмоций (75% в английском и 65% в русском). Американцы чаще используют восклицательные высказывания в ситуации неприятной неожиданности (35% в английском и 19% в русском), которая может быть обусловлена невыполнением действия, отсутствием необходимой информации, человека, предмета и др..

Русские чаще американцев используют восклицательные высказывания при обнаружении отрицательных черт в личности и поведении (28% в русском и 23% в английском).

Количество восклицательных высказываний в ситуации ущемления личности, в русском и английском языках, приблизительно одинаково (18% и 17% соответственно).

Русские чаще американцев используют восклицательные высказывания для выражения положительных эмоций (35% в русском и 25% в английском) в следующих ситуациях: 1) ситуация приятной неожиданности (23% в русском и 17% в английском); 2) обнаружение положительных черт в личности (12% в русском и 8% в английском).

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 189с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624с.

Филимонова О.В. Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) / О.В. Филимонова. – Санкт-Петербург: изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2001. – 259с.

С. Г. Киселева

Виды оценки в политических текстах⁴

Анализом политических текстов занимается политическая лингвистика, центральным понятием которой является политический дискурс. На

⁴ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

сегодняшний день исследование этой проблематики актуально в связи с возрастающим влиянием средств массовой информации, развитием политических технологий и т.д. Этими проблемами занимаются многие лингвисты, например, такие как А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, А.П. Чудинов и др. А. Н. Баранов определяет политический дискурс как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, Казакевич 1991, с.6).

Задача политического дискурса - не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» (Демьянков В. З.).

Особый интерес в связи с этим представляет рассмотрение категории оценки в политическом дискурсе. Объектом нашего исследования являются виды оценок политических текстов. Под оценочностью мы вслед за И. А. Стерниным понимаем наличие в слове положительной или отрицательной характеристики предмета, человека или явления, что считается немаловажным для любого текста и политического в особенности.

Многие лингвисты разграничивают системную и несистемную оценочность. Системной считается оценка, которая присутствует в денотате и коннотате слова, ощущается носителями языка и представлена в словарных статьях. Она может подразделяться на денотативную (оценочное слово) и коннотативную оценки (слово с оценочным компонентом), которые могут существовать одновременно, а также оценку ядерную и периферийную. Дифференциация денотативной и коннотативной оценки осуществляется следующим образом: «если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо/плохо», то оценка коннотативна; если такая процедура невозможна, то денотативна» (Стернин 2008, с.4).

Говоря о ядерной и периферийной оценке, необходимо отметить, что ядерная оценочность, представленная ядерными оценочными семами, очевидна и понятна всем носителям языка, в отличие от периферийной, которая обнаруживается, не всеми носителями языка.

Несистемная оценка возникает в речи, то есть, в тех ситуациях, когда неоценочное слово приобретает оценочность.

В словарях оценочные компоненты значения принято маркировать как «одобр.», «неодобр.» и «неоцен.». В общем виде оценку принято считать положительной (мелиоративной) или отрицательной (нейоративной).

В политическом дискурсе существуют различные приемы привлечения внимания реципиента. Одним из них является, в частности, употребление положительно-оценочных слов в текстах политических выступлений, что позволяет создать благоприятную атмосферу, нацеленную на оптимистичную, позитивную реакцию реципиентов; насыщенность речи негативными словами и выражениями вызывает эффект угнетенности, подавленности.

Говоря о политических текстах, необходимо отметить, что существуют две основные категории выступлений политических деятелей: речи политиков, находящихся у власти, и речи их оппонентов, то есть политиков, стремящихся завоевать власть. Хотя общей задачей всех политических деятелей является оказание воздействия на реципиента, призывая и побуждая его к каким-либо действиям, привлекая его на свою сторону, все ораторы достигают этой цели по-разному при помощи необходимых языковых средств.

Рассмотрим в этом аспекте текст публичного выступления Д. А. Медведева на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России (22.01.10, Москва, Кремль) и речь его оппонента Г. А. Зюганова на том же заседании.

В тексте Д.А.Медведева мы встречаем следующие слова и фразы, дающие положительную оценку политической жизни страны: «мы поддерживаем политическую *стабильность*, наша политическая система *хорошо работает*, показатели *роста* партийных структур *впечатляют*, *ответственный* подход, граждане станут *богаче*, умная экономика и политика, *процветание* России, *мирная* жизнь, *целостность* государства, социальная *стабильность*, *свобода* и *справедливость*». Также, хотя и значительно реже, в его речи встречается негативная лексика: «на практике мы сталкиваемся с процессами *примитивного* управления, *тупого* администрирования, заявления о массовых *злоупотреблениях*».

Анализ выступления Г.А.Зюганова показал, что его речь не так насыщена положительной лексикой, хотя она и встречается в его выступлении: «показали *высокую* *эффективность* развития, *честный* диалог, *объективный* и *серьезный* разговор». Напротив, слова с отрицательной оценкой встречаются гораздо чаще: «*тяжелейшие аварии*, ни одна из этих задач *не решится* успешно, *гибель* *многих* *людей*, *дефицит* *ответственности*, *износ* производственных фондов, наша политическая система *неэффективна*, господствует *криминал*, *уклонились* от расследования, *тяжелый кризис*, мы в *трудном* *положении*, исполнительная власть *разлагается* и *разрушается*, мы *потеряли* *половину* *своего* *национального* *богатства* и *капитала*, *массовые* *преследования* и *гонения* на *честных* *политиков*».

Подсчитав соотношение положительной и отрицательной лексики в составе оценочной лексики, употребленной данными политиками, мы получили следующие результаты: использование положительно-оценочной лексики Д.А.Медведевым составляет примерно 78%, Г.А.Зюгановым – 22%; отрицательно-оценочная лексика представлена приблизительно 17% слов у Д.А.Медведева и 83% у Г.А.Зюганова.

Отсюда видно, что Д.А.Медведев (политик у власти) старается показать состоятельность, эффективность своего управления, используя выражения с положительной оценкой, вызывающие у реципиента чувство уверенности, стабильности. Г.А.Зюганов (политик, стремящийся к власти), наоборот, доказывает несостоятельность правящей партии, формируя

определенное эмоциональное и психическое состояние у аудитории посредством активного использования лексики с отрицательной денотативной оценкой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка (положительная или отрицательная) широко и умело используется политиками и играет важную роль в политическом дискурсе.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. - 64 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. - (philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm)

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. - (<http://www.infolex.ru>) Стернин И. А. Значение слова и его компоненты. Изд. 2-е. Исп. и доп. Воронеж, 2008, 20 с.

Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи // Исследования по семантике. УФА, 1990, С. 18 - 26

Н.Л. Лынова

Текстообразующие категории в Слове «Въ великии четвъртъкъ» Иоанна Златоуста

Для современной лингвистики текста одним из центральных и существенных понятий является понятие модели, под которым мы подразумеваем множество, представляющее собой упорядоченную последовательность тех или иных речевых знаков (Лосев 2004, с.22). Это «множество» как сопутствующее модели понятие есть едино-раздельная целостность, в которой все ее элементы демонстрируют эту целостность в ее конкретном обнаружении. Эти элементы образуют не парадигму, в которой все члены выступают на равных, и не поле, в котором одни члены являются ядерными, другие периферийными, а именно множество, в котором любой его член может вступать в системные отношения пересечения, наложения и дополнения с членами других множеств (Припадчев, 2005, с.5). Под элементом множества в свою очередь мы понимаем такую его часть, которая рассматривается в свете этого множества как некая целостность.

В данной статье рассматриваются семантико-структурные модели, организующие семантическое пространство анализируемого фрагмента Слова Иоанна Златоустого (Успенский сборник XII-XIII вв, М., с.339-341); выявляются средства выражения этих моделей и приводятся соответствующие примеры.

При исследовании фрагмента выяснилось, что основной моделью, центрирующей семантическое пространство, является альтернация, а синтагмы ее предъявляющие, расположены дистантно и их содержание

почти дословно воспроизводится последующими. Эти повторы указывают на то, что содержание этих синтагм является главной темой в данной части Слова, вследствие этого в цитируемых эпизодах синтагмы будут выделены прописным шрифтом.

В СЕИ БО НАЧА СЯ ОТ ЧЛВКОЛЮБИЯ•ЧЛВКОЛЮБИЯ БО РАДИ БЫСТЬ НЕБО А НЕ ПОТРЕБЫ РАДИ БЖИЯ•ПОНЕЖЕ БО НБО СЪТВОРИ СЯ• НЕ ОУ ЕЩЕ ЕСТЬ НИ ШЕСТЬ ТЫСЯЩЬ ЛЕТЬ МИНОУЛО•ПРЕЖЕ ЖЕ НБСЪ И ПРЕЖЕ ВЕКЪ ОНЕХЪ МЪНОВЫХЪ•И НАЧАЛА НЕ ИМОУЩИХЪ •БЪ БЕАШЕ И ЕСТЬ• ПРЕЖЕ БО ВЪСЯКОВААГО ПРИМЫШЛЯЯ•

В первом отрывке семантическое пространство организовано: 1) **фактоцентрацией** - серия глаголов НАЧАСЯ - БЫСТЬ - СЪТВОРИ - ЕСТЬ МИНОУЛО; 2) **темпоцентрацией** - повторяющимся наречием ПРЕЖЕ; 3) **логоцентрацией** в варианте каузации и альтернации, где каузацию представляет серия коннекторов БО - БО - БО - БО, а альтернация выражена противопоставлением: а) существительных НБСЪ, ВЕКЪ, ВЪСЯКОВААГО / БЪ; б) глаголов НАЧАСЯ - БЫСТЬ - СЪТВОРИ СЯ / БЕАШЕ - ЕСТЬ

В смысловом аспекте доминирование логолинии свидетельствует о стремлении автора противопоставить вечность, неизменяемость Творца и временность с сотворенного, его текучесть (векъ мъноыхъ).

ЕЖЕ БЕАШЕ РЕЧЕНО ЕСТЬ •ТОГО РАДИ НБСА ИСПОВЕДАЮТЬ•НЕ ПОТРЕБОУ БЖИЮ НА СЛАВОУ БЖИЮ•ГЛЕТЬ СЯ ОУБО БЪ НА НБСИ ДВДЪМЬ •СЕ ЖЕ БЪ НАШЬ НА НБСИ ГОРЕ•НЪ РЕЧЕНО ЕСТЬ НЕ ЯКО ЖЕ ТРЕБУЮЩЮ БОУ НБСЕ•НИ ЯКО ЖЕ ПОЧИВАЮЩЮ НА НБСЬНЫХЪ АНГЛЕХЪ•НБО БО МНОГАЩДЫ НАРИЧЕТЬ СЯ ПИСАНИЕ НБСЬНЫЯ АНГЛЫ•НАРИЧЕТЬ ОУБО ЗЕМЛЮ ЗЕМЬНЫЯ ЧЛКЫ• А НБО НБСЬНЫЯ АНГЛЫ•

Семантическое пространство данного отрывка консолидируется: 1) **аксиоцентрацией** - серия глаголов РЕЧЕНО ЕСТЬ - ГЛЕТЬ СЯ - НАРИЧЕТЬ СЯ - НАРИЧЕТЬ; 2) **логоцентрацией** в варианте: а) негации - серия релятивов НЕ - НЕ - НИ; б) каузации, серия коннекторов ОУБО - БО - ОУБО. Анализируемый эпизод, по большей части, состоит из цитат Псалтири.

БЫСТЬ БО НЕБО НА СЛАВОУ БОГУ• НА ПОТРЕБОУ ЖЕ НАМ ДА СЛНЦЕ СВЕТИТЬ НАМ• И ЛОУНА И ВЪСЯ ЗВЕЗДЫ• НИ СЛНЦЯ БО ТРЕБОВААШЕ БЪ• ТВОРЕЦЪ СВЕТОВЫНЫИ •НЕ ТРЕБОВААШЕ ВИДИМАГО СВЕТА•ИМЕЯ ЕДИНЫЙ БЕСЪМЪРТИЕ• ВЪ СВЕТЕ ЖИВЫИ НЕПРИСТОУПЬНЕ•И НЕС НИЧТО ЖЕ ЧЮДЬНО•АЩЕ ДА БЪ НЕ ТРЕБОУЕТЬ СВЕТА ВИДИМАГО•НИ АНГЛЫ БО ТРЕБОУЮТЬ СВЕТА ЗЕМЬНААГО•НЪ ТЪЧИЮ НБСЬНААГО• НБСЬНЫИ ЖЕ СВЕТЬ САМЪ ТЪ БЪ•ТАКО БО СЪВЕДЕТЕЛЬСТВОУТЬ И КЪНИГЫ ДЕЯНИИ•

Семантическое пространство данного отрывка интегрируется:

- 1) **фактоцентрацией** : а) серия словосочетаний ВИДИМАГО СВЕТА - СВЕТА ВИДИМАГО - СВЕТА ЗЕМЬНААГО и существительным СЛНЦЯ;
- б) серия существительных НБО - СЛНЦЕ - ЛОУНА - ЗВЕЗДЫ;
- 2) **аксиоцентрацией** - номинации БЪ - ТВОРЬЦЬ СВЕТОВЬНЫИ - НБСЬСНЫИ СВЕТЬ - БЪ; 3) **логоцентрацией** в варианте а) негации - серия релятивов НИ - НЕ - НЕ - НИ; б) каузации - серия коннекторов БО - БО - БО.

В смысловом отношении активизация аксиотрассы обращает внимание на разграничение понятий света небесного и света земного. Логолиния же продолжает главную тему, имеющуюся в двух предыдущих отрывках: тварный мир не является для Бога природно необходимым.

ДА АЩЕ АНГЛЬ НЕ ТРЕБОУЕТЬ СВЕТА СЪТВОРЕНИЙ•ТО ТВОРЬЦЫЛИ АНГЛЬСКЫ И ТРЕБОУЕТЬ СВЕТА•НЕ ТРЕБОУЕТЬ ОУБО СВЕТА•НЪ НАСЪ СВЕТЬМЬ ВЕСЕЛИТЬ•НАСЪ ЖИВОТВОРИТЬ•НАСЪ ГРЕЕТЬ•

Семантическое пространство данного отрывка центрируется:

- 1) **фактоцентрацией** - повторяющееся существительное СВЕТА - СВЕТА - СВЕТА;
 - 2) **аксиоцентрацией** - серия глаголов ТРЕБОУЕТЬ - ВЕСЕЛИТЬ - ЖИВОТВОРИТЬ - ГРЕЕТЬ;
 - 3) **антропоцентрацией** - серия местоимений НАСЪ - НАСЪ - НАСЪ;
 - 4) **негацией** - серия релятивов НЕ - ЛИ - НЕ.
- Смысловая область рассматриваемого фрагмента стабильна, новых смысловых мотивов не вводится.

ВЪСЕ БО БЫСТЬ НА СЛАВОУ ОУБО ТОМОУ• НАМЪ ЖЕ НА ПОТРЕБОУ•СЛНЦЕ ДА ЧЛВКЫ ОСВЕЩАЕТЬ• ОБЛАЦИ НА ДЪЖДЕВЬНОЕ СЛОУЖЕНИЕ•ЗЕМЛЯ НА ПЛОДОВЬНОЕ ГОБИНЬСТВО •МОРЕ ЖЕ НА ОБИЛИЕ КОУПЬЦЕМЪ•ВЪСЕ ТЕБЕ ЧЛВКОУ СЛОУЖИТЬ• ПАЧЕ ЖЕ ОБРАЗОУ БЖИЮ•

В данном отрывке наблюдается серия существительных СЛНЦЕ - ОБЛАЦИ - ЗЕМЛЯ - МОРЕ, которая, на первый взгляд, свидетельствует об организации семантического пространства factoцентрацией. Однако троекратное употребление предлога НА и союза ДА с целевым значением свидетельствует о поглощении фактоцентрической модели логоцентрической моделью. Антропоцентрическая модель включает разнородные элементы: местоимения НАМ, ТЕБЕ, существительное ЧЕЛОВЕКУ, словосочетание ОБРАЗУ БОЖИЮ. Особенность смысловой зоны анализируемого эпизода - это введение новой темы, которая будет развернута в следующем фрагменте.

НЕ БО ДЪСКЫ ЧЬТОУЩЕ СЪРЕТАЮТЬ•ЕГДА ЦСРЬЕ ОБЛИЧИЯ ВЪ ГРАДЬ ВЪНОСЯТЬ•СТАРЕИШИНЫ И НАРОДИ СЪ ХВАЛАМИ И СЪ СТРАХЪМЪ•НИ СЪ ВОСКЪМЬ ЛИЯНААГО ПИСАНИЯ НЪ ОБРАЗЪ ЦСРЬ•ТАКО ЖЕ И ТВАРЬ НЕЗЕМЬНЫИ СЪСОУДЪ ЧЬТЬЕТЬ•НЪ НБСЬНААГО ОБРАЗА СТЫДИТЬ СЯ•ВЪСЕ ОУБО БЫСТЬ НЕ ПОТРЕБЫ РАДИ БЖИЯ НЪ НА ПОТРЕБОУ НАШЮ•

Семантическое пространство данного отрывка интегрируется:

1) **аксиоцентрацией** - серия глаголов СЪРЕТАЮТЬ - ВЪНОСЯТЬ - ЧЬТЬЕТЬ - СТЫДИТЬ; 2) **альтернацией** - серия релятивов НЕ - НИ - НЬ - НЬ и контекстуальные антонимы ДЪСКЫ, ВОСКЪМЬ ЛИЯНААГО - ОБРАЗЪ ЦСРЬ; НЕЗЕМЬНЫИ СЪСОУДЪ - НБСЬНААГО ОБРАЗА.

Рассматриваемый фрагмент завершает собой первую часть Слова - угасает тема о том, что не Творец нуждается в творении, а человек.

В заключение представляется возможным сделать следующий вывод: из выявленных семантико-структурных моделей строения текста первой части Слова «**ВЪ ВЕЛИКЫИ ЧЕТВЪРТЬКЪ**» ведущим способом консолидации текстовой локальности выступает логоцентрация в вариантах негации, каузации и альтернации. При этом альтернация оказалась наиболее востребованной текстообразующей категорией – она работает и в качестве основной модели, и в качестве осложняющего фактора.

Посредством этой категории выявляются специфические черты антиномической системы мышления византийских теологов. Так, В. В. Бычков, анализируя эти особенности, пишет: «В высокохудожественных образцах культовой поэзии догматические антиномии нередко преобразуются в систему художественных оппозиций» (Бычков 1977, с. 48). Возникла развернутая система мышления, в основе которой лежало утверждение равноправного существования взаимоисключающих суждений.

Бычков В. В. Византийская эстетика. – М., 1977

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004

Припадчев А.А. История русского литературного языка. – Воронеж, 2005

Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста. – Воронеж, 2004

Успенский сборник XII – XIII вв. – М., 1971

Т.В.Морозова

Функции монолога и диалога в раскрытии авторского замысла в романе М. Делибеса «Войны отцов наших»

Мигель Делибес – один из наиболее значительных испанских писателей современности. Он является автором романов (их около двух десятков), нескольких сборников рассказов и репортажей, многочисленных очерков, заметок, книг об охоте, природе и путешествиях. Многие из этих публикаций, раскрывая наиболее характерные, глубинные процессы, которые происходили в испанской прозе второй половины 20-го века, становились событиями в литературной жизни страны, отмечались

высшими премиями издательств. Его романы издавались и за рубежом – они переведены на все основные языки мира.

Его романы (большой частью незначительного объема, с ограниченным числом персонажей, лишенные внешних эффектов и изысков, острых сюжетных линий, с повествованием, сосредоточенным вокруг отдельных, на первый взгляд, не очень важных событий из жизни самых обычных людей, отличаются жанровым разнообразием, оригинальностью и необычностью построения. Писатель упорно стремится обновить повествовательную структуру, смело экспериментирует с композицией своих романов: разрабатывает особую «систему концентрических кругов», широко использует приёмы полифонического монолога и диалога, обращается к редкому для нынешних времён жанру эпистолярного романа и т. п. И почти всегда Делибесу удается достичь замечательной выпуклости художественных образов, нарисовать в своих романах реалистическую картину испанской жизни.

Тема столкновения цельной, незаурядной личности с «системой», требующей от каждого беспрекословного и бездумного подчинения, неизменно привлекает внимание писателя. К ней он обращается в таких известных романах, как «Парабола и потерпевшем кораблекрушение» (1969), «Развенчанный принц» (1973) и др. Эта же тема приобретает новые, очень своеобразные оттенки в романе «Войны отцов наших» (1975).

Построен роман как диалог тюремного врача Буриньо Лопеса и заключённого, приговорённого к смертной казни, главного героя произведения Пасифико Переса. Их беседы Лопес записывает на магнитофонную плёнку в надежде выяснить такие обстоятельства жизни и преступления Пасифико, которые позволили бы облегчить его участь. Перед врачом и одновременно перед читателем проходит вся жизнь простодушного крестьянского парня, оказавшегося «белой вороной» в своей семье и родной деревне.

Писатель выбирает особую форму повествования, в которой преобладают диалоги. Известно, что диалог характерен для произведений драматического рода, что придаёт действию большую динамичность и смысловую насыщенность. В «Войнах отцов наших» диалог выступает как основное средство развития действия, конфликта и основной способ изображения характеров. Через диалог раскрывается внешняя и внутренняя жизнь персонажей: их взгляды, интересы, чувства, переживания, настроения.

Именно через реплики героев в диалогической и монологической речи реализуются все сюжетные составляющие. Воспоминания Пасифико «всплывают» в ходе беседы с врачом. Доктору необходимо «разговорить» Переса, то есть поставить вопрос таким образом, чтобы в ответной реплике не просто прозвучало как можно больше информации, но чтобы заключённый мог воспроизвести в речи достаточно цельную и полную картину своего прошлого. Проанализировав и сопоставив факты, Лопес надеется выявить и доказать невиновность заключённого.

«Быть – значит общаться диалогически», – утверждал М. Бахтин, рассматривая функцию диалогической речи в произведениях Ф.М.Достоевского. Это замечание представляется совершенно справедливым и по отношению к героям романа М. Делибеса. Пасифико в процессе диалога словно оживает, так как реплики врача, вначале лишь частично задевая, а потом всё чаще и чаще совпадая с репликами внутренней речи заключённого, в итоге пробуждают в герое то, чего ему всегда не хватало, – возможность и способность осмыслить действия, события, факты. Глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя – вот тот фактор, который необходим для диалога и который, в конце концов, и влияет самым непосредственным образом на развитие действия в романе М. Делибеса. Однако «тайное слово» Пасифико, человека мало образованного и несколько «странных», обнаружить очень трудно. И это может быть вовсе не слово, а нечто иное – пейзаж, образ дома, родных и т. п. Врач в диалоге с Пасифико ищет символы и ассоциативные связи, при помощи которых можно будет восстановить события прошлого.

В романе «Войны отцов наших» в диалогах реализуются все компоненты сюжета: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Специфика соотнесённости традиционных элементов сюжета в этом романе Делибеса выражается в том, что экспозиция растянута, а её фрагменты – рассказы о военных «подвигах» «пра», деда, отца отчасти похожи на вставные новеллы, но именно они объясняют формирование мальчика Пасифико. Но чтобы понять его поступки и «странные» – своеобразный протест против жестокости и насилия – собеседнику Переса приходится выспрашивать заключённого о целом ряде деталей, которые Пасифико не мог бы самостоятельно соотнести со своим нынешним состоянием, а это, в свою очередь, очень важно для понимания психологии героя, для раскрытия его характера и, в конечном счёте, замысла самого писателя.

Своеобразно и само построение диалога. Реплики доктора часто представляют собой комментарий и анализ рассказанного пациентом. Пасифико и доктор – разные по интеллектуальному уровню люди, но соединение их в роли собеседников даёт возможность М. Делибесу представить читателю различные способы художественного отражения действительности.

Вопросы доктора представляют собой некое подобие тематического плана повествования. Нередко ответы Пасифико не совсем соответствуют этому плану и «уводят» повествование в сторону. Но именно подобные моменты способствуют движению сюжета. Микроконфликтное сцепление вопроса-ответа порождает потребность уточнения, то есть последующего ответа, который в свою очередь, может быть опять совсем неожиданным для врача и он задаёт новый вопрос, который, возможно, совсем не предполагал. Движение сюжета кажется непредсказуемым, его развитие

интригует и держит в напряжении. Тем не менее, в результате возникает стройная, законченная картина жизни главного героя.

Таким образом, функция диалога в романе – вскрыть конфликт между миром и героем, выявить мироощущение Пасифико. Одновременно М. Делибес пытается решить проблему: как личности противостоять жестокости и насилию? И решение это не из простых. Возможность не участвовать, подобно Пасифико, в жизни, отстраниться от неё, спрятаться куда угодно (хоть в тюрьму), а ещё лучше – так и не появляться на свет из утробы матери, даётся огромным изломом, трагедией жизни и тем не менее не является действенным способом борьбы со злом.

В конце романа доктор отказывается от той цели, которую поставил, а Пасифико едва не уничтожает все записи их диалогов: есть ли в них смысл? Зачем нужны были эти беседы? Изменилось ли что в жизни? Однако подобные вопросы – это уже вопросы самого автора к самому себе, к читателю и к миру.

Ярчайшей особенностью художественного метода М. Делибеса в романе «Войны отцов наших» является то, что события передаются не автором-повествователем, как того требует жанр эпического произведения, а «воспроизводятся» в речи главных героев. Их диалоги, состоящие в начале из кратких реплик, постепенно перерастают в диалогическую речь, перемежающуюся с монологами Пасифико.

Монологи в романе дают речевые характеристики герою и способствуют раскрытию замысла автора. Обращает на себя внимание монологическая речь главного героя. Её словарный состав и синтаксические конструкции подчёркнуто бедны. Пасифико порою сам признаётся, что не может связно изложить факты. В его речи много неполных предложений, словарь скучен, преобладают просторечия, разговорная лексика. Однако, давая речевую характеристику своему герою, М. Делибес акцентирует своё и читательское внимание отнюдь не на малообразованности Переса и его определённой примитивности, а на простодушии, незлобивости и удивительной способности терпеть, не упрекать ни в чём окружающих и не сетовать на судьбу. В подобной трактовке образа главного героя, безусловно, сказывается влияние эстетики «гойизма», одним из основоположников которого считается М. Делибес.

Исупов К. Г. Уроки М. М. Бахтина // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. СПб.: РХГИ, 2001. С. 7-44.

Некоторые проблемы межъязыковой коммуникации и теории текста в сфере науки

Научные тексты создаются с целью формирования определенной системы отражения действительности - описания предмета, явления, системы знаний, доказательства существования чего-либо: объекта (объектов), связи между объектами или отсутствия этой связи и т.д.

Научный текст представляет собой описание результата научного исследования с присущими ему особенностями. Устная научная коммуникация представлена следующими жанрами: доклад, лекция, дискуссия. Письменная форма представлена жанрами монографии, учебника, статьи, рецензии, аннотации, реферата, тезисов. В зависимости от стиля, формы общения жанры различаются по тематике и структурным особенностям, преобладанию тех или иных типов речи, порядку их следования.

Стратегия поведения участников коммуникации в сфере науки реализуется с помощью конкретных речевых поступков, представляющих собой выбор оптимальных средств и способов коммуникации. Данный подбор касается не только выбора стиля, но и выбора жанра, композиционной формы текста.

Стратегия социальной престижности может реализовываться на разных уровнях научного текста: в частности, использование автором клише и терминологизированных словосочетаний и демонстрация способности к их варьированию и дифференциированному использованию, построение синтаксических периодов с четкой параллельной структурой, использование ярких дефиниций.

Особого внимания требует характер сообщения, та информация, ради которой осуществляется коммуникация. Очевидно, в основе научной сферы общения находится получение нового знания о мире. Одним из основных результатов такого рода деятельности является создание определенного текста, представляющего объективно истинную информацию об объектах мира. Высокая степень социальной ориентации данного вида деятельности приводит к обязательности ее социальной регламентации, которая распространяется не только на социальные и статусные роли коммуникантов, на стиль общения, но и на намерения говорящих и характер сообщаемого (Рябцева 2000, с. 128).

Говорящий всегда преследует несколько целей: передать информацию об объекте X, убедить адресата в истинности этой информации, выявить свою роль в получении этой информации. При этом верификация и аprobация информативной состоятельности речевых актов и текстов также представляют собой жестко регламентированную процедуру. Все это в

целом определяет уникальность коммуникативных процессов в научной сфере.

Факторами, способствующими межкультурной коммуникации в сфере науки, являются следующие: осуществление обмена научной информацией по корпоративным каналам профессиональных сообществ, ограничение потока информации путем его классификации и дифференциации по различным темам и проблемам дисциплинарных областей знания, выбор одного языка (чаще всего английского) для общения.

Факторами, препятствующими межкультурной коммуникации в сфере науки, являются такие, как: отсутствие одного языка общения, возможность хранения и передачи информации на различных языках, и, как следствие сказанного, проблема перевода или ретрансляции информации на ином языке.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что важнейшими причинами, затрудняющими коммуникативные процессы в научной сфере, являются проблемы лингвистические, языковые и речевые. Проблемы различий в культурах нейтрализуются в данном случае, так как корпоративная научная среда складывалась на протяжении нескольких сотен лет как интернациональная, что и нашло отражение в языке науки. Во многих культурах в результате использования национального языка в научной сфере сложился особый функциональный стиль, предназначенный для экспликации научной информации. В языках сложились национальные терминосистемы, отражающие систему знаний по данной дисциплине.

Как известно, в настоящее время теория перевода как самостоятельная научная дисциплина, а вместе с ней и переводческая практика во многом трансформируются в более широкую, глобальную дисциплину - теорию межкультурной коммуникации. Перевод как особый вид речевой деятельности является одним из основных и общепринятых средств межкультурной коммуникации, так как очень часто именно переводчик становится посредником в обмене научной информацией.

Одной из важнейших реальностей перевода является ситуация относительности результата процесса перевода, решение проблемы эквивалентности применительно к каждому конкретному тексту. Существует несколько взглядов на эту проблему. Так, концепция формального соответствия (Новикова 1987, с.25-11) формулируется следующим образом: передается все, что поддается вербальному выражению. Непереводимые и трудно переводимые элементы трансформируются, опускаются только те элементы текста-источника, которые вообще невозможно передать.

Авторы концепции нормативно-содержательного соответствия утверждают, что переводчик должен следовать двум требованиям: передавать все существенные элементы содержания исходного текста и соблюдать нормы переводящего языка. В этом случае эквивалентность трактуется как равновесное отношение полноты передачи информации и норм языка перевода. Авторы концепции адекватного (полноценного)

перевода считают перевод и точный пересказ текста совершенно разными видами деятельности. Они полагают, что при переводе следует стремиться к исчерпывающей передаче смыслового содержания текста, причем добиваться того, чтобы процесс трансляции информации происходил теми же (равноценными) средствами, что и в тексте оригинала (Канделаки 1977, с. 56).

Сложнейшей проблемой, связанной с переводом научных текстов, является проблема передачи исходного содержания с помощью иной терминосистемы. Мы полагаем, что терминосистема языка перевода является принципиально неповторимой, как и лексическая система в целом. Это связано со следующими причинами:

терминосистема является частью лексической системы национального языка, следовательно, она в той или иной мере отражает его национально-культурную специфику;

терминосистема отражает предметно-понятийную область знаний в конкретной дисциплинарной области, которая также может отличаться в различных культурах;

терминосистема всегда динамична, она постоянно изменяется как в системных отношениях между единицами, так и в отношении плана содержания отдельной терминологической единицы.

Указанные факторы часто приводят к тому, что термины рассматриваются как безэквивалентные или частично эквивалентные единицы. Понятие безэквивалентности на лексическом уровне рассмотрено и описано, ее причинами являются: 1) отсутствие предмета или явления в жизни народа; 2) отсутствие тождественного понятия; 3) различие лексико-стилистических характеристик. Применительно к терминологии наиболее частыми являются первые две причины, в особенности отсутствие тождественного понятия.

В качестве примера можно привести попытки сопоставления русской и английской юридической терминологии, которые выявили принципиальное несовпадение лексических значений функционально-тождественных и нередко сходных по звуковой оболочке терминов, что объясняется принципиально различным устройством самой системы права в России, Великобритании и США. Такие же принципиальные различия мы можем выявить практически в любой гуманитарной науке, занимающейся исследованием и описанием общества, реалий его жизни и вследствие этого неразрывно связанной с национально-культурной спецификой этих реалий. Между тем большинство терминологических единиц создано на базе интернациональной лексики и интернациональных морфем, и в силу этого очень часто может возникать иллюзия терминологического тождества, которой на самом деле нет, или попытка воссоздать семантическую структуру термина на основе значения составляющих его морфем. Подобные ситуации часто приводят к неточностям или даже серьезным ошибкам при переводе.

Из сказанного вытекает насущная необходимость сопоставительных исследований терминосистем как в плане семантического описания их значений, так и в плане изучения способов номинации, продуктивных в той или иной системах знаний, а также необходимость разработки приемов перевода безэквивалентных терминов.

В переводческой практике часто используется транслитерация и транскрипция для перевода множества терминологических единиц. Этот прием перевода можно рассматривать как приемлемый при условии следования далее разъяснительного перевода, т.е. дефинирования данного понятия. При этом следует упомянуть о том, что данный способ, с одной стороны, приводит к интернационализации терминологических систем, с другой стороны, следствием этого приема может явиться необоснованное заимствование, которое приводит к сдвигам в терминосистеме в целом. Следовательно, необходима разработка конкретных переводческих процедур в передаче терминологических единиц другого языка.

Таким образом, коммуникация в сфере науки - одно из важнейших направлений обмена информацией в мировом сообществе в связи с научно-техническим прогрессом. В отличие от других сфер коммуникации письменная коммуникация играет важнейшее значение. Важнейшими причинами, затрудняющими коммуникативные процессы в научной сфере, являются проблемы лингвистические - языковые и речевые.

Бурак А.Л. Введение в практику письменного перевода с русского языка на английский. Этап 1: уровень слова. - М.: МГУ им. М.В. Ломоносова -Intrada, 2002. - 176 с.

Новикова Л.Н. Выявление стилеобразующих возможностей творческих элементов научного текста // Теория и практика английской научной речи. Под ред. М.М. Глушко. - М.: Изд-во Моск. ун-та. - 1987. - С. 27-36.

Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики: Новый словарь-справочник активного типа (на английском языке). - М.: Флинта. - Наука, 2000. - 600 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000

Филатова Л.А. О явлениях универсализации в научном стиле // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1991. - № 2. - С. 78-86.

Leech G.N. Principles of pragmatics. L., N.Y. Longman Inc., 1983-190 p.

А.А. Припадчев

Речевая системность текста в данных смыслов

(на материале произведения жанровой формы «грамота»)

В теории речи существенно разграничение понятий «семантика» и «смысл». Системообразование в речи, выявляемое через понятия

«факторы» и «принципы», и речевая системность конкретных текстов, выявляемая через понятие «модели», в данных **семантике** уже были предметом нашего внимания и демонстрировались на материале текстов жанра «плач» и жанра «молитва» (Припадчев, 2006, с. 117–121; 2007, с. 66–76; 2008, с. 58–67; 2008, с. 13–24; 2008, с. 3–15). В новой серии статей системообразование в речи и речевая системность определенных текстов, в частности, жанровой формы «грамота» рассматривается уже в другом аспекте, а именно: в данных **смыслов**.

Потребность в разграничении семантики и смысла возникла не сегодня. Ученые разных направлений в лингвистике при изучении текста и речи стали особенно настаивать на этом в конце XX века.

Необходимость разграничивать понятия «денотат» и «смысл» прослеживается по многим положениям Н.И. Жинкина: «Речевые знаки по требованию значений, вырабатываемых в процессе коммуникации, перестраиваются в эквивалентные для партнеров формы, в которых должно происходить быстрое узнавание и разборчивая реализация языковых единиц. Интеграция этих единиц образует предметный **смысл денотата** (выделено нами – А. П.) и тем самым возможность выразить его содержание в разных словах, в чем и состоит акт понимания» (Жинкин, 1982, с. 68).

«Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам относится, например, роль денотатов, различие между **значением и смыслом** (выделено нами – А. П.)» (Жинкин, 1982, с. 80).

Углубляя разграничение понятий «значение» и «смысл», Н.И. Жинкин не исключает наличия в тексте не только семантических моделей (идентификация денотатов), но и определенно говорит о присутствии в нем иных – смысловых моделей: «**Денотаты** (выделено нами – А. П.) интегрируются по ходу развития темы речи, и единство темы держится на идентификации денотатов. <...> **Смысловые** (выделено нами – А. П.) связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели. Тогда модель <...> будет смыслом отрезка речи. Иначе говоря, смыслом будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» (Жинкин, 1982, с. 80–81).

Сосредоточиваясь на понятии «смысл», Н.И. Жинкин предлагает практические пути обнаружения смысла текста – наблюдать за смежными предложениями, постепенно расширяя радиус смежности до кристаллизации смысловых отношений структур: «**Текстовый смысл** (выделено нами – А. П.) – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» (Жинкин, 1982, с. 84–85).

К прозрению и предсказанию когнитивной лингвистики (Попова, Стернин, 2007; Попова, 2009) можно отнести высказывание Н.И. Жинкина

о том, что смысл, формируясь до языка и речи, соотнесен на только с речемыслительной деятельностью, но и прежде всего с ментальностью в широком смысле этого слова: «Говоря о **смысле** (выделено нами – А. П.), мы попадаем в компетенцию интеллекта. <...> Интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)» (Жинкин, 1982, с. 88).

Итак, по Н.И. Жинкину, смысл является интегралом значений. Смысл – это внутренняя форма языка, которую старался обнаружить В. фон Гумбольдт (Жинкин, 1982, с. 89, 96).

Непосредственно на понятии «смысл», без акцентирования понятия «значение», сосредоточивает свое внимание и нейролингвистика, осмысляя этот термин в приложении к тексту. А.Р. Лурия отмечает, что смысл текста – величина большая, нежели смысл отдельных предложений и их последовательности: «Было бы неправильно думать, что **смысл** (выделено нами – А. П.) воспринимаемого текста исчерпывается смыслами отдельных предложений. Процесс понимания смысла целого текста несравненно сложнее. <...> Анализ понимания смысла целого текста так же не может сводиться к анализу последовательности предложений, <...> как и понимание предложений не сводится к пониманию просто следующих друг за другом отдельных слов» (Лурия, 1975, с. 173).

Уводя исследователей от искушения разбить смысл текста на кусочки смыслов, Р.А. Лурия предлагает понятие «модель» в приложении к смыслу: «Быть может, лучше всего <...> сложность **смысовой** (выделено нами – А. П.) структуры текста проявляется в басне (притче), процесс понимания которой может быть оценен как модель любого сложного процесса понимания текста» (Лурия, 1975, с. 174).

Для того, чтобы в поисках смысла текста переход от смысла отдельного элемента произведения к смыслу текста как целого был органичным, Р.А. Лурия советует предусмотреть «скрытые смыслы» в любом тексте, а не только в художественном: «Подлинное понимание **смысла** (выделено нами – А. П.) текста предполагает сначала интерпретацию скрытого смысла отдельного фрагмента, а затем – и общего смысла всего текста в целом» (Лурия, 1975, с. 175).

Обращая внимание на сложность процесса интерпретации смысла текста, Р.А. Лурия рекомендует учитывать многослойность смыслов текста, его «внешнее содержание» и «внутренний смысл»: процесс понимания текста «выходит далеко за пределы декодирования отдельных грамматических структур, включенных в текст; он требует абстракции от частного значения, выраженного отдельными элементами текста, и от сообщения, которое является его «внешним содержанием»; наиболее существенным звеном понимания текста становится его внутренний **смысовой** (выделено нами – А. П.) анализ» (Лурия, 1975, с. 176).

Во избежание претензий на единственную возможную интерпретацию смысла текста Р.А. Лурия допускает разные версии его смысловой

структуры, предлагая понятие «глубина прочтения текста»: «Нет сомнения в том, что глубина прочтения текста может быть различной и что она варьируется от одного субъекта к другому, вероятно, в значительно большей степени, чем анализ «внешнего», грамматически оформленного значения предложений» (Лурия, 1975, с. 176).

Констатируя состояние дел в психологии и лингвистике в области изучения смысла, Р.А. Лурия пишет: «Мы не можем сказать больше о сложном психологическом процессе декодирования общего **смысла** (выделено нами – А. П.) текста. Эта проблема <...> еще очень мало изучена психологами. <...> Лишь в самое последнее время она стала тщательно изучаться некоторыми <...> лингвистами; однако здесь делаются только первые шаги» (Лурия, 1975, с. 177).

И далее: «В отличие от <...> изучения понимания отдельных предложений, понимание целых **смысловых** (выделено нами – А. П.) отрывков, их общей мысли и их внутреннего смысла, почти совсем не располагает сколько-нибудь достаточной литературой» (Лурия, 1975, с. 181.)

Обращаясь к тексту, авторы «Основ теории речевой деятельности» не используют понятий «семантика» и «смысл», но прибегают к терминам «универсалия речи», «психолингвистическая модель»: «При попытке психолингвистических объяснений речевых явлений необходимо, по-видимому, учитывать три аспекта: сам лингвистический факт, который может быть обнаружен на основе анализа текстов одного языка, его проверку на универсальность и его психологическую интерпретацию» (Основы... 1974, с. 139).

«Однако несмотря на некоторые успехи, достигнутые в психологической интерпретации извлеченных из текстов фактов, особенно фактов речи, большинство универсалий до сих пор не нашло психолингвистического объяснения» (Основы... 1974, с. 142).

И далее: «Рассматривая текст как материал для психолингвистических исследований, необходимо иметь в виду, что один и тот же текст <...> может интерпретироваться по-разному. <...> Вряд ли можно утверждать априорно, что в основе порождения данного типа высказывания лежит та или иная психолингвистическая модель. <...> В то же время нельзя недооценивать возможностей, которые предоставляет текст для психолингвистических исследований» (Основы.... 1974, с. 144).

Так долго кристаллизовавшееся различие понятий «семантика текста» и «смысл текста» в увлеченности моделированием процесса понимания текста стало снова уходить на второй план. По существу текст снова исключен из проблематики «язык – речь». А если это так, то потеряны и предметы лингвистики – язык, речь.

Но нет текста вообще. Есть конкретный текст с временными, ареальными, жанровыми и авторскими параметрами. Текст – это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь – нейтрализация языкового различительного означивания денотатов сходным речевым

означиванием денотатов и смыслов денотатов. В каждом тексте этот процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте – величины искомые. Главное для текста – речь. Основное ее доказательство – системность.

Не бывает системности на пустом месте. Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.), о чем мы говорили в других работах, или в данных смыслов (универсальный – энциклопедический; национальный – контекстуальный и ситуативный; уникальный – прагматический, образный).

Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предъявляться, как писал Ф. де Соссюр (Соссюр, 1977, с. 133), через понятия «факторы» и «принципы». Используемые нами и ранее, при обсуждении речевой системности текста в данных семантики, эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов, что подтверждает их сущность и универсальность.

А мы, великии государь, по своему царскому милосердому обычаю вас всех пожалуем: и вам, бояром нашим и воеводам, честь и повышение учиним, а отчинами вашими прежними вас пожалуем к тому еще и прибавим, и в чести вас держати будем; а вас, дворян и приказных людей, в нашей царской милости держати хотим; а вас гостеи и торговых людей и всего Московского государства, пожалуем в пошлинах и в податех, и все православное христианство в тишине, и в покой, и во благородественном житии учинити хотим (Иное сказание // Русское историческое повествование XVI – XVII веков. – М., 1984. – С. 59).

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл: Россия в Смутное время (*мы – великии государь – по своему царскому милосердому обычаю*). В апреле 1605 года царь Борис Федорович Годунов, избранный на царство в 1585 году земским собором после кончины Федора Ивановича, человек из второстепенного боярского рода, на сестре которого Ирине был женат Федор Иванович, скончался.

В июне 1605 года Москва приняла «природного» царя, объявившего себя сыном Ивана Грозного Дмитрием Ивановичем. Это был Лжедмитрий I, самозванец, расстрига Григорий Отрепьев. Говорили, что он галичский боярский сын, который постригся в монахи и был дьяконом в Чудовом монастыре в Москве. Отсюда бежал в Литву.

В мае 1606 года бояре во главе с князем Василием Шуйским ворвались в Кремль и убили Лжедмитрия I. Труп его сожгли, пепел смешали с порохом и выстрелили в ту сторону, откуда пришел.

Контекстуальный смысл: программа льгот (*честь – повышение – в милости – в пошлинах – в тишине – в покой – в житии*).

Ситуативный смысл: обращение к разным социальным группам. В ситуации (коммуникативной) принимают участие Лжедмитрий I (*государь – И.п.*), совокупные субъекты бояре (*бояром – Д.п.*), дворяне (*дворян –*

В.п.), приказные люди (*приказных людеи* – В.п.), купцы (*гостеи* – В.п.), торговцы (*торговых людеи* – В.п.), христиане (*христианство* – В.п.).

Прагматический смысл: в отличие от древнерусской грамоты не нейтральный. Автор высказывает отношение к ситуации и ее участникам, убеждает людей поддержать Лжедмитрия I, сообщая разным социальным слоям и всем верующим о своих намерениях (*пожалуем* – *учиним* – *прибавим* – *держати будем* – *держати хотим* – *учинити хотим*).

Образные смыслы: в сравнении с древней грамотой не вполне нейтральные. Характеры второстепенных «персонажей» – бояр, дворян, купцов, торговцев – не разрабатываются. Поэтому тропов и фактов экспрессивного синтаксиса в тексте неходим.

Главный же «персонаж», Лжедмитрий I, на первый взгляд в прямых оценках тоже не распознается. Но он виден в эксплицированных модальностях. Их распределение в тексте от общего к частному говорит об обдуманности действий (*всех* *пожалуем* – *бояр* *держати будем* – *дворян* *держати хотим* – *гостеи* *пожалуем* – *христианство* *учинити хотим*).

Итак, речевые функции текстообразующих средств жанровой формы грамоты в данных смыслов: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанровой формы грамоты в данных смыслов: 1) серия из существительных, прилагательных и местоимений со значением предполагаемого отношения к трону (*мы* – *великии государь* – *по своему царскому* – *милосердому обычаю*); 2) серия существительных положительной коннотации (*честь* – *повышение* – *в милости* – *в пошлинах* – *в тишине* – *в покой*); 3) серия существительных со значением совокупного лица в косвенных падежах (*бояром* – Д.п. – *дворян* – В.п. – *торговых людеи* – В.п. – *гостеи* – В.п. – *христианство* В.п.); 4) отдельные существительные с семантикой единичного лица и личное местоимение (*государь* – *мы* – И.п.); 5) серия глаголов намерения и желания (*пожалуем* – *держати хотим* – *учинити хотим*).

В жанровой форме грамоты, как и в древнем жанре грамоты, текстообразующие возможности по-прежнему большие у форм косвенных падежей. Но в отличие от старой грамоты в данном тексте из-за не нейтральности прагматического и образного смыслов стал ярче текстообразующий потенциал у существительных положительной оценки и глаголов модальных значений намерения, желания. Следовательно, в текстообразовании усиливается роль оценки.

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого смыслового пространства

(одновременность, параллельность, совмещенность смыслов денотаторов)

Данный фактор проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются смысловым «фокусом» (доминантным смыслом). В

жанровой форме грамоты доминантный смысл – «смута – *государь*», то есть лжецарь Лжедмитрий I.

**Фактор формирования смыслового «разреза»
(смысловой вертикали, смысловой модели)**

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста (сверху вниз) смысловой «фокус» (доминантный смысл) многократно соотносится с одним и тем же денотатом.

В жанровой форме грамоты доминантный смысл «смута – *государь*» и его конкретизаторы – смыслы «обман – *бояром честь учиним, дворян в милости держати хотим, гостei в пошлинах пожалуем*», «измена в вере – *христианство в тишине учинити хотим*» соотнесены с одним и тем же денотатом «*государь*», то есть лжецарь Лжедмитрий I.

Обнаружением вертикального развертывания текста в плане смыслового пространства выступает смысловая модель «смута» – «обман» – «измена».

Элементы данной модели связаны отношениями «общее – частное» и причинности. Поэтому по типу модель логоцентрическая.

Фактор невекторности речевого времени

Данный фактор проявляется в том, что смыслы денотата «*государь*» не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Невекторность видна в распределенности смыслов денотата «*государь*» по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом» или модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих»: «сначала» – смута, «затем» – обман, «потом» – измена; «во-первых» – смута, «во-вторых» – обман, «в-третьих» – измена.

Фактор тема-рематической модификации синтагм

Данный фактор проявляется в том, что смысловой «разрез» (смысловая вертикаль, смысловая модель) по положению денотата может соотноситься с темой синтагм (слова до предикатной синтаксемы) или с ремой синтагм (слова после предиката, включая и его).

Тема синтагм темпоральна и абстрактна (*и* – греч. εἰτα – «потом, затем» – *учиним*; *а* – др.-инд. āt – «затем», авест. āat – «затем, тогда» – *держати хотим*, *и* – греч. εἰτα – «потом, затем» – *учинити хотим*) = «сначала» – смута, «затем» – обман, «потом» – измена. Рема синтагм локальна и конкретна (*пожалуем – в пошлинах и в податех*).

По положению денотата «*государь*» смысловая модель «смута» – «обман» – «измена» соотносится с темой синтагм (*государь – пожалуем*). Поэтому модель характеризуется абстрактными смыслами «смута – *государь* (в самоназвании, но не в признании, то есть виртуальный)» – «обман – *честь, в милости*» – «измена – *в тишине, в покой*».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе первых четырех факторов в словесных рядах текста находим речевые серии полнозначных слов со сходным означиванием смыслов денотата «*государь*». «Смута» как

узурпация власти, энциклопедический смысл, серия: *государь* – *по царскому – обычаю*; «смута» как обман, контекстуальный смысл, серия: *честь – в милости – в пошлинах*; «смута» как внушение ложного, pragматический смысл, серия: *пожалуем – прибавим – учинити хотим*; «смута» как продуманность обмана, образные смыслы, серия: *всех – бояр – дворян – гостей – христианство*; «смута» как измена в вере, контекстуальный смысл, серия: *в тишине – в покой – в житии*.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами

Например, конкретность пространственного значения лица слова «государь» нейтрализуется абстрактностью темпорально организованных смыслов: «сначала» – смута, «затем» – обман, «потом» – измена. Аналогом наречий времени «сначала» – «затем» – «потом» в тексте являются сочинительные союзы «и – а – и» в теме синтагм.

В связи с этим на основе конкретности локальных значений (*государь*) и абстрактности темпоральных смыслов (*и – а – и*) между сериями полнозначных слов и релятивов выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

Принцип нейтрализации разных смыслов единным содержательным «мотивом»

Например, под давлением текста смысловая нетождественность слов «государь» (самозванец), «по царскому» (претензии на равенство византийскому императору), «обычаю» (амнистия притеснявшихся ранее при вступлении на трон) из-за их отнесенности к разным денотатам нейтрализуется на речевом уровне функцией выражения ими смысла «смута» (энциклопедический смысл).

В связи с этим между компонентами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами)

Например, серия «мы» – «великии государь» – «по милосердому обычаю» с энциклопедическим смыслом «смута» возникла благодаря нейтрализации языковых значений слов (существительное – предметность, местоимение – указание, прилагательное – признаковость) речевым релятивным значением (смыслом) активности – денотат не лишен жизненных циклов; антоним – инактивность: денотат лишен жизненных циклов.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения нейтрализации.

Принцип нейтрализации языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значениями)

Языковые значимости (совокупность различающих признаков) отделяют одно слово от другого. Речевые значимости (совокупность отождествляющих признаков) уподобляют одно слово другому.

Например, языковые значимости слов серии «мы» – «великии» – «по обычаю» различны: категориальные значения – указательность, признаковость, предметность; грамматические признаки – И.п. мн.ч. (мы), И.п., м.р., ед.ч. (великии), Д.п., м.р., ед.ч. (по обычаю); синтаксические функции – подлежащее, определение, обстоятельство.

Языковые значимости слов нейтрализуются в тексте речевой значимостью, то есть значением (смыслом) активности и функцией выражения этими словами смысла «смута» (энциклопедический смысл).

В связи с возможностью слова входить в разные серии (полифункциональность) между сериями полнозначных слов выявляются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения.

Итак, факторами системообразования в речи как в данных семантике, так и в данных смыслов являются:

а) центрация и семантического, и смыслового речевого пространства; различие тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: доминантным значением в тексте выступает семантика градации, а доминантным смыслом – смысл «смута»; на уровне значения текст может быть поликентричным, а на уровне смысла – всегда моноцентричным в конкретной интерпретации;

б) формирование как семантического, так и смыслового «разреза»: семантический «разрез» в тексте логоцентрический (отношения градации), смысловой «разрез» – тоже логоцентрический (отношения общее – частное); на уровне значения текст может быть полимодельным, а на уровне смысла – всегда мономодельным в конкретной интерпретации;

в) невекторность речевого времени и в данных семантике, и в данных смыслов: семантика градации распределяется в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что говорит о его невекторности; смысл «смута» тоже распределен в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что также говорит о его невекторности;

г) тема-рематическая модификация синтагмы как на уровне семантике, так и на уровне смысла: логоцентрическая семантическая модель в тексте приурочена к тематической зоне синтагм и характеризуется абстрактностью; логоцентрическая смысловая модель в тексте по положению денотата лица тоже соотносится с темой синтагм и также отличается абстрактностью;

д) сходное означивание и на уровне семантике, и на уровне смыслов: в данных семантике выявляется серия релятивов – местоимений со значением замещенного лица, а в данных смыслов – серии полнозначных

слов, имен и глагольных форм, прежде всего энциклопедического, контекстуального, прагматического и образного смыслов; серия слов ситуативного смысла важна больше для семантики.

Принципами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) нейтрализация локальных значений слов темпоральными; различие и тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: на уровне семантики нейтрализуются локальные значения релятивов темпоральными значениями и устанавливаются системные отношения функциональной иерархии между разными сериями релятивов; на уровне смысла нейтрализуются локальные значения полнозначных слов темпоральными смыслами и устанавливаются речевые системные отношения функциональной иерархии между разными сериями полнозначных слов и релятивов;

б) нейтрализация разных смыслов единым содержательным «мотивом»: в первом случае нейтрализуются смыслы релятивов и полнозначных слов и между ними устанавливаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии; во втором случае нейтрализуются смыслы полнозначных слов и устанавливаются системные отношения функционально-речевой синонимии между элементами одной серии полнозначных слов;

в) нейтрализация языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами): в первом случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, индуцирующих релятивы, во втором случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, не индуцирующих релятивы;

г) нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями): на уровне семантики речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения устанавливаются между сериями релятивов и полнозначных слов, на уровне смысла – между сериями полнозначных слов.

Речевая системность именно текста «Иное сказание» XVII века в данных семантики выявляется через семантико-структурный «разрез» (модель) – логоцентрический с отношениями градации (*вам* – бояром, *вас* – дворян, *vas* – гостей, *все* – христианство), а в данных смысла – через смысловой «разрез» (модель) – логоцентрический с отношениями общее – частное («смута – государь» – «обман – в милости» – «измена – в тишине»).

- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – С. 68; 80; 81; 84–85; 88; 89; 96.
- Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 173; 174; 175; 176; 177; 181.
- Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева / Основы. – М.: Наука, 1974. С. 139; 142; 144.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 333–334.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 19.
- Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.
- Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 117–121.
- Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2007. – С. 66–76.
- Припадчев А.А. Семиотический аспект речи / А.А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира. Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 58–67.
- Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // Культура общения и ее формирование. Вып. 20. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 13–24.
- Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 3–15.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 133.

Е.А. Пророкина

Фонетика поэтических текстов А.С. Пушкина в аспекте языка (на материале произведения «Зимняя дорога»)

«Есть предметы и темы, касаться которых можно лишь с робостью – столь великое множество людей уже обращалось к ним. И тем не менее (а может быть – тем более?) они влекут к себе, как воды тихих омутов, как обрывы бездонных пропастей. Эти темы неиссякаемы», – писал Л. Успенский о великом таланте А.С.Пушкина (Венок Пушкину 1987, с. 217).

Произведения А.С. Пушкина были и остаются предметом теоретических исследований, многие из которых стали классическими. Однако аспект, на котором основана данная статья, до настоящего времени изучался не в полном объеме.

Под текстом нами понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» (Николаева 1990, с. 507). «Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам

относится, например, роль денотатов, различие между значением и смыслом» (Жинкин 1982, с. 80). «Денотат (от лат. *denotatum* – обозначаемое) – обозначаемый предмет». Данный термин употребляется в нескольких значениях. Одно из них – «понятийное ядро значения» (Ярцев 1990, с. 128).

Анализируя текст, мы прежде всего руководствовались отнесенностью лексем к той или иной группе, а именно: имена предметной и признаковой семантики, указывая при этом на факт участия фонемы в различительном означивании денотатов.

Опишем «вертикаль» текста «Зимняя дорога», проанализируем смыслоразличительный потенциал фонем имён предметной, признаковой семантики, а также служебных частей речи. Исследуем первую группу слов, имеющую конкретное денотативное значение.

Гласный среднего подъёма заднего ряда *О* ярко реализован в десяти позициях: (*по*) *дороге, тройка, колокольчик, что-то* («Что-то слышится родное»), *версты, свой, полночь, мой, мой, колокольчик*.

Категориальное значение данных слов – «предметность»: (*по*) *дороге, тройка, колокольчик, версты, полночь, колокольчик*; «указательность»: *что-то, свой, мой, мой*.

Охарактеризуем лексическую семантику.

Конкретные предметы быта: *колокольчик* – «маленький колокол, преимущественно подвешиваемый к упряжи, дуге» (Ушаков 2005, с.358).

Животные: *тройка* – «три лошади, запряженные рядом в один экипаж» (Ушаков 2005, с.1074).

Пространство: (*по*) *дороге* – «путь сообщения, полоса земли, предназначенная для передвижения» (Ушаков 2005, с.197).

Мера длины: *версты* – н.ф. *верста* – «русская мера длины, равная немного более 1 1/16 километра» (Ушаков 2005, с. 67).

Время суток: *полночь* – «середина ночи, соответствующая 12 часам» (Ушаков 2005, с.733);

Обозначают «указание»: *что-то, свой, мой*.

Выделим специфичные грамматические признаки. «Наричательность» и «неодушевленность» существительных: (*по*) *дороге, тройка, колокольчик, версты, полночь, колокольчик*); именительный падеж: *тройка, колокольчик, версты, полночь, мой, мой, колокольчик*; единственное число: (*по*) *дороге, тройка, колокольчик, свой, полночь, мой, мой, колокольчик*.

Обозначим синтаксическую роль лексем. В предложении являются подлежащими: *тройка, колокольчик, что-то, версты, полночь, колокольчик*; определениями: *свой, мой*; дополнением: (*по*) *дороге*; обстоятельством: *мой* (входит в состав деепричастного оборота («Дремля смолкнул мой ямщик»)).

В полном объеме в данном тексте раскрывается фонема *А* (9 случаев): *туманы, луна, (на) поляны, она, ямщика, (ни) огня, хаты, я, нас.*

Категориальное значение лексем - «предметность»: *туманы, луна, (на) поляны, ямица, (ни) огня, хаты*; «указательность»: *она, я, нас*.

Выявим лексическую семантику.

Природные явления: *туманы* – н.ф. туман – «непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров» (Ушаков 2005, с.1079); *луна* – «ближайшее к Земле небесное тело, спутник Земли, вращающийся вместе с нею вокруг Солнца и светящийся по ночам отраженным солнечным светом» (Ушаков 2005, с.416).

Пространство: *(на) поляны* – н.ф. поляна – «небольшая равнина, луг на опушке или посреди леса, лужайка» (Ушаков 2005, с.738);

Профессия: *ямица* – н.ф. ямиц – «возница, кучер на почтовых, ямских лошадях» (Ушаков 2005, с.1237);

Домашний очаг: *(ни) огня* – здесь употреблено в значении «освещение, свет осветительных приборов (...лампы, свечи)» (Ушаков 2005, с.586); *хаты* – н.ф. *хата* – «крестьянский дом (бревенчатый или мазанка) в украинской и южнорусской деревне» (Ушаков 2005, с.1146).

Обозначают «указание» местоимения *она, я, нас*.

Специфическими грамматическими признаками являются: «нарицательность» имен существительных (*туманы, луна, (на) поляны, ямица, (ни) огня, хаты*); единственное число (*луна, она, ямица, (ни) огня, (ни) хаты, я*).

Синтаксическая функция слов различна: *туманы, ямица, (ни) огня, хаты, нас* – дополнения; *луна, она, я* – подлежащие; *(на) поляны* – обстоятельство места.

В «вертикаль» текста уходит *И*. Это 6 примеров с конкретным денотативным значением, категориальное значение которых – «предметность»: *Нина, (к) милой* (в значении «человек»), *(у) камина, Нина, ямиц, лик*.

В данной группе определим лексическую семантику.

Обозначают конкретного человека: *(к) милой* – «влюбленный (-ая), любимый человек» (Ушаков 2005, с.447), *Нина, Нина*; домашний очаг: *(у) камина* – н.ф. камин – «комнатная печь с широким открытым устьем и с прямым дымоходом» (Ушаков 2005, с.335); профессию: *ямиц* – «возница, кучер на почтовых, ямских лошадях» (Ушаков 2005, с.1237); природные явления: *лик* – здесь употреблено в значении «внешние очертания, видимая поверхность чего-нибудь (преимущественно о явлениях природы)» (Ушаков 2005, с.407).

Проанализируем грамматические признаки. Специфичными являются единственное число (*Нина, (к) милой, (у) камина, Нина, ямиц, лик*), именительный падеж (*Нина, Нина, ямиц, лик*).

Исследуем синтаксическую функцию языковых единиц. Являются дополнениями: *(к) милой* («Завтра к милой возвратясь»), *(у) камина*, подлежащим: *лик*; обстоятельством: *ямиц* (входит в состав деепричастного оборота «Дремля смолкнул мой ямиц»); не имеют синтаксической роли: *Нина, Нина* (обращение).

Меньший смыслоразличительный потенциал у фонемы ***E*** (5 слов): *свет*, *(в) песнях*, *снег*, *мне*, *стрелка*.

Категориальное значение – «предметность»: *свет*, *в песнях*, *снег*, *стрелка*; «указательность»: *мне*.

Рассматривая языковые единицы с точки зрения лексической семантики, выделяем следующие группы: музыка (*в песнях* – «словесно-музыкальное произведение, исполняемое одним лицом или хором» (Ушаков 2005, с.684); природные явления (*свет* – «освещение, исходящее из какого-нибудь источника и воспринимаемое зрением» (Ушаков 2005, с.936), в данном случае свет исходит от луны; *снег* – «атмосферный осадок в виде белых хлопьев, состоящих из кристалликов воды разных форм, преимущественно в форме звездочек» (Ушаков 2005, с. 979–980); время (*стрелка* – «тонкая и узкая вращающаяся на оси пластинка, служащая указателем времени в измерительных приборах, на циферблате часов» (Ушаков 2005, с. 1018); обозначает «указание» личное местоимение *мне*.

Обозначим специфичные грамматические признаки. «Наричательность» и «неодушевленность» имен существительных: *свет*, *(в) песнях*, *снег*, *стрелка*; единственное число: *свет*, *снег*, *мне*, *стрелка*.

Определим синтаксическую функцию языковых единиц. Являются дополнениями: *свет*, *в песнях*, *мне*; подлежащими: *снег*, *стрелка*.

Гласный верхнего подъёма заднего ряда ***У*** реализуется в четырёх лексемах: *разгулье*, *глушь*, *круг*, *путь*, категориальное значение которых – «предметность».

Охарактеризуем лексическую семантику.

Время и связанные с ним действия: *разгулье* – «веселое времяпровождение» (Ушаков 2005, с.850).

Пространство: *глушь* – «место, удаленное от центров общественной и культурной жизни» (Ушаков 2005, с.147); *круг* – «часть плоскости, ограниченная окружностью» (Ушаков 2005, с.387); *путь* – «место, линия в пространстве, по которому или в пределах которого производится передвижение» (Ушаков 2005, с.832).

Исследуем специфичные грамматические признаки. «Наричательность» и «неодушевленность» имен существительных (*разгулье*, *глушь*, *круг*, *путь*); единственное число (*разгулье*, *глушь*, *круг*, *путь*); именительный падеж (*разгулье*, *глушь*, *путь*).

Проанализируем синтаксическую функцию. Являются подлежащими: *разгулье*, *глушь*, *путь*; дополнением: *круг*.

Звук верхнего подъёма среднего ряда ***Ы*** в различительном означивании денотатов имен предметной семантики не участвует.

Опосредованное денотативное значение имеют имена признаковой семантики (абстрактные существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия). Опишем «вертикаль» текста с этой точки зрения.

Главную ритмообразующую роль играет фонема ***А***, т.к. ей «принадлежит» наибольшее количество лексем (13): *пробирается*,

печальные, печально, тоска, полосаты, попадаются, завтра, завтра, возвратясь, (не) наглядясь, часовая, удаляя, отуманен.

Определим категориальное значение данных слов. Обозначают «действие»: *пробирается, попадаются*; «добавочное действие»: *возвратясь, (не) наглядясь, удаляя*; «признаковость»: *печальные, полосаты, часовая*; «признак признака»: *печально, завтра, завтра*; «предметность»: *тоска*; «признак по действию»: *отуманен*.

Обозначим лексическую семантику.

Действия, связанные с перемещением: *пробирается* – пробираться – «с трудом, медленно пройти, проникнуть» (Ушаков 2005, с.800); *возвратясь* – возвратиться – «прийти, приехать обратно, вернуться» (Ушаков 2005, с.88); *удаляя* – удалить – «заставить уйти откуда-нибудь, покинуть какое-нибудь место» (Ушаков 2005, с.1093); *попадаются* – «повстречаться, встретиться случайно» (Ушаков 2005, с.744).

Душевное состояние: *печальные* – н.ф. *печальный* – «выражающий печаль (нерадостное настроение, чувство), исполненный печали, проникнутый чувством печали или навевающий печаль» (Ушаков 2005, с.685); *печально* – см. выше лексему *печальные*; *тоска* – «сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой» (Ушаков 2005, с.1059); *(не) наглядясь* – «то же, что насмотреться, посмотреть вдоволь, до полного удовлетворения» (Ушаков 2005, с.501).

Временной отрезок: *завтра* – «на следующий день после сегодняшнего» (Ушаков 2005, с.230); *часовая* - «прилагательное к часы; часы – прибор, механизм, служащий для определения и измерения времени в пределах суток» (Ушаков 2005, с. 1175–1176).

Природные явления: *отуманен* – «слегка покрытый туманом; застилать, затемнять, делать невидным» (Ушаков 2005, с. 1079).

Результат деятельности человека: *полосаты* – н.ф. *полосатый* – «в полосах, линиях, покрытый полосами, с окраской, распределяющейся полосами» (Ушаков 2005, с. 734). В данном случае верстовые столбы, окрашенные косыми черными и белыми полосами.

Опишем грамматические признаки слов, имеющих опосредованное денотативное значение. Специфичным является «неизменяемость»: *печально, завтра, завтра, возвратясь, (не) наглядясь, удаляя*.

Проанализируем синтаксическую функцию лексем. Обстоятельства: *печально, завтра, завтра, возвратясь, (не) наглядясь, удаляя*; сказуемые: *пробирается, полосаты, попадаются, отуманен*; определения: *печальные, часовая*; подлежащее: *тоска*.

На втором месте – фонема **У**. Она реализуются в 12 случаях: *(по) скучной, однозвучный, скучно, грустно, забудусь, загляжусь, звучно, докучных, грустно, скучен, однозвучен, лунный*.

Определим категориальное значение. Слова *(по) скучной, однозвучный, докучных, скучен, однозвучен, лунный* обозначают «признаковость»; *скучно, грустно, звучно, грустно* – «признак признака»; *забудусь, загляжусь* - «действие».

Исследуем лексическую семантику языковых единиц.

Душевное состояние: *(но) скучной* – н.ф. *скучный* – «наводящий скуку, неинтересный» (Ушаков 2005, с.968); *скучно, скучен* – см. лексему «скучный»; *грустно* – грустный – «испытывающий грусть, опечаленный» (Ушаков 2005, с.159), грусть – «чувство и состояние печали, уныния» (Ушаков 2005, с.160); *забудусь* – здесь употреблено в значении «замечтаться, впасть в задумчивость» (Ушаков 2005, с.228); *загляжусь* – инф. *заглядеться* – «засмотреться, забыться, глядя с увлечением, интересом, любопытством» (Ушаков 2005, с.232); *докучных* – н.ф. *докучный* – «наводящий скуку, надоедливый, пристающий с просьбами и замечаниями» (Ушаков 2005, с. 192).

Музыка (музыкальные звуки): *однозвучный* – «издающий один и тот же звук; однообразно монотонно звучащий» (Ушаков 2005, с. 589); *звукно* – «такой, которому свойственны чистые, громкие, ясные звуки» (Ушаков 2005, с. 275); *однозвучен* – см. лексему *однозвучный*.

Природные явления (небесные тела): *лунный* – «прилагательное к луна – спутник Земли, вращающийся вместе с нею вокруг Солнца и светящийся по ночам отраженным солнечным светом» (Ушаков 2005, с. 416).

Выделим специфичный грамматический признак – единственное число: *(но) скучной, однозвучный, забудусь, загляжусь, скучен, однозвучен, лунный*.

Охарактеризуем синтаксическую функцию слов. Являются обстоятельствами: *скучно, грустно, звучно, докучных* (входит в состав деепричастного оборота), *грустно*; *сказуемыми: забудусь, загляжусь, скучен, однозвучен*; *определениями: (но) скучной, однозвучный, лунный*.

7 языковых единиц содержат ударный звук **О**: *льет, борзая, родное, (в) долгих, удалое, (ни) черной, смолкнул*.

Опишем категориальное значение. «Признаковостью» обладают слова *борзая, родное, (в) долгих, удалое, (ни) черной*; обозначают «действие» глаголы *льет, смолкнул*.

Определим лексическую семантику.

Действия, связанные с перемещением: *льет (свет)* – здесь употреблено в переносном значении «издавать, пропускать, распространять (аромат, благоухание, свет)» (Ушаков 2005, с. 410).

Скорость: *борзая* – «по аналогии с борзой – ловкая, быстрая» (Ушаков 2005, с. 46); *(в) долгих* – здесь употреблено в значении «протяжный, медленный» (Ушаков 2005, с. 192).

Душевное состояние: *родное* – здесь употреблено в значении «свой, близкий по духу» (Ушаков 2005, с. 910).

Характер: *удалое* – «исполненное удали, отваги» (Ушаков 2005, с. 1093).

Цвет: *(ни) черной* – «самого темного из существующих цветов, цвета сажи, угля» (Ушаков 2005, с. 1181).

Действия, связанные с умственной и речевой деятельностью: *смолкнул* – «перестать говорить, умолкнуть» (Ушаков 2005, с. 978).

Доминирующим грамматическим признаком для данной группы является единственное число: *льёт, борзая, родное, удалое, (ни) черной, смолкнул*.

Обозначим синтаксическую функцию. Определения: *борзая, родное, (в) долгих, удалое, (ни) черной*; сказуемые: *льет, смолкнул*.

В «вертикаль» текста уходит **И** (5 примеров): *волнистые, (по) зимней, утомительно, гремит, разлучит*.

Исследуем категориальное значение данных слов. Обозначают

«признаковость»: *волнистые, (по) зимней*; «действие»: *гримит, разлучит*;

«признак признака»: *утомительно*.

Охарактеризуем лексическую семантику.

Качество предмета: *волнистые* – н.ф. *волнистый* – «подобный волнующейся поверхности воды, волнообразный» (Ушаков 2005, с. 92).

Времена года: *(по) зимней* – «прилагательное к *зима* – холодное время года, наступающее вслед за осенью» (Ушаков 2005, с. 278).

Душевное состояние: *утомительно* – «приводящий в усталость, обессиливающий, утомляющий» (Ушаков 2005, с. 1113).

Действия, связанные с умственной и речевой деятельностью: *гримит* – «производить громкий звук, звучать, грохотать» (Ушаков 2005, с. 156).

Действия, связанные с перемещением: *разлучит* – инф. *разлучить* – «разъединить, удалить друг от друга, прервать совместное пребывание, близость кого-нибудь» (Ушаков 2005, с. 856).

Специфичным грамматическим признаком является единственное число: *(по) зимней, гремит, разлучит*.

Выявим синтаксическую функцию данной группы слов. Являются определениями: *волнистые, (по) зимней*; сказуемыми: *гримит, разлучит*; обстоятельством: *утомительно*.

Опосредованное денотативное значение имеют 4 случая с **Е**: *сердечная, одне, мерный, дремля*.

Исследуем категориальное значение языковых единиц. Обозначают «признаковость»: *сердечная, мерный*; «добавочное действие»: *дремля*; «количественность»: *одне*.

Проанализируем лексическую семантику.

Скорость: *мерный* – «совершающийся в определенном темпе, ритмичный, размеренно-неторопливый» (Ушаков 2005, с. 440).

Количество: *одне* – (один – употреблено в значении «ничего кроме, только это и больше ничего») (Ушаков 2005, с. 588).

Состояние: *сердечная* (*душевное состояние*) – «прилагательное к сердце – часть тела как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» (Ушаков 2005, с. 950); *дремля* – «дремать – быть в состоянии полусна, некрепко спать» (Ушаков 2005, с. 201).

Выделим доминирующие грамматические признаки: единственное число (*сердечная, мерный*), именительный падеж (*сердечная, одне*).

Обозначим синтаксическую функцию. Являются определениями: *сердечная, одне, мерный*; обстоятельством: *дремля*.

В тексте присутствуют 3 глагола с **Ы**: *бежит, слышится, совершил*, категориальное значение которых – «действие».

Опишем лексическую семантику.

Действия, связанные с перемещением: *бежит* – инф. *бежать* – «быстро передвигаться» (Ушаков 2005, с. 30).

Действия, связанные с умственной и речевой деятельностью: *слышится* – «слышаться – быть слышным, звучать, раздаваться, казаться, мерещиться» (Ушаков 2005, с. 975).

Действия, связанные с конечным результатом: *совершил* – «осуществит, выполнит» (Ушаков 2005, с. 983).

Выделим грамматические признаки. Для данной группы слов характерны единственное число, 2 спряжение, изъявительное наклонение, настоящее время, 3 лицо.

Охарактеризуем синтаксическую функцию лексем. Глаголы *бежит, слышится, совершил* в предложении являются сказуемыми.

Служебные слова, имеющие соотносительное денотативное значение и составляющие третью группу нашего исследования, ритмизируются в 4 случаях фонемой **И**. Это отрицательная частица *ни* (в тексте встречается дважды), сочинительный (соединительный) союз *и*.

«Вертикаль» также образует гласный непереднего ряда средненижнего подъема **О** (3 примера): сочинительный (разделительный) союз *то-то*, производный предлог *сквозь*, модальная частица *только*. Такое же количество языковых единиц содержат **Е**: отрицательная частица *не* (исследована дважды), производный предлог *навстречу*.

А реализована в двух непроизводных предлогах *на, по*.

Меньший объем лексем (1 вариант) имеет фонема **У**. Она обозначена в непроизводном предлоге *у*.

Кроме того, в тексте находим предлоги *в, к*.

Все вышенназванные языковые единицы не имеют синтаксической роли.

Слова с ударным **Ы** отсутствуют.

Анализируя текст «Зимняя дорога», выясняешь, что смыслоразличительный потенциал у фонем разный. В большей мере он реализуется у гласных среднего подъема заднего ряда **О** (10 случаев имен предметной семантики), нижнего подъема непереднего (среднего) ряда **А** (9 языковых единиц), 6 примеров исследовано с фонемой **И**, 5 – зафиксировано с **Е**, 4 существительных с конкретным значением найдено со звуком **У**. Слов с нелабиализованной **Ы** не выявлено.

Охарактеризуем имена, имеющие опосредованное денотативное значение. Это абстрактные существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия. 13 лексем ритмизируется с гласным нижнего подъема среднего ряда **А**, 12 слов находим со звуком **У**, 7 имен признаковой семантики с **О**, 5 – с **И**, 4 – с **Е**, 3 – с **Ы**, характеризующегося как гласный верхнего подъема среднего ряда.

Выявляя имена, имеющие соотносительное денотативное значение (служебные части речи и междометия), обозначим следующие факты: доминирующее положение занимает **И** (4 слова), **О, Е** реализованы в 3 позициях. **А** исследована в 2 случаях. Меньшим объемом обладает **У** (1 позиция). **Ы** в различительном означивании денотатов, имеющих соотносительное денотативное значение, не участвует.

Таким образом, в результате анализа обнаруживаются ведущие ритмовертикали **А, О** и перифирийные – **Е, Ы**.

Венок Пушкину / Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: «Советская Россия», 1987. – 256 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: «Наука», 1982. – 80 с.

Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 507 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Альта-Принт», 2005. – 1239 с.

Ярцев В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н Ярцев. – М.: «Сов. энциклопедия», 1990. – 685 с.

А.В.Редькина-Кеффелек

Организация времени и деятельности в различных коммуникативных культурах

*O douleur! O douleur! Le temps mange la vie
Et l'obscur ennemi qui nous ronge le cœur
Du sang que nous perdons croit et se fortifie*

Baudelaire « Les fleurs du mal », «L'ennemi »

*(О, горький жребий наш! Бежит за часом час,
А беспощадный враг, сосущий жизнь из нас,
И крепнет, и растет, питаясь нашей кровью)*

*Бодлер « Цветы зла», « Враг»
Перевод В. Левика*

О времени говорят физики, философы, историки, географы, социологи, поэты... Категория времени присутствует практически во всех науках, время неотделимо от повседневной жизни. Время лечит и время разделяет, время - деньги и время убивают, время - ценность и время - враг. В разных цивилизациях восприятие времени неодинаково в связи с различными

концепциями о сотворении мира, географическими условиями, особенностями развития, и т.д.

Отношение культуры ко времени - один из важнейших аспектов исследования коммуникативного поведения. Данный аспект непосредственно связан с такими категориями как вежливость, пунктуальность, объем общения и коммуникативная неприкословенность личности.

Большое внимание категории времени уделял американский антрополог E.T. Hall. Именно он ввел понятие полихронии, объясняя, что, наряду с монохронией, это два вида отношений со временем, которые, « как масло и вода» не смешиваются, не пересекаются. Представители монохронных культур - или линейных культур - совершают одно действие в определенный отрезок времени. Они «не умеют» делать несколько дел одновременно. Существует идея завершения одного дела прежде чем перейти к другому. Организация в таких культурах играет важнейшую роль, « schedule is sacred»- как писал E.T.Hall. В некоторой мере, данное восприятие связано с иудео-христианской концепцией о последовательном сотворении мира.

Монохронная организация деятельности присуща западноевропейским культурам (с некоторыми различиями между южно- и североевропейскими культурами, которые мы рассмотрим ниже) и американской. Совет Бенджамина Франклина в «Advice to a young tradesman» (1748), помнить о том, что время - деньги (« Remember that time is money »), был принят с энтузиазмом и на сегодняшний день является одним из важнейших принципов ведения бизнеса и уклада повседневной жизни американцев. Однако представители полихронных культур с трудом понимают данный принцип - для них время подчиняется деятельности, его ценность относительна. Их восприятие времени - циркулярное, круговое и связано с представлениями о цикличности жизни и смерти, начала и конца. Корни этого концепта уходят в иудаизм, буддизм, цивилизациям Инка, Майя и т.д.

Время везет воз, это конь с семью поводьями
 Тысячеглазый, нестареющий, с обильным семенем,
 На него садятся верхом поэты,
 Его колеса - все существования

Полный сосуд поставлен на время
 Мы видим Время, хоть оно пребывает
Разом во множестве мест

«Гимн времени» из Атуарваведы (19, 53)

Barbara Tedlock в своей книге «Time and the Highland Maya» описывает как племя Кише (следующее за Майя и унаследовавшее его календарь) структурирует время. Следуя традиции своих предков, Кише пользуются двумя календарями - гражданским и культовым, и, если гражданский

календарь разделен на месяцы и дни, то культовый состоит из 260 дней без какого-либо деления на месяцы - это набор из двадцати комбинаций. Гражданский календарь лежал в основе сельскохозяйственных работ и повседневной жизни майя. Оба календаря были объединены в календарный круг. Таким образом, любая дата составлялась из элементов обоих календарей. Даты в календарном круге повторялись лишь через 52 года. E.T Hall сравнивает данное восприятие времени с современным западным, где все имеет четкое начало и конец: «В США и Европе мы считаем, что у всего есть начало и конец: мы отмечаем окончание старого года и начало нового, мы начинаем предложение с заглавной буквы и в конце ставим точку, первый и последний день недели воспринимаются как нечто важное, открывающее и завершающее» (E.T.Hall « Danse de la vie », перевод наш).

E.T.Hall считает время базой организации деятельности, из которой вытекают принципы и категории поведения. Так, из-за потребности постоянно «наполнять резервуар времени», западный человек более сконцентрирован на индивидуальной активности, он более эгоцентричен, так как именно продуктивно проведенные секунды, часы, дни, месяцы, годы являются приемлемым ритмом его существования. Болтовня с соседями и ничегонеделанье не поощряются - резервуар не наполнен. В полихронных культурах ритм существования диктуют повседневные отношения с другими людьми, особенно близкими родственниками. Таким образом, организация времени влияет на такие аспекты, как индивидуализм (ориентация на себя) и коллективизм (ориентация на группу).

Способ (полихронный/монохронный) организации деятельности наблюдается во всех областях жизни. Интересно, что в полихронных культурах студенты в университетах изучают большое количество предметов, часто не имеющих прямого отношения к основной специальности, важное место уделяется междисциплинарности. В таких двух, на первый взгляд, разных культурах, как русская и испанская, изучаемые в университете предметы и их количество являются практически идентичными (по крайней мере при изучении филологии и иностранных языков). Если же взять англо-саксонскую модель, то за все годы обучения в университете изучается всего несколько дисциплин, детально и глубоко.

Желание разделить и структурировать влияет и на отношения в разных сферах жизни. Монохронные культуры, или культуры с бедным контекстом разделяют личную и профессиональную жизнь, Например, они не говорят на работе о доме, а дома о работе, как это делают русские. и не налаживают месяцами личные отношения с поставщиком, чтобы начать профессиональные, как это делают арабы, или, в меньшей степени, испанцы.

Trompenaars в своей книге «Riding the waves of culture» рассматривает, как различные системы восприятия времени влияют на стратегии ведения

бизнеса. Вслед за Е. Т. Hall авторы называют два основных типа отношения ко времени- *synchronous* синхронное (то, что Е. Т. Hall называл полихронное) и *sequential* последовательное (то, что Е. Т. Hall называл монохронное), и рассматривают проблемы, которые могут возникать в бизнесе. Вслед за Е. Т. Hall, Trompenaars утверждает, что категория времени влияет непосредственно на все остальные стратегии поведения. Так, например, четко прослеживается связь между полихронными и партикуларистскими культурами.

Партикуларизм, по Тромпенаарсу, - это когда в культуре индивидуальный случай превалирует над общим законом, универсализм - когда закон важнее личностных отношений. Тромпенаарсом был приведен ситуационный пример: « если вы становитесь свидетелем автодорожного происшествия, за рулем был ваш друг, и он виноват, дадите ли вы ложные показания, чтобы избавить его от наказания?». Представители «партикуларистских» культур отвечали положительно. Среди наиболее партикуларистских культур – Венесуэла, Южная Корея, Непал, Россия, Китай. Пять наиболее универсалистских культур, по Тромпенаарсу,- Швейцария, США, Канада, Ирландия, Швеция. Русский «блат», например - типичное явление партикуларистской модели. Монохронные культуры чаще всего бывают универсалисткими.

Таким образом, можно выделить несколько «полей» в которых проявляется полихронность/монохронность культуры:

1. Организация/Ритм времени
2. Организация/Ритм деятельности
3. Организация/Ритм мысли

Организация времени - « вместиельность» времени как такового, его ценность. В монохронных культурах секунды, минуты, часы не должны быть потеряны зря. Пунктуальность является важным качеством и одним из признаков вежливости и уважения. Данное поле непосредственно связано с коллективизмом (полихронная организация: время растягивается, подчиняется нуждам окружающих), и индивидуализмом (монохронная организация: можно больше успеть, работая в одиночку и сконцентрировавшись на задании).

Организация деятельности - последовательность действий, возможность делать несколько дел одновременно. В монохронных культурах индивид закончит одно дело, прежде чем перейти к следующему, в полихронных допускается реализация нескольких действий одновременно. Законы диктуют правила, по которым должна быть выстроена деятельность. Исключения из правил недопустимы в монохронных культурах, в то время как в полихронных исключения лишь подтверждают правила. Таким образом, данное поле непосредственно связано с «универсализмом» (в монохронных культурах) и « партикуларизмом» (в полихронных).

Организация мысли - логика, метод и последовательное структурирование мысли (французы называют это «*esprit cartesien*» (картизианский дух) в противовес более хаотичному и мистическому

восприятию и исследованию окружающего мира. Как следствие, монохронные культуры часто эмоционально нейтральны, а полихронные более эффузивны и эмоциям отведена важная роль.

Бесспорно, что особенности каждой культуры не сводятся к двум-трем обобщенным категориям. Это сложный многослойный механизм, в котором общекультурное пересекается с социальными, гендерными, и, наконец, индивидуальными особенностями. Полихронная и монохронная модели существуют на всех уровнях - известно, например, что женщины более гибки и гораздо лучше справляются с выполнением нескольких дел одновременно, что некоторые индивидуумы всегда опаздывают и т.д. Также важно принимать во внимание сферу деятельности и социальную позицию.

Интересно, что в рамках одной культуры могут сосуществовать (не пересекаясь) разные стратегии организации времени и деятельности. В данной статье мы рассмотрим каждое «поле» (организация времени, деятельности и мысли) в русской, испанской и французской коммуникативных культурах. Данные культуры будут частично рассмотрены на фоне американской.

Мы проанализировали около пятнадцати художественных произведений, в каждом из которых было найдено несколько релевантных категорий времени примеров.

Имея возможность в течение нескольких лет жить в исследуемых странах, мы также приведем некоторые непосредственные наблюдения и сделаем соответствующие выводы.

Испанская коммуникативная культура

Испанская коммуникативная культура является полихронной в большинстве аспектов.

Организация времени.

Испанцы часто говорят «mañana, mañana». Mañana значит «завтра», которое может растянуться на неопределенный срок. «No hay prisa» - спешить некуда. Магазины закрыты с двух до пяти - время «сиесты». Время в Испании бежит незаметно, и за ним трудно уследить.

Вот как описывает течение времени испанский писатель Хуан Гойтисоло:

El dueño me trajo un café y se acercaron a pegar la hebra. Querían saber quien era, de donde venia, que hacia por allí. Aunque les contestaba con monosílabos, me invitaron a chatear

- No puedo- dije. Y miré el reloj.
 - No?
 - Mi autobus sale dentro de unos minutos
- El tiempo habia pasado sin darme cuenta...

(Хозяин принес кофе, и посетители подошли ко мне. Они хотели знать, кто я, откуда, что делаю в этих краях. И, несмотря на мои скупые ответы, мне предложили остаться с ними, чтобы поболтать.

- Не могу - сказал я и посмотрел на часы
- Нет?
- Через несколько минут отправляется мой автобус.
- Я не заметил, как пролетело время. - перевод наш)

J. Goytisolo « Campos de Nijar »

Сразу следует обратить внимание на то, что юг Испании очень сильно, почти радикально отличается от севера, в особенности северо-восточной Каталонии. Каталонцы «жадные», они следят за временем и очень серьезны в организации своей деятельности. В произведении Гойтисоло подчеркивается разница между богатой, «цивилизованной» Каталонией и бедной, необустроенной Андалусией (герой новеллы- каталонец, путешествующий по Андалузии). В 60е годы, когда была написана книга, Каталония представлялась андалузцам как совсем другая страна, другой мир, люди, культура; каждый стремился найти там работу, но это удавалось немногим. Андалузия отставала от Каталонии на 20-30 лет. В современной Испании такого разрыва не существует, но коммуникативная культура севера и юга продолжает сильно отличаться: северные провинции более монохромны.

И все-таки испанское отношение ко времени и его провождении несопоставимо с американским. В новелле Антонио Муньос Молина « Карлота Файнберг», с большой долей юмора описана случайная встреча двух испанцев в аэропорте Питтсбурга. Из-за неблагоприятных метеорологических условий они оба должны «убить время». Один из них, Марсело Абенгоа - типичный испанец, в какой-то мере карикатурный, даже стереотипный. Он бесцеремонно заводит разговор с сидящим рядом испанцем Клаудио (именно с ним, потому что у последнего из кармана торчит газета на испанском языке, и Абенгоа сразу же «распознает своего»). Однако Клаудио уже много лет живет в США и, из-за трудностей адаптации, в которой он, конечно же, себе не признается, он полностью отторгает свою собственную культуру, стараясь вести себя как настоящий американец. Все испанское, в контрасте с американским, кажется ему второсортным, старомодным, грубым и невоспитанным. С возмущением реагирует он на поведение Абенгоа, который:

«...habia arrebatado una parte del tiempo que me pertenecía, y que ya no iba nunca ser devuelto.

(...отнял у меня часть времени, которая мне принадлежала, и которое мне никто никогда не вернет». - перевод наш)

... и так описывает свои вечера:

Qué ancho se vuelve tiempo entonces....., tan ligeramente opresivo como la calefacción, como el perfecto aislamiento de las casas contra el frío exterior, contra la oscuridad de esas noches en las que no se ve a nadie en toda la longitud de Humbert Lane. Las únicas huellas de presencia humana son los faros de

algun coche que pasa, ni siquiera el ruido del motor, porque el hermetismo de los cristales y los ajustes de las ventanas lo borra.

(Каким **вместительным** становится тогда время, немного стесняющее, как отопление, как совершенство избавления домов от уличного холода, от темноты ночей, когда нет ни души во всем Хумберт Лейн. Только иногда, как эфемерный знак человеческого присутствия, помелькнут фары запоздалой машины. Не слышно даже звука ее мотора- настолько герметично закрыты окна. - перевод наш)

В качестве контраста приведем описание андалузской улицы в произведении Гойтисоло:

El espectáculo merece el sacrificio : el mercado de la puerta Purchena, con sus gitanos y charlantes, obsequiosos y vocingleros ; los somnolientos coches de punto a la espera de cliente ; los emigrados marroquies meditando a la sombra de los ficus....

(На это стоит посмотреть: Пурченский рынок, с его цыганами и болтунами, щедрыми и галдящими, сонные машины, ждущие клиентов, марокканские эмигранты, медитирующие в тени фикусов... - перевод наш)

Atardece, y la gente se asoma a la puerta de las casuchas. Una radio transmite a toda potencia una canción de Valderrama

(Темнеет, и люди выглядывают из дверей своих домишек. По радио на полную громкость передают песню Вальдеррама. - перевод наш)

Следует, однако, заметить, что в свете глобализации и американизации, каждая культура меняется, адаптирует новые стратегии поведения. Так, в больших испанских городах, обеденный перерыв сокращен до часа (вместо трех), опоздания неприемлемы, и даже особый испанский распорядок дня перестраивается под европейский. Маленькие провинциальные города сохраняют пока традицию «делать все поздно»: обедать пол-третьего, а ужинать в десять-одиннадцать, но и в них намечаются уже изменения.

Организация деятельности.

В своей книге « Riding the waves of culture », Тромпенаарс приводит пример, как в Италии в бакалейном магазине, возникла небольшая очередь. Когда первый в очереди покупатель попросил 200 грамм салами, продавец крикнул «Кому еще салами?», чтобы лишний раз не доставать продукт из холодильника, не разворачивать его и т.д. В очереди идея не вызвала возмущений. По мнению Тромпенаарса, данная ситуация исключена в странах с монохронной организацией деятельности - продавец будет доставать и убирать салами каждый раз когда покупатель будет этого требовать и ни за что не предложит нарушить порядок очереди.

Данная ситуация возможна и в Испании. Конечно, в большинстве случаев порядок очереди соблюдается, и в магазинах и административных учреждениях предусмотрительно стоят автоматы с номерами, но « частный » случай может оказаться более весомым нежели «общий». В исследованиях Тромпенаарса и классификации стран по шкале от наиболее партикулистской к наиболее универсалистской, Испания занимает место

в середине: 75 процентов адаптируют универсалистскую модель поведения (на краях шкалы- Швейцария 97 процентов и Венесуэла - 32 процента).

Испанская культура- культура богатого контекста. Богатый контекст предполагает сложность интерпретации коммуникативной ситуации, вследствие ее наполненности параллельно происходящими процессами. В таких культурах невербальная коммуникация играет важнейшую роль. Жесты, мимика, тембр голоса позволяют «разгадать» ситуацию. Полихронные культуры обращены вне, на других людей, в то время как монохронные более эгоцентричны и считают вербальную коммуникацию приоритетной. Несложно заметить силу и частоту жестикуляции у испанцев, физическая дистанция является одной из самых коротких в Европе, тембр голоса высок. Дотронуться в разговоре до собеседника - знак дружеского расположения. Испанские улицы шумны, многолюдны, вокруг происходит *многое всего*.

Полихронная организация деятельности предполагает возможность делать несколько дел одновременно и следить за несколькими вещами одновременно.

Это отмечает в своем собеседнике Клаудио, испанский «американец», в романе « Карлота Файнберг»:

Mientras hablaba, Abengoa permanecía atento a todo, a la gente que pasaba, a los que se sentaban cerca de nosotros, a la nieve en los ventanales, a las mujeres especialmente. (41)

(Рассказывая историю, Абенгоа обращал внимание на все, что происходило вокруг него: проходящих мимо людей, тех, которые садились рядом с нами, снег за окном, и, особенно, женщин - перевод наш)

Вмешательство в разговор третьих лиц не « уважает» принцип монохронии, отвлекает от *линии* разговора, нарушает принцип невмешательства в личное пространство и может показаться невежливым. В начале романа Хавьера Мариаса « Tu rostro manana» рассказывается о встрече двух испанцев на приеме в Англии; Мариас не скрывает своего осуждения по поводу испанца Де Ла Гарса из-за присущих ему « слишком испанских» черт. Одной из них является прямолинейное вмешательство в разговор третьих лиц:

Y cuando sostuve una soporífera conversación sobre terrorismo con un historiador irlandés llamado Fahy, ... el agregado, al oír salir con nitidez de mis labios algunos topónimos báscos, trató de meter baza folklórica (Oye, diles que San Sebastian es una ciudad que la hicimos los madrileños...)

(И, во время сонного разговора об испанском терроризме с ирландским историком по имени Фахи, атташе, услышав баскские географические названия, попробовал привнести в разговор немного фольклора (Слушай, скажи им, что сан Себастьян - это заслуга нас, мадридцев..) – перевод наш)

Организация мысли и быта

В уже упомянутом нами произведении Карлота Файнберг, Молина не только сталкивает и противопоставляет американскую и испанскую коммуникативные культуры, но и академический и « реальный» мир. Это

рассказ об интертекстуальности жизни и литературы. Клаудио преподает и анализирует литературу- по «правильным», академическим принципам, применяя релевантную терминологию и логику интерпретации. Абенгоа рассказывает ему в аэропорту историю о своем приключении с некой Карлотой Файнберг в одном из старых отелей Буэнос Айреса. Клаудио постепенно втягивается в живой и эмоциональный рассказ случайного собеседника, и приехав в Буэнос Айрес, посещает этот отель. Он видит Карлоту Файнберг в гостиничном ресторане, тотчас узнает ее, хотя, как выясняется немного позже - ее на самом деле не существует. Она существует лишь в воображении - такова сила эмоционального повествования грубого и неотесанного Абенгоа.

По результатам исследований Тромпенаарса, всего 19 процентов испанцев скроют свои эмоции, если они чем-то расстроены на работе. Эмоции и их выражение являются важнейшей чертой испанской коммуникативной культуры.

В заключении, приведем интересный факт из быта и повседневной жизни в Испании, который, на наш взгляд непосредственно связан со способом организации деятельности.

В Испании существует понятие «тапас» - закуски, и часто дружья, ужиная в ресторане, заказывают несколько видов «тапас» или «расьонес» и делятся ими, пытаясь попробовать каждое блюдо, смешивая овощи, мясо, рыбу, морепродукты и т.д. Бывает, что салат едят из одной тарелки, которая стоит посередине стола, нанизывая на свою вилку кусочек помидора или моркови и т.д.

Мы рассмотрим ниже что, например, во Французской кухне такая организация питания допустима крайне редко - смена блюд имеет четкую *последовательность* и продукты не смешиваются.

Русская коммуникативная культура

Русская коммуникативная культура является полихронной в большинстве аспектов.

Организация времени

Говоря о России, нельзя не принять во внимание изменения, произошедшие за последние 20 лет. Существует большой «разрыв» между поколениями - те, которые родились в Советском Союзе, иначе ведут себя в некоторых коммуникативных ситуациях, нежели современная российская молодежь. Изменились табуированные темы (например, вопрос о зарплате, который являлся нормальным в СССР, все больше табуируется в связи с изменением экономической ситуации), общество стало более индивидуалистичным.

Пунктуальность ценится представителями русской коммуникативной культуры, однако организация времени носит скорее полихронный характер. Вот как об этом пишет журналистка Наталья Сорокина (Ведомости, 2004 год):

«...любой бизнесмен сталкивается с проблемой несоблюдения временных договоренностей практически каждый день. Подвоха можно ждать с любой стороны: от партнеров, поставщиков, клиентов, сотрудников. По словам Пола Уэйна, директора консалтинговой компании "Контакт-Эксперт", "пунктуальность может сыграть решающую роль при выборе партнера". Так, в его практике одна из российских компаний, участвовавшая в тендере, проводимом крупной западной нефтяной корпорацией, потеряла контракт на \$300000, задержавшись с предоставлением предложения на один час!»

«Опоздания клиентов оказывают заметное влияние на финансовые результаты компаний, работающих в сфере услуг. Роберт Кортни, возглавляющий американскую стоматологическую клинику US Dental Care в Москве, подсчитал: "Около трети пациентов клиники опаздывают на 15 минут, а иногда и более. Из них 15% так задерживаются на прием, что проведение намеченного лечения в оставшееся время становится просто невозможным и приходится переносить прием на другой день. В результате клиника теряет доход, а пациент - время. В США, например, после двух серьезных опозданий пациент вообще вынужден искать другого дантиста"».

Автор статьи справедливо замечает, что изменения, произошедшие в экономике страны, не могли не отразиться на организованности россиян. Многие россияне стали более пунктуальными. И тем не менее «...слепо добиваться западной пунктуальности у нас не только невозможно, но и опасно. В России, с ее объективными проблемами и особенностями, должна быть найдена индивидуальная, здоровая мера. Иначе, когда мы срываем встречу из-за сотрудника ГАИ, который четыре часа не приезжает на место аварии, мы рискуем стать неврастениками...»

В России говорят «человек предполагает, а Бог располагает», « Поживем-увидим» и реже, чем в западных странах планируют надолго вперед.

Организация деятельности

В представлении монохронных культур крайне важна последовательность. Одна англичанка сказала мне с гордостью: « Если бы у нас было советское время и приходилось бы часами стоять в очередях, мы были бы примером для всех остальных - мы замечательно умеем соблюдать порядок». Она имела в виду то, что никто бы не посмел даже подумать о том, чтобы « влезть» вперед или пойти искать в очереди знакомых. Такова реакция многих русских, именно потому что очередность имеет *второстепенное значение* по сравнению с индивидуальными обстоятельствами: из любого правила можно сделать исключение. В Англии даже если вы - королева, но вы в очереди номер 36, вас обслужат тридцать шестым. Если на автобусной остановке люди ждут автобуса, они выстроются в очередь, если пойдет дождь, то они предпочтут мокнуть, но не станут под навес, если ради этого придется нарушить порядок очереди.

Упомянутая выше англичанка имела смутное понятие об очередях в советское время. Типично русское вторжение в начало очереди со словами « Извините, мне только спросить»- вызвало бы изумление в любой культуре с монохронным восприятием времени.

В своей повести « Очередь», Владимир Сорокин так описывает царящий там «хаос»:

- Товарищ, кто последний?
- **Наверно** я, но за мной еще женщина в синем пальто.
- Значит я за ней?
- Да. Она щас придет. Становитесь за мной пока.
- А вы будете стоять?
- Да.
- Я на минуту отойти хотел, буквально на минуту...
- Лучше, наверно, ее дождаться. А то подойдут, а мне что объяснить? Подождите. Она сказала, что быстро...
- Мало как! Так и стоять смысла нет...
- **А вы займите две очереди. Тут приезжие по три занимают.**

 - А по-моему они не занимали. Я их не видел.
 - Занимали.
 - Занимали, занимали...
 - Да занимали они, успокойтесь!
 - Сами успокойтесь!
 - Ладно, не надо кричать из-за пустяка. **Люди стояли, отошли.**

Ничего страшного...

Занять очередь и отойти - тоже явление, которое вряд ли бы встретили восторженно в Англии или Голландии. Вопрос «Кто последний?» в большинстве случаев тоже был бы неуместен - это и так видно. Идея занять сразу две или три очереди - уникальное полихронное изобретение, подразумевающее большую временную гибкость.

В современной России порядку уделяется больше внимания, и последовательность в очереди более тщательно контролируется. И тем не менее, если в очереди стоит знакомый, большинство представителей русской КК подойдет к нему, вместо того, чтобы встать в конец очереди.

По Тромпенаарсу, Россия является одной из самых партикуляристских стран (всего 44 процентов адаптируют универсалистскую модель поведения).

Как свидетельствуют результаты опроса Исследовательского центра рекрутингового портала SuperJob.ru, более трети россиян никогда не опаздывают на работу. И, несмотря на то, что основной причиной являются пробки на дорогах, опаздывающие врут начальству, что проспали. «Наиболее популярное объяснение несвоевременного появления

в офисе, по словам работодателей, поздний подъем с кровати 15 процентов, «Проспал работу, потому что поругался с мамой и не ночевал дома, 54 часа без сна на момент написания объяснительной»; «7 процентов сотрудников ссылаются на плохое самочувствие, далее, по 6 процентов голосов, следуют проблемы с родственниками («жена вчера обувь спрятала, чтобы я в гараж с друзьями не пошел, а сегодня утром забыла вернуть, пришлось искать», забывчивость « подумал, что сегодня выходной», и проблемы с домашними питомцами».

Личная ситуация, даже интимная важнее общих правил, пробок. Наверняка «пробка» представляется россиянам чем-то «общим», объективным, которое не имеет такую силу, как частный случай, единственный в своем роде, ради которого нельзя не сделать исключение и не простить опоздание.

Стоит ли говорить, что в США рассказ про маму и обувь не пришел бы никому в голову, даже если бы это было правдой личная жизнь оставляется за пределами офиса.

В Испании и Франции в определенных контекстах такое возможно, но редко допустимо.

Личная и профессиональная жизнь часто смешиваются в русском коммуникативном поведении.

В современных российских офисах многие работники подключены к скайпу и ісқ в рабочее время - причем контакты личные и рабочие часто не разделяются, при возможности параллельно ведется переписка с друзьями и решаются вопросы с коллегами по работе.

Также, как и в испанской коммуникативной культуре, вмешательство в разговор третьих лиц допустимо. Приведем несколько примеров из литературы:

— Догоняй, Марин! — улыбнулась Лена, вылавливая ложечкой крупную ягоду.

— Я так быстро не умею.

— А ты привыкай, — **откликнулся** с другого конца стола Володя.

— Дайте человеку спокойно поесть, — **перебил** их Сергеич.

— И то верно, Миш, — поднял голову усатый рабочий. — Кто спешит — тот поперхнется. Правда?

— Правда, Петрович.

В. Сорокин « Тридцатая любовь Марины»

Тетища с сумищей, **ядреный и несъедобный продукт городского естественного отбора, до всего дело, встрияла судейски:**

Без двадцати двенадцать. Я к двенадцати в больницу к мужу еду, всегда в это время.

М.Веллер «Московское время»

По результатам исследований Тромпенаарса, всего 24 процента представителей русской коммуникативной культуры скрывают свои эмоции, если на работе их что-либо расстроило.

В книге «Русское коммуникативное поведение» И.А.Стернин и Ю. Е. Прохоров подчеркивают, что «Неэмоциональность в общении является дурным качеством, отражением равнодушия к проблемам других и осуждается».

Эмоциональность русского общения может быть оценена как очень высокая, причем эмоционально общаются практически все категории коммуникантов, независимо от возраста, пола и социального положения.

Одна француженка рассказывала мне, что «при нашем образовании и ценностях, мне всегда было сложно смотреть русские фильмы из-за постоянных в них надрывов, истерик. Единственный режиссер, который нам понятен, это Тарковский». Во Франции демонстрация эмоций присуща низким слоям общества; образованные люди «пропускают все через голову». Говоря о кино, фильмы французской новой волны несут многослойную смысловую нагрузку, глубокий символизм, и, часто мысль ради мысли». Хаотичность «русской души» противоречит картезианскому духу и методу.

Приведем пример эмоциональности русского общения из литературы:

Они выпили еще одну бутылку и, как всегда, перед расставанием разругались. Илья Иосифович горой стоял за всемирную справедливость, начиная с ее научного конца, и готов был за это сложить голову. А Павел Алексеевич в справедливость нисколько не верил, его интересовали исключительно мелочи - какие-то беременные посудомойки, гнусные операции, о которых еще Цицерон выступал в Сенате. На последнее обстоятельство как раз и указал Илья Иосифович. Павел Алексеевич оживился - он всегда ценил неисчерпаемую эрудицию своего друга:

- Так что Цицерон говорил?

- А то, - кричал Илья Иосифович, - что этих баб надо казнить, потому что они крадут у государства солдат! Тысячу раз прав был!

Тут-то Павел Алексеевич побелел, встал и, натягивая пальто, зло сказал единственному другу:

- Умная у тебя голова, Илья, только жаль, дураку досталась. Бабы, что же, для того рожать должны, по-твоему, чтобы мерзавцы их сыновей в такие мясорубки отправляли?

Он хлопнул дверью. Черт его, дурака, подери! Но про Цицерона запомнил, хотя и был изрядно пьян.

(Л. Улицкая «Путешествие в седьмую сторону света»)

Быт

В России, также как и в Испании, блюда смешиваются. Закуски и салаты, выставленные на середину стола, предлагают рыбу, мясо, различные овощи и соусы и т.д.

Русские пьют чай одновременно с пирожными или тортом.

В пьесе Братьев Пресняковых «Убить судью» описывается поведение четырех молодых россиян, приехавших в Турцию в отель «ол инклузив»

«Олл инклузив, прикольно».- Хот Дог ходил с тарелкой от одного стола к другому. Он не мог не остановиться и не положить чего-нибудь из блюда с едой. У него получился забавный фьюжн - в салат из огурцов с йогуртом он наложил арахисовой халвы и тушеные баклажаны.

- Поешь, еще раз придешь и наложишь заново! - Наташа подсказала, но Хот-Дог проигнорировал и продолжал экспериментировать.

Наташа обратила внимание на то, как поступают другие отдыхающие, в основном европейцы - кладут что-то одно и несколько раз меняют блюдо.

Французское коммуникативное поведение

Французской коммуникативной культуре присущи как полихронные, так и монохронные черты.

Организация времени

Пунктуальность лишь относительно важна во французской коммуникативной культуре и преимущественно в деловых отношениях. В общении с друзьями допускаются опоздания на 15 минут и больше. Гости никогда не приглашаются на ужин к 7.30, скорее будет сказано 7.30 -8 часов, и первые гости появятся не ранее 8.15. Если же речь идет не об ужине, а о вечеринке с большим количеством людей, то возможно все соберутся только к десяти. Французские обеды и ужины делятся часами. Также часами французы сидят в кафе, читая газету или наблюдая за прохожими- все столики и стулья повернуты к улице. Ритм жизни относительно нетороплив. В рассказе «Реабилитация Дантеса», Виктор Ерофеев так передает это настроение: « В старый Сульц я приехал около трех часов дня, когда французы, закончив свой « второй завтрак», лениво выходят из ресторанов с деревянной зубочисткой в зубах».

Во французском филиале немецкой компании Хенкель-Шварцкопф часто возникают разногласия во время французско-немецких совещаний. Французы могут часами обсуждать проблемы, выслушивать мнения каждого по всем вопросам, не соглашаться, спорить, переносить совещание на следующий день и т.д. Немцы же считают совещание продуктивным, если был соблюден порядок, и достигнуто оптимальное решение в отведенный отрезок времени. Во Франции время шире, вместительнее, оно «служит» деятельности. Несомненно, Французская коммуникативная культура более монохронна, чем испанская (не говоря о странах латинской Америки, Индии и т.д.), но контраст с североевропейскими странами значим.

Организация деятельности

Несмотря на то, что Франция относится скорее к странам с богатым контекстом, существуют некоторый распорядок, деятельность и отношения более ритуализированы, чем, например в Испании; пространство и события менее спонтанны.

Во время моих занятий английским в патентном ведомстве Франции, Анн-Мари, сорокалетняя государственная служащая базовой категории, рассказывала про свою знакомую, которая крайне невежливо постоянно звонит ей по телефону в 8 вечера. Я удивленно спросила, почему 8 вечера она считает неприемлемым временем для телефонных звонков. Анн-Мари с недоумением ответила « А Вы разве не в восемь вечера ужинаете?».

Прерывать деятельность считается невежливым. Возможность делать несколько дел одновременно допускается гораздо реже, чем в Испании.

В исследованиях Тромпенаарса и классификации стран по шкале от наиболее партикуляристской к наиболее универсалистской, Франция, также как и Испания занимает место в середине: 73 процента адаптируют универсалистскую модель поведения (на краях шкалы - Швейцария - 97 процентов и Венесуэла- 32 процента).

Также во французской коммуникативной культуре реже, чем в испанской и тем более в русской смешивается личная и профессиональная жизнь:

« *De retour à mon travail, j'annonçai à Marie-Jeanne que j'avais besoin de vacances. Marie-Jeanne est ma collègue ; c'est ensemble que nous préparons les dossiers d'expositions, que nous œuvrons pour la culture contemporaine. C'est une femme de trente-cinq ans, aux cheveux blonds et plats, aux yeux d'un bleu très claire ; je ne sais rien de sa vie intime. »*

(Вернувшись на работу, я объявил Мари-Жан, что мне нужно отдохнуть. Мари-Жан- моя коллега, мы вместе готовим досье по современной культуре. Это 35ти летняя блондинка со светло-голубыми глазами; я ничего не знаю о ее личной жизни- перевод наш)

М Houellebecq « La plateforme »

Следует добавить, что Уэльбек с грустью отмечает данные тенденции - как и в испанской коммуникативной культуре, коммуникативные ценности глобализируются и «американизируются», работа и личная жизнь смешиваются все меньше- « всему свое время».

Организация мысли

Как уже было упомянуто выше, метод, логика и четкая организация важны во французской коммуникативной культуре. Возможность открытого проявления эмоций во многих личных и профессиональных

ситуациях зависит от социального контекста, что требует дальнейших исследований.

«Depuis des années, Michel menait une existence purement intellectuelle. Les sentiments qui constituent la vie des hommes n'étaient pas son sujet d'observation ; il les connaissait mal. La vie de nos jours pouvait s'organiser avec une précision parfaite ; les caissières du supermarché répondaient à son bref salut.»

(Вот уже много лет Мишель вел исключительно интеллектуальный образ жизни. Чувства, которыми живут люди, не занимали его- он их плохо знал. Современную жизнь можно было организовать с совершенной точностью; кассирши в супермаркете отвечали на его мимолетное приветствие. - перевод наш)

М Houellebecq «Les particules élémentaires

С другой стороны, существуют ситуации, в которых эмоции проявляются открыто. Особенно эмоциональны дискуссии на социальные и политические темы, спор ведется на победу. Постоянно выражается недовольство, протест - начиная от погоды и заканчивая президентом республики. Интересно наблюдать политические дебаты по телевидению и радио - обязательно наступает момент, когда все говорят хором, только каждый о своем, и зрителю или слушателю не представляется возможным что-либо понять. Перебить собеседника в таких дебатах является нормальным, причем если на перебившего не обращают внимания, он будет все равно настаивать.

Быт

Организация приема пищи является важнейшей частью французской жизни.

Закуски, которыми делятся все участники застолья- явление крайне редкое. Существует четкий порядок смены блюд и напитков. Аперитив-Первое-Второе-Сыр-Десерт-Кофе-Дижестив.

Французы никогда не пьют чай с тортом, как это делают русские. Сначала торт, потом чай.

Японские рестораны в Париже приспособились к данному ритму- все предлагают меню- салат, суп мисо, суши- одно следует за другим- сохраняя основную « канву» принятого порядка смены блюд. В Японии так никто не ест.

Заключение

Из трех исследованных нами культур наиболее полихронной является русская коммуникативная культура, за ней следует испанская, являющаяся одной из самых полихронных культур Западной Европы. Французской коммуникативной культуре в некоторых аспектах присущи черты полихронных культур, в других Франция скорее монохронна.

В связи с процессами глобализации все три исследуемые культуры имеют тенденцию к более монохронной организации времени, деятельности и мысли.

1. Бодлер И. Цветы зла. Москва, 1993
2. Веллер М. Московское время. Санкт-Петербург, 1995.
3. Ерофеев В. Реабилитация Дантеса. Москва, 2009.
4. Братья Пресняковы . Убить судью. Москва, 2005
5. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. Москва, 2002.
6. Поэзия и проза древнего Востока. Москва, 1973.
7. Сорокин В. Тридцатая любовь Марины. lib.ru
8. Сорокин В. Очередь. lib.ru
9. Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света. lib.ru
10. Hall E. T. Danse de la vie. Paris, 1984
11. Goytisolo Juan . Campos de Nijar. Barcelona, 1998
12. Houellebecq M. La plateforme. Paris, 2001
13. Houellebecq M. Les particules élémentaires. Paris, 1998
14. Marias Javier .Tu rostro mañana. Madrid, 2002
15. Millet Olivier .Dictionnaire de citations. Paris, 1992
16. Molina Antonio Muñoz .Carlota Fainberg. Madrid, 1999
17. Trompenaars Fons, Hampden-Turner Charles. Riding the waves of culture. London, 2001
18. <http://www.rhr.ru/index/midday/7604,0.html>
19. <http://autorambler.ru/journal/events/11.01.2010/560956421>

М.С.Саломатина

Интертекстуальность в современном публицистическом дискурсе⁵

В лингвистической науке в настоящее время наблюдается высокий интерес к изучению интертекста и феномена интертекстуальности. Интерес этот, безусловно, неслучайен. Современный дискурс характеризуется высокой степенью интертекстуальности, что, несомненно, является следствием социальных и культурных изменений, которые ведут к трансформации стиля мышления человека, к изменению способов познания им окружающего мира, способов организации этих знаний.

Несмотря на то, что термин «интертекстуальность» появился в научном обиходе более 50 лет назад, однозначной интерпретации данного термина нет. Кроме того, разработка теории интертекстуальности велась до недавнего времени за пределами лингвистической науки, поэтому для поиска определения терминов «интертекстуальность» и «интертекст» целесообразно обращаться к философским, а не лингвистическим словарям.

⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

Термин «интертекстуальность» впервые был употреблен теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой в 1967 г. (Кристева 2009) для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга, и относилось главным образом к художественному тексту. Для Ю. Кристевой текст представляет собой переплетение текстов и кодов, трансформацию других текстов. Термин «интертекстуальность» был предложен ей взамен термина «интерсубъективность», введенного М.М. Бахтиным. Именно его концепция диалогичности, в которой рассматривались формы введения в художественный текст «чужих высказываний», стала предпосылкой развития теории интертекстуальности. В рамках концепции «полифонического романа» М.М. Бахтиным был описан феномен диалога текста с текстами (и жанрами), предшествующими и параллельными ему во времени (Бахтин 1996).

Существует также точка зрения, что «теория интертекстуальности имеет несколько источников, одним из которых является теория анаграмм Ф. де Соссюра. М.Б. Ямпольский считает, что принцип анаграммы сопричастен принципу интертекстуальности, когда цитируемый текст вложен в цитирующий текст неявно, его надо разгадать. С этим соотносится и идея о пародийном основании интертекстуальности, заложенная в работах Ю.Н. Тынянова» (Леонтьев 2001, с. 92).

Понятие интертекстуальности является ключевым для теории структурализма. Так, классик французского структурализма Р. Барт писал, что любой «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» (Барт / <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/30874>). Р. Барт утверждает, что текст подобен новой ткани, сотканной из старых цитат.

В работах французских исследователей, которые рассматривают интертекстуальность главным образом как феномен постмодернистской эпохи, при описании названного явления используются также понятия «следы следов» (Ж. Деррида), «феномен реккуренции» (М. Фуко), «палимпсест» (Ж. Женетт).

В целом, концепция интертекстуальности восходит к фундаментальной идеи неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения. «В постмодернистской системе отсчета взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования: "всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)", "диалог различных видов письма - письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или

предшествующим культурным контекстом" (Кристева). По оценке Р.Барта, "основу текста составляет... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки", и, собственно, текст - как в процессе письма, так и в процессе чтения "есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов". Таким образом, "каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык" (Р. Барт)» ([Грицанов, Румянцева, Можейко / http://terme.ru/dictionary/181](http://terme.ru/dictionary/181)).

Концепция диалогичности, разработанная в трудах М.М. Бахтина, стимулировала развитие теории интертекстуальности и в рамках лингвистики, прежде всего лингвистики текста. Так, Р.-А. де Богранд и В.У. Дресслер в своей работе «Введение в лингвистику текста» определяют интертекстуальность как «зависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участником коммуникации других текстов» (Beaugrande, Dressler 1981, р. 188). Они считают необходимым «изучение влияния интертекстуальности как средства контроля коммуникативной деятельности в целом» (там же, с. 215).

Современная гуманитарная наука занимается также выявлением функций интертекста. Классический перечень функций сформулирован на основе функций языка, названных Р. Якобсоном (Якобсон 1985). В качестве важнейших функций интертекста выделяют следующие.

1. Экспрессивная функция интертекста проявляется в той мере, в какой автор текста посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о pragmaticических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий — все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора.

2. Апеллятивная функция интертекста проявляется в том, что отсылки к каким-либо текстам в составе данного текста могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата — того, кто в состоянии опознать интертекстуальную ссылку, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную

функцию установления между автором и адресатом отношений «свой/чужой»: обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно, и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий. Такого рода настройка на семиотическую общность с помощью интертекста может осуществляться с большой степенью точности (нечто вроде «Свой – это тот, кто читал роман X и мемуары Y-а»).

3. Поэтическая функция, во многих случаях предстающая как развлекательная: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (скажем, среди жителей России и бывшего СССР в достаточно широком возрастном диапазоне трудно найти человека, который не опознал бы такие цитаты, как *Восток – дело тонкое* из *Белого солнца пустыни* или *Если я встану, ты ляжешь* из *Операции ІІ*, а англоязычные кинозрители столь же отчетливо опознают и атрибутируют слова *I'll be back* из *Терминатора*) до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял (в таких случаях говорят о «неконтролируемом подтексте», «интертекстуальности на уровне бессознательного» и т.п.).

4. Референтивная функция – функция передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Степень активизации опять же варьирует в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст.

5. Метатекстовая функция. Для читателя, опознавшего некоторый фрагмент текста как ссылку на другой текст (очевидно, что такого опознания может и не произойти), всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо – для более глубокого понимания данного текста – обратиться (напрягши свою память или, условно говоря, потянувшись к книжной полке) к некоторому тексту-источнику, благодаря которому

опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный. Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции (Онлайн энциклопедия «Кругосвет» / http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html).

На основе анализа работ отечественных ученых можно сделать вывод о том, что в настоящее время существует 2 подхода к определению интертекстуальности: широкий и узкий. К первому можно отнести концепцию Ю.М. Лотмана, согласно которой текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст. Та историко-культурная реальность, которую мы называем «художественное произведение», не исчерпывается текстом. Восприятие текста, оторванного от его внетекстового «фона», по Ю.М. Лотману, невозможно. Даже в тех случаях, когда для нас такого фона не существует (например, восприятие отдельного памятника совершенно чуждой, неизвестной нам культуры), мы на самом деле антиисторично проектируем текст на фон наших современных представлений, в отношении которой текст становится произведением (Лотман 2005). Этот же подход представлен также в работах Н.А. Кузьминой (1999), Н.В. Петровой (2005), Н.А. Фатеевой (2006) и др.

Узкое толкование интертекстуальности предполагает, что связь между данным текстом и другими текстами сознательно маркирована (см., например, Арнольд 2010, Костыгина 2003, Попова 2007, Снигирев 2000, Чернявская 2009 и др.). Таким образом, интертекстуальность рассматривается здесь как признак текста, характеризующий межтекстовую связь, а интертекст как фрагмент другого текста в форме аллюзии, цитаты, реминисценции.

В настоящей статье интертекстуальность будет рассматриваться в узком смысле. Следовательно, при описании интертекстуальности как признака современного публицистического дискурса мы будем оперировать термином «прецедентный текст».

В связи со сказанным представляется необходимым определить понятия «дискурс» и «прецедентный текст».

Общеизвестным является тот факт, что термины «текст» и «дискурс» в настоящее время четко не разграничены, поэтому в ряде работ они выступают как синонимы. Там же, где проводятся попытки дифференциации названных понятий, нередко подчеркивается динамический характер дискурса и статический характер текста, что соответствует традиционному представлению о тексте как статической структуре. Указанное противопоставление было сформулировано в связи с ориентацией реальной практики современного дискурсивного анализа на исследование закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого через обмен репликами.

Е.И. Шейгал в работе «Семиотика политического дискурса» (2004) пишет, что «язык как абстрактная система реально существует в виде дискурса, вернее – дискурсов» (с. 15), и проводит противопоставление текста и дискурса по следующим параметрам: феномен текста относится к сфере лингвистического, феномен же дискурса – к сфере лингвосоциального; текст есть результат, дискурс – процесс; дискурс – явление актуальное, тогда как текст – виртуальное; текст реализуется главным образом в письменной речи, дискурс – в устной (там же).

Однако представляется, что само понятие текста в настоящее время настолько широко, что может в любых контекстах заменить понятие «дискурс». В нашей работе мы будем использовать понятия «текст» и «дискурс» в ряде случаев как синонимичные. Тем не менее, заявленное в заглавии понятие «дискурс» имеет, по нашему мнению, очевидную *социальную ориентацию*, учет чего является принципиальным при описании именно публицистического текста. Вслед за уже сложившейся в лингвистике традицией мы будем понимать дискурс как речь, вписанную в коммуникативную ситуацию.

Теперь обратимся к понятию прецедентного текста. В настоящее время феномен прецедентности изучается главным образом с точки зрения проблемы понимания текста. В современных научных исследованиях употребление прецедентных текстов осмысливается как социокультурный феномен, актуализирующий внутритекстовые и межтекстовые связи употреблённой в речи единицы, её развёртывание.

Изучению различных сторон бытования прецедентных текстов уделяют внимание многие лингвисты. Например, такие исследователи, как И.В. Труфанова и А.А. Евтюгина рассматривают функции и значение прецедентных текстов в творчестве отдельных писателей или в языке конкретных произведений.

Общими вопросами, касающимися понятия «прецедентный текст» (определение, функции, типология, соотношение с другими языковыми единицами, функционирование в речи и пр.) занимаются такие лингвисты, как Ю.Н. Караполов, Ю.А. Сорокин, И.М. Михалёва, О.П. Семенец, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, А.В. Исаева, И.В. Захаренко и др. Г.Г. Слышкин изучает концепты прецедентных текстов. В работе «Лингвокультурные концепты прецедентных текстов» (2000) он рассматривает прецедентный текст в ситуации его использования (текстовую реминисценцию) как способ апелляции к текстовому концепту, являющемуся, в свою очередь, ментальной репрезентацией прецедентного текста как артефакта культуры. При этом под текстовыми реминисценциями понимаются «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» (Супрун 1995, с. 17).

Классификация прецедентных текстов представлена в работах В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой, С.И. Сметаниной и др. Интерес у учёных вызывают отдельные типы прецедентных текстов,

например, - прецедентные имена (Д.Б. Гудков). Актуальным является понятие прецедентного текста для лингвистов, занимающихся проблемами перевода и межкультурных языковых взаимодействий (В.В. Красных, Д.Б. Багаева и др.).

Таким образом, цель большинства исследований - выявление отдельных закономерностей использования прецедентных текстов, установление функций прецедентных текстов в конкретном виде дискурса, определение состава источников актуальных прецедентных текстов, описание способов использования прецедентных текстов, уточнение и составление типологии прецедентных текстов и т.п.

Целью проводимого нами исследования является изучение процесса когнитивной глобализации как явления, лежащего в основе трансформации ментальных механизмов современного носителя русского языка, а также как феномена, обусловившего существенные изменения в современном дискурсе. В этой связи анализ способов, ситуаций и целей использования прецедентных текстов в публицистическом дискурсе будет являться материалом для изучения новых когнитивных механизмов.

Понятие прецедентного текста было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым, который под прецедентными текстами понимает тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов 1986, с. 105).

Принимая во внимание тот факт, что репертуар прецедентных текстов определенного социума может меняться с течением времени, даже в ходе жизни одного поколения, в качестве базового возьмем более широкое определение прецедентного текста, предложенного Г.Г. Слышкиным, который предлагает считать прецедентным текстом «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определённой группы» (Слышкин 2000, с. 28). Однако мы полагаем, что понятие прецедентности целесообразно расширить за счет включения в него, помимо последовательностей языковых единиц, также и отдельных лексических единиц, являющихся национально-культурными знаками. Такие единицы можно назвать прецедентными именами. Прецедентные тексты вместе с прецедентными именами получат наименование *прецедентных языковых единиц*.

Поскольку, как уже говорилось ранее, «интертекстуальность» понимается в настоящей статье в узком смысле, предметом нашего исследования будет являться цитата как «эталон интертекстуального знака» (Кузьмина 1999). При этом рассматриваться будут как точные и трансформированные цитаты, так и реминисценции и аллюзии, распознавание которых, как правило, зависит от уровня коммуникативной

компетенции получателя сообщения. Именно узнавание неточной цитаты (реминисценции, аллюзии) является непременным условием эффективности акта коммуникации.

Как правило, цитату нетрудно узнать в тексте, так как она может быть выделена несколькими способами: ссылкой на источник цитирования, кавычками, другим шрифтом; на веб-сайтах и в некоторых почтовых программах – правыми угловыми скобками и т.д. От других видов цитирования точная цитата отличается тем, что передает мысль, изначально заложенную во включаемом тексте, без искажения. Но в то же время «хотя семантическое наполнение большинства прецедентных текстов обусловлено текстом-источником, оно значительно трансформируется за счет использования в реальной речевой практике, в отдельных случаях почти полностью утрачивая связь с исходным текстом.

Значение прецедентного текста, - продолжает исследователь, - никогда не бывает равно значению самой фразы, а, как правило, состоит из нескольких компонентов: 1) значение фразы; 2) изначальный текст, унаследованный от текста-источника и обусловленный контекстом употребления данной фразы в тексте; 3) приобретенные смыслы, развившиеся вследствие существования данной фразы в речевой деятельности людей. Таким образом, прецедентный текст – это своего рода пирамида, вершиной которой является фраза, воспроизводимая в речи, а основанием служит все многообразие контекстуальных и ассоциативных смыслов» (Аниськина 2008, с. 119).

Реминисценция как неявная цитата, никак формально не выделенная в тексте, требует от получателя сообщения актуализации фоновых знаний, следствием чего является включение данного текста в более широкий когнитивный контекст, расширение его содержательных границ.

Понятие аллюзии обычно рассматривается учеными как особая стилистическая фигура, цель которой - отослать читателя к некому широко известному культурному факту. В отличие от реминисценции, аллюзия содержит явное указание на этот факт и предполагает однозначное понимание.

Заметим, что все виды цитат могут быть реализованы как в текстовой, так и в нетекстовой форме (например, в виде графического изображения, музыки и т.д.), что является средством растущей визуализации культуры.

Говоря о функциях прецедентного текста, приведем классификации, предложенную исследователем Н.В. Аниськиной.

1. Эстетическая функция: используя прецедентный текст, автор стремится сделать свою речь более красивой.
2. Аргументативная функция: использование прецедентного текста повышает его убедительность.
3. Фатическая функция: прецедентный текст выполняет функцию интимизатора общения.
4. Оценочная функция: прецедентный текст позволяет автору выразить свое (обычно ироничное) отношение к предмету речи.

5. Маскировочная функция: автор текста стремится сделать свою речь менее индивидуальной, пользуясь «чужими» словами (Аниськина 2008, с. 120).

Ответим на вопрос о причине выбора материала исследования. Почему предметом изучения стал именно публицистический дискурс?

В современном дискурсе (во всех его видах) наблюдается резкое увеличение употребления прецедентных текстов. Безусловно, в настоящее время прецедентные тексты активнее всего функционируют именно в публицистике. «Готовый образ, избитая фраза, известный фразеологизм, крылатое выражение, в целом – прецедентные тексты в современных публикациях распространяются все шире и шире. Старые, привычные фразы, часто известные со школьных лет литературные цитаты рождают новые современные образы, но «играют» они именно на фоне старого, узнаваемого. Тогда и появляется юмористический оттенок; в легкой, доступной форме высвечивается новая ситуация, факт современной жизни.

В современных текстах, особенно в СМИ, явно ощущается тяга к переосмыслинию старых речевых структур. В каком-то смысле это стремление объясняется "речевой вольницей" сегодняшнего дня, желанием переиначить старые выражения, сообщив им смысловой негатив, свободно поиграть со словом, блеснуть остроумием. Естественно, что прецедентное слово оказывается разгаданным лишь при наличии определенных фоновых знаний. Поэтому в литературе, рассчитанной на массового читателя, в основном используются тексты уровня школьной программы, массовой культуры» (Валгина / <http://evartist.narod.ru/text14/21.htm>).

Активное функционирование в процессе устной и письменной коммуникации прецедентных текстов является, как уже говорилось ранее, следствием социальных и культурных изменений, которые ведут к трансформации стиля мышления человека, к изменению способов познания им окружающего мира, способов организации этих знаний.

Именно публицистический стиль, наряду с разговорным, будучи наиболее динамичным, быстро развивающимся и чутко реагирующим на изменения социального и культурного характера и на изменения в человеческом общении, является удобным материалом для изучения актуальных процессов, происходящих в сфере коммуникации. Н.И. Клушкина называет публицистический стиль «одним из самых "открытых" в системе функциональных стилей русского языка» (Клушкина 2003, с. 269).

Динамизм как признак публицистического стиля связан с тем, что главные задачи публицистики – сообщить информацию и воздействовать на мнение и поведение получателя сообщения. Поэтому авторы публицистических текстов стремятся использовать языковые средства, повышающие эффективность воздействия на адресата: «Анализ современного состояния публичной сферы позволяет отметить, что отличительным признаком публичной коммуникации в конце XX - начале XXI в. является преобладание эмоциоцентрированной аргументации над

рациональной и, как следствие этого, целеустановка на формирование мнения, а не знания <...> ... это с очевидной закономерностью ведет к повышенному эмоциональному «фону» текстов, обращающихся в публичной сфере, к «эмоциогенности» публичной сферы в целом и массовой коммуникации в частности» (Степанов 2008, с. 41), ведь автор публицистического текста считает, что реципиент «в условиях массовой коммуникации легче "запомнит" информацию, связанную с личностью говорящего, выражющую субъективную оценку, представляющую эмоциональное состояние, когда образ предмета речи сохраняется в памяти окрашенным эмоцией» (Степанов 2004, с. 337).

Вообще, оценочность в качестве одного из главных признаков публицистического стиля называет большинство исследователей, занимающихся изучением явления прецедентности. В публицистическом дискурсе оценочность достигается преимущественно «средствами языковой игры, созданием вертикального контекста с помощью цитат и всепроникающей иронией» (Клушкина 2003, с. 270).

Кроме того, востребованность прецедентных языковых единиц в публицистическом дискурсе обуславливается тем, что, «обладая довольно устойчивой формально-семантической структурой, они способны реализовать конструктивный принцип языка публицистики – "чередование экспрессии и стандарта" (Костомаров, 1971)» (Чокою 2007, с. 17).

Особый интерес в этом смысле вызывает агитационный дискурс как разновидность публицистического, так как он рассчитан на непосредственную реакцию адресата и, в отличие от собственно публицистического дискурса, использует информацию *исключительно* как средство манипуляции сознанием получателя сообщения.

В качестве иллюстрации приведем результаты исследования, в качестве материала для которого были взяты агитационные тексты, использовавшиеся в ходе предвыборной кампании по выборам главы городского округа (мэра) города Воронежа (2008): газеты, стенды, плакаты, листовки, календари, буклеты, проспекты. Объектом исследования являлись лозунги, призывы, слоганы, заголовки, символически употребляемые языковые единицы, оценочные суждения. Исследовались как прецедентные языковые единицы, используемые в готовом виде, так и трансформированные прецедентные языковые единицы.

В процессе исследования использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод наблюдения, описательный метод, сопоставительный метод, метод интерпретации текста, метод выявления pragматической интенции.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что одним из самых востребованных пластов прецедентных языковых единиц (прецедентных текстов и прецедентных имен) в современном агитационном дискурсе являются тексты советской массовой культуры.

Политическая реклама, несмотря на всю ее специфику, остается видом рекламы. Главной целью рекламы является привлечение внимания к рекламируемому продукту. Привлечение внимания, таким образом, – первое звено в цепи механизма психологического воздействия рекламы.

Принцип воздействия рекламного текста предполагает включение у реципиента механизма так называемого непроизвольного внимания, которое затем, как предполагается, должно перейти в произвольное. При этом важно не только, чтобы адресат выделил конкретное рекламное сообщение среди множества других – конкурирующих – сообщений и воспринял его, но и чтобы он понял его смысл и запомнил данное сообщение.

Вполне естественно, что в том случае, когда рекламное сообщение основано на уже знакомом адресату тексте, процесс его восприятия, понимания и запоминания происходит значительно быстрее. Собственно, прецедентный текст или прецедентное имя уже находится в памяти и шире – в когнитивной базе человека. Фактически использование прецедентных единиц – это эксплуатация готового знания, которое не надо формировать в момент восприятия (это облегчает восприятие), это как бы отсылка реципиента к имеющемуся у него знанию, которое является для адресата привычным, естественным и подспудно в большинстве случаев правильным. То есть здесь мы имеем дело с апелляцией к уже известной и «по умолчанию» правильной идеи. Таким образом, современные авторы публицистических текстов действуют алгоритм понимания, описанный еще А.А. Потебней: «В понимающем происходит нечто по процессу, то есть по ходу, а не по результату, сходное с тем, что происходит в самом говорящем. Говорить не значит передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» (цит по: Степанов 2008, с. 46). Это важнейшая когнитивная причина эффективности использования прецедентных языковых единиц.

Существует и коммуникативная причина эффективности прецедентных языковых единиц – использование «знакомого» текста или имени позволяет частично нейтрализовать действие «закона первичного отторжения новой информации» (Стернин 2001).

Таким образом, прецедентные тексты отвечают специфике агитационного дискурса с его подчёркнутой ориентацией на массовую аудиторию, на оперативность восприятия и запоминания, доступность изложения, использование широкой когнитивной базы.

Почему же столь широко используются именно *советские* тексты? Есть несколько причин, позволяющих объяснить выбор именно названного прецедентного материала.

Во-первых, прецедентные тексты советской культуры хронологически относительно недалеко отстоят от настоящего времени, что обеспечивает их высокую узнаваемость. Узнаваемость в данном случае существенна, поскольку автор агитационного текста ставит перед собой цель актуализировать вполне определенный пласт фоновых знаний адресата

сообщения и вызвать некие заданные (ожидаемые) ассоциации. Способность автора выбрать адекватные средства для активизации в сознании адресата фоновых знаний, обеспечивающих желаемый эффект (узнавание прецедентного текста, его адекватная интерпретация), является залогом эффективности воздействия текста.

Во-вторых, агитационный дискурс по своей сути императивен, а значительная часть эксплуатируемых прецедентных текстов советской культуры императивна, если не сказать – агрессивна, поэтому они как нельзя лучше подходят для агитационного текста.

В-третьих, прецедентные тексты советского периода отражают период, подвергшийся мифологизации в массовом сознании: время социального благополучия, социального равенства, спокойного существования простого человека, что легко можно эксплуатировать в агитационном предвыборном дискурсе – все это легко обещать, обращаясь к мифологической памяти.

В-четвертых, хотя, как известно, «прошлое не было таким, каким мы его помним», в социальной и индивидуальной памяти часто остается только *хорошее*, а для значительной части используемых прецедентных текстов характерен именно положительный эмоциональный настрой, который можно использовать для актуализации у реципиентов положительных эмоций, связанных с советским прошлым.

Перейдем к изложению результатов анализа. Основными источниками прецедентных единиц в исследуемом материале оказались.

1. Агитационные тексты времен Великой Отечественной войны (Напр.: *За правду! За Воронеж!*).
2. Тексты советской социальной рекламы (Напр.: *Берегите лес!*).
3. Лозунги и призывы советского периода (из разных тематических сфер) (Напр.: *Служить трудовому народу!*).
4. Поэтические тексты советского периода (Напр.: *Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала*).
5. Прецедентные имена (Напр.: *прозаседавшиеся*).

Анализ текстового языкового материала показывает, что прецедентные языковые единицы текстов советской культуры используются в современном агитационном дискурсе преимущественно в качестве заголовков, лозунгов, слоганов и призывов.

В рассмотренном текстовом материале прецедентные единицы используются как в оригинальном, так и в трансформированном виде, причем трансформированные прецедентные тексты составили более 80% от общего числа зафиксированных случаев. Основными способами трансформации прецедентных текстов являются следующие.

1. Семантическое преобразование (изменяется значение единицы, но остаётся неизменным лексический состав).
2. Лексическое преобразование (изменяется лексический состав, а значение остаётся прежним или существенно не меняется).

3. Лексико-семантическое преобразование (изменяются лексический состав и общее значение), используется сама модель единицы.

Все эти типы трансформации были выявлены в рассмотренном текстовом материале.

Покажем на примерах использование прецедентных языковых единиц в текстах агитационной кампании по выборам мэра Воронежа в 2008 г.

1. Использование оригинальных прецедентных единиц.

Любимый город может спать спокойно.

Главное, ребята, сердцем не стареть.

Не отступать и не сдаваться!

Использование прецедентного текста в оригинальном виде позволяет актуализировать заложенные в нем эмоции, тем самым повысить эмоциональность агитационного высказывания, вводят в текст прецедентный социокультурный контекст. Кроме того, оригинальный прецедентный текст с уже устоявшейся положительной/отрицательной коннотацией может быть использован для создания определенного настроения у получателя сообщения, позволяет со значительной точностью предопределить реакцию реципиента, что существенно повышает эффективность текста.

2. Трансформированные прецедентные языковые единицы.

1) Семантическое преобразование (изменяется значение, но остаётся неизменным словесный состав). К этому же типу трансформации отнесем и изменение pragmatики высказывания.

Лес – «наше» богатство?

За нами – Москва! (имеется в виду то, что государственная власть поддерживает определенного претендента на пост мэра).

«Лучшее» - детям?

Значительная часть прецедентных текстов советской культуры императивна. В этом случае изменение pragmatической интенции и смыслового наполнения данного текста даже при условии сохранения его лексического состава является важным аттрактивным фактором: эффективно привлекает внимание реципиентов и побуждает к ироническому переосмыслинию единицы, что повышает эффективность усвоения информации.

2) Лексическое преобразование (изменяется лексический состав, значение остаётся прежним или существенно не меняется).

Нельзя молчать!

Я не могу и не буду молчать!

Такой вариант преобразования текста способствует актуализации прецедентного текста, введению его в новый культурно-исторический контекст. Преобразование актуализирует историческую значимость прецедентного текста и создает иллюзию продолжения и развития позитивного нравственного кредо прошедшей исторической эпохи.

3) Лексико-семантическое преобразование (изменяются лексический состав и общее значение), часто используется только прецедентная структура, модель.

Главное – не участие, а победа.

Эти УКи (управляющие компании – прим.. авт..) не для скуки!

Свой бизнес на чужом бизнесе.

Как видно из приведенных примеров, уже знакомая языковая формула способствует облегчению восприятия, понимания и запоминания текста. Юмористически-иронический, подчас парадоксальный характер переосмыслиния, своего рода языковая игра с реципиентом также повышают эффективность воздействия – реципиенту как бы намекают в остроумной форме – мол, нам с вами это понятно, у нас с вами есть общее знание, общий опыт, мы-то с вами можем понять эту фразу. Такое использование прецедентных единиц – своеобразный комплимент реципиенту, что и повышает эффективность восприятия такого текста.

Обращает на себя внимание то, что большая часть прецедентных текстов, используемых в современной агитации, заимствована из советской агитации времен Великой Отечественной войны (*За Зоткина! За Родину! За правду! За народ!; Не отступать и не сдаваться!; Победа будет ЗА воронежцами!*). Таким способом агитационный текст включается в более широкий исторический контекст и актуализирует целевые смыслы прошлого: *Отечество в опасности, необходимо спасти его от врагов*, и, как результат, спасителем выступает конкретный претендент. Кроме того, в названных текстах заложен и еще один существенный смысл: каждый несет ответственность за судьбу Родины и должен включиться в процесс борьбы, так как мир поделился на *наших и не наших*.

Данные тексты часто оформляются в стилистике военных плакатов, с использованием графической символики времен Великой Отечественной войны.

Тексты советской социальной рекламы включаются в современный агитационный дискурс с целью показать внимание претендента на пост мэра к социальной проблематике. В данном случае прецедентные тексты представляют собой *удобную языковую формулу*, которая используется в исходном или трансформированном виде (*Спорт – залог здорового образа жизни!; Безопасный город – залог процветания!; Берегите лес!*). Поскольку известно, что советское государство было социально ориентированным, подобное использование советской социальной рекламы призвано показать, что проблема социальной защиты в российском обществе не решена и претендент сохранил верность идеалам ушедшего гуманного общества.

Тексты советских песен также регулярно включаются в современный агитационный дискурс. Прагматика данного явления связана с тем, что благодаря жизнеутверждающему смыслу и доминирующей положительной коннотации такие тексты способствуют созданию нужного автору

эмоционально настроя у адресата (*Любимый город может спать спокойно; Главное, ребята, сердцем не стареть; Я другой такой страны не знаю*). Кроме того, как представляется, указанный пласт текстов дает автору возможность воздействовать на определенную целевую аудиторию – старшее поколение, для которых данные песни составляют часть позитивно окрашенных воспоминаний молодости. Эксплуатация эмоциональной памяти молодости позволяет завоевать симпатии определенной части аудитории. Подобные тексты – это также комплимент возрастной аудитории: *мы знаем и ценим те песни, которые вы пели в молодости, это наше с вами общее достояние, здесь мы с вами едины*.

Исследование позволяет сделать следующее важное наблюдение. Постепенно число используемых *старых* (*советских* и не только) прецедентных единиц в публицистическом дискурсе (в том числе и в агитационных текстах) имеет тенденцию к сокращению, идет на убыль. Это связано со сменой поколений, которым подобные тексты уже в большинстве своем незнакомы (например, тексты И. Ильфа и Е. Петрова, А. Гайдара, Н. Островского).

Однако исследуемый материал дает нам возможность выявить новый тип трансформации прецедентных феноменов: заимствуются не сами единицы, а стиль, стилистические клише и штампы, дискурсивная манера советской культуры. Этот стиль пока еще известен новым поколениям. При этом часто уже трудно сделать вывод о конкретном тексте-источнике, использованном автором современного агитационного текста (*Молодые идут!; Поставим памятник Сабурову!;*) Таким образом, можно говорить о *прецедентном стиле* (о понятии прецедентного стиля см.: Стернин И.А., Саломатина М.С. Интертекстуальность в современном политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы. – Волгоград, 2009. – С. 223-230).

Анализ полученного материала позволяет сделать частный вывод о том, что в актуальном языковом сознании носителя русского языка присутствуют тексты советской культуры и дискурсивный стиль советской эпохи, которые функционируют в современном агитационном дискурсе как экспрессивное и аргументативное средство. Видимо, *советские* тексты до настоящего времени несут в себе для составителей и реципиентов высокую воздействующую потенцию и актуальны для языкового и когнитивного сознания современного носителя языка.

Вместе с тем, можно предположить, что целевой аудиторией указанных агитационных текстов в основном являются поколения, хорошо знакомые с советской культурой, то есть среднее и старшее поколения. Для проверки этой гипотезы нами был проведен эксперимент. Шестидесяти молодым людям в возрасте от 17 до 19 лет было предложено ответить на вопросы, призванные определить уровень их знания выявленных нами в агитационных текстах прецедентных текстов советского времени.

Около 40% опрошенных смогли указать исходный текст, который лег в основу трансформированного текста, а также конкретный исторический период появления прецедентного текста.

Около 30% респондентов ответили, что им незнакомы предложенные тексты. Некоторые из них называли источник заимствования текста неправильно: в основном тексты современной популярной музыки, литературы фэнтези и т.д.

Приблизительно 30% опрошенных ответили, что предложенные тексты им незнакомы, но относятся, вероятнее всего, к советскому времени.

Последнее позволяет подтвердить объективное существование прецедентного стиля текстов советской культуры и актуальность этого явления для современного языкового сознания. Представляется, что прецедентный стиль советской эпохи является одним из самых ярких и узнаваемых прецедентных стилей, используемых современной массовой коммуникацией.

Исследование показывает, что восприятие современного агитационного текста (и в частности политической рекламы) требует от реципиента определенного уровня коммуникативной компетентности, в данном случае в области советской культуры, а также способствует сохранению конкретного культурно-языкового пласта в общественном сознании. Но постепенно, видимо, *классические, привычные* прецедентные тексты, используемые в публицистическом дискурсе, например, тексты советской культуры, будут заменяться на прецедентный стиль, а затем на прецедентные тексты последующих периодов, в частности, очевидно, на тексты рекламы и современной поп-культуры.

Собственно публицистический стиль, то есть тексты, имеющие информационную направленность (газетные, журнальные, интернет-публикации), часто становится предметом лингвистического изучения. Большое количество работ посвящено выявлению специфики функционирования прецедентных текстов в публицистическом дискурсе. Авторы значительной части подобных работ рассматривают прецедентный текст в функции заголовка, что вполне объяснимо, так как для современной письменной публицистики (газет, журналов, интернет-изданий) более характерно использование цитат именно в заголовках.

Приведем в качестве примера список заголовков из одного номера журнала «Русский Newsweek» (№ 44, 2008): «Рубль волнуется раз», «Между пиром и чумой», «Бурые будни», «Ехали медведи», «кубик рублика», «Взяли под крыло», «Штатом единым», «Полеты во сне и на луну», «В переводе с небесного», «Девочки на грани нервного срыва», «Сказка об обмененном времени», «Как я провел лето», «Медом больше не намазано». «Считать подано», «Под подписку о невыплате», «Дорожаем моя столица», «С корабля в скандал», «Трудности перехода», «Культурный шок», «Генетики без границ», «Отчего мне так тепло» и др. Абсолютное большинство заголовков журнала представляет собой прецедентные тексты, обычно трансформированные.

Несомненно, прецедентные тексты в случае их использования в заголовках благодаря своему лаконизму, образности, выразительности обеспечивают достижение аттрактивного эффекта, о чем говорилось ранее и о чем говорится в ряде работ, посвященных изучению феномена прецедентности.

Кроме того, «чем изобретательнее журналист в использовании прецедентных текстов, тем ярче его материал и эффективнее воздействие на читателей. Использование прецедентных текстов позволяет журналисту не только привлечь внимание читателя к своей статье, но и вовлечь его в определенную игру, целью которой становится припоминание цитаты и ее источника.

Читатель (часто неосознанно) должен отвечать на ряд вопросов: Откуда цитата? Кто автор? Почему журналист использует ее? Как она связана с текстом статьи? Если цитата выступает в измененном виде, число вопросов увеличивается: Что изменено? Как было в оригиналe? Зачем произведено изменение? Как связана измененная цитата с текстом газетной статьи? В этом случае реализуется игровая функция прецедентного текста, которая сегодня как никогда актуальна, поскольку выражает особое состояние современного языка и культуры - их "карнавализацию" (Костомаров, Бурвикова 2001)» (Чокою 2007, с. 22).

В связи с тем, что в современном публицистическом дискурсе, прецедентный текст, используемый в позиции заголовка, нередко только содержит намек на содержание статьи, процесс взаимодействия реципиента и текста действительно приобретает характера игры: интерпретация заголовка становится для читателя решением языкового ребуса.

Именно поэтому авторы текстов зачастую направляют восприятие читателя в нужное русло, дополняя заголовок содержательным комментарием и / или графическим изображением. Например: «НЕБОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ. 19 января в Цхинвали, как и во всем православном мире, отмечали праздник Крещения»; «ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ. Предприятиям надо протянуть несколько месяцев. Станет полегче. Выживут самые гибкие»; «НУ, ЗАЙЧИК, ПОГОДИ! Карета превратилась в тыкву. Александру Лукашенко все труднее поддерживать миф о стабильности в Белоруссии»; «КРУЗ-200. Том Круз старался сыграть большую «оскаровскую» роль. Но золотой статуэтки ему не видать» и т.п.; рис. 1 (Русский Newsweek, № 5, 2009).

Рис. 1

Представляется, что активное использование в современной коммуникативной практике, в частности в публицистическом дискурсе, прецедентных текстов, имеет глубокие причины социально-психологического характера.

В настоящее время многие актуальные процессы социального, культурного, политического и т.д. характера связывают с феноменом глобализации, под которой обычно понимают процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Безусловно, названные явления закономерно ведут и к унификации когнитивной базы представителей разных культур, а также к большей унификации когнитивной базы носителей одной лингвокультуры.

Активизация межкультурного взаимодействия, имеющая своим следствием популяризацию отдельных национальных культур и конкретных культурных продуктов, а также интернационализацию культурных (в широком смысле) ценностей, включая образ жизни, деловую культуру и т.д., несомненно, способствует и глобализации когнитивной. Она выражается в сближении пресуппозиций представителей различных национальных культур и в появлении новых общих ментальных механизмов восприятия, осмыслиения и оценки окружающей действительности. В современной коммуникации это выражается в повышении частотности использования кросскультурных отсылок, увеличении количества прецедентных текстов, включенных в когнитивную базу представителей разных национальных культур. Кроме того, общая когнитивная глобализация ведет к формированию гипертекстов - к значительному расширению глобального межкультурного языкового и когнитивного пространства. Процесс когнитивной глобализации заметен также и в рамках одной национальной культуры: так, например, благодаря широкому распространению средств массовой информации и

коммуникации происходит сближение пресуппозиций представителей разных социальных, возрастных, культурных, профессиональных групп.

Большое влияние на трансформацию современного публицистического дискурса оказывает расширение сфер функционирования публичной речи. Навыки ораторского мастерства в условиях высокой конкуренции в деловой сфере становятся широко востребованными. В настоящее время наблюдаются заметные изменения в способах и структуре аргументации в публичной речи: аргументация приобретает «цитатный» характер. Цитата как таковая становится аргументом - часто без комментария, без ее расшифровки, без выражения к ней отношения оратора. Все чаще встречаются тексты, вся система аргументации в которых основана на цитировании «чужих» текстов. Представляется, что в основе этого явления лежат причины ментального характера: стремление к упрощению аргументации, с одной стороны, является следствием действия закона экономии усилий, в том числе речевых, и, видимо, в настоящее время умственных; с другой стороны, использование прецедентного текста является апелляцией к авторитету, делает аргумент более весомым. Таким образом, для современного носителя русского языка характерно стремление к экономии умственных усилий за счет использования готового аргумента, а также стремление опереться на чужой интеллектуальный опыт, на «проверенный» авторитет.

Кроме того, использование готового, знакомого текста, как уже было сказано, способствует привлечению внимания потенциальной аудитории. Подобная коммуникативная практика, безусловно, свидетельствует о формировании нового типа мышления. Такое мышление можно назвать «цитатным». Цитатное мышление характеризуется фрагментарностью, бессистемностью и ситуативностью. Активное использование прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе, подмена аргументов цитатами ведет к изменению структуры текста, нередко и к ее разрушению. Цитатное мышление делает прецедентный текст одним из способов осмысления новой информации: незнакомое, неясное помещается носителем языка в готовую и понятную схему, при этом нередко происходит упрощение, деформация или частичная потеря смысла. Представляется, что в настоящее время рост прецедентности общения является одним из главных путей трансформации современной массовой коммуникации. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что в нынешних условиях у коммуникации появляется новая функция - функция когнитивной глобализации, а доминирующим стилем современного общения становится *прецедентный*.

Аниськина Н.В. Прецедентные тексты в речи современных старшеклассников //Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации. – Ярославль, 2008. – С. 118-131.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М., 2010. -448 с.

Барт Р. Смерть автора / <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/30874>.

- Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. - М., 1996.
- Валгина Н.С. Теория текста / <http://evartist.narod.ru/text14/21.htm>.
- Грицанов А., Румянцева Т., Можейко М.. История Философии: Энциклопедия / <http://www.terme.ru/dictionary>.
- Гудков Д.Б. Индивидуальные имена и прецедентные тексты в обучении межкультурной коммуникации // Лингводидактические аспекты описания языка и гибкая модель обучения. – М., 1997. - С.286-293.
- Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М., 1996. - С.58-69.
- Гудков Д.Б., Красных В.В. и др. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы языкоznания. – СПб.-М., 1998. - Вып. 2.- С. 169-179.
- Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии Высоцкого: К проблеме идиостиля: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Екатеринбург, 1995.
- Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 92-99.
- Захаренко И.В. Прецедентные высказывания как объект лингво-когнитивного анализа // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999. – М., 1999, - С. 143-150.
- Исаева А.В. Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
- Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. - М., 1986. - С. 105 - 126.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 263 с.
- Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2005. – С. 269-289.
- Костыгина К. А. Интертекстуальность в прессе (На материале немецкого языка) : Дис. ... канд. филол. наук. - СПб, 2003. - 308 с.
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М., 1998. – 352 с.
- Кристева Ю. Избранные труды. - М., 2009. - 1438 с.
- Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. - Екатеринбург – Омск, 1999. – 268 с.
- Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. - М., 2001. - С. 92-100.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 2005. – с. 14-281.
- Онлайн энциклопедия «Кругосвет» http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html.
- Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстобразования (на материале англоамериканских коротких рассказов): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2005.
- Попова Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе: на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера: Дис. ... канд. филол. наук. - Самара, 2007.
- Семенец О.П. Прецедентные тексты в ассоциативном и толковом словарях // Русистика: лингвистическая парадигма к XX в. – СПб., 1999. – С. 124-126.
- Слышик Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 141 с.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб., 2002. – 383 с.

Снигирев А.В. Интертекст: типология, включение и функционирование в художественном тексте: на материале романов М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», Ф. Сологуба «Мелкий бес» и С. Соколова «Палисандр»): Автограф. дис. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2000.

Сорокин Ю.А., Михалёва И.М. Прецедентные тексты: типология и функции // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. – Ашхабад. – 1989. - № 1. – С. 41-48.

Сорокина Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1998. - Вып. 4. – С. 5-33.

Степанов В.Н. Языковая среда социума под влиянием СМИ //Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации: сборник научных трудов / отв. ред. И сост. Л.Г. Антонова (Часть 1), Л.В. Ухова (Части 2 и 3). – Ярославль, 2008. – с. 33-55.

Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ...д-ра филол. наук. – СПб, 2004.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 227 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Интертекстуальность в современном политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы. – Волгоград, 2009. – С. 223-230.

Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкоznания. - М., 1995, № 6. - С. 17-29.

Труфанова И.В. Прецедентные тексты в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». – Кривой Рог, 1992. – 27 с.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. - М., 2006. — 280 с.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М., 2009. - 248 с.

Чокою А.-М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных языковых единиц): Автограф. дис. ... канд. Филол. наук. – М., 2007.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – 326 с.

Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985. – 455 с.

Beaugrande R.-A., Dressler W. Introduction to text linguistics. – L., N.Y., 1981.

А.О. Стеблецова

Некоторые результаты сопоставительного исследования дискурса трудоустройства: Job Application Letter и Сопроводительное письмо

В настоящей статье предлагаются некоторые предварительные результаты сопоставительного исследования англоязычной и русскоязычной деловых культур (далее ДК) с использованием методов дискурсивного анализа.

Рассмотрение и изучение деловой культуры посредством анализа делового дискурса представляется возможным, так как деловая культура – это система морально-этических принципов и ценностей, национально-

специфических норм и правил, определяющих и регулирующих деятельность людей в сфере деловых отношений (Стеблецова 2009). Эта система определенным образом организуется и структурируется в виде социальной практики, иными словами в виде дискурса. Деловой дискурс, таким образом, является способом существования деловой культуры, способом ее функционирования в реальности (Scollon 2001).

Анализ делового дискурса обязательно включает такие параметры как идеологические и ценностные установки, участники, их отношения, статусы, последовательность дискурсивного взаимодействия, речевые стратегии и тактики, когнитивные нормы и способы структурирования дискурса и, наконец, тексты, порождаемые в ходе дискурсивного взаимодействия (Карасик 2002).

Тексты делового дискурса являются письменной формой его существования и представляют собой ценный эмпирический материал, анализ которого позволяет выявить типологические и специфические характеристики делового дискурса и деловой культуры.

В ходе сопоставительного исследования дискурса трудоустройства англоязычной и русскоязычной деловых культур нами были рассмотрены основные дискурсивные события и тексты, а именно тексты объявлений о вакантной должности, тексты Job Application Letter, тексты Curriculum Vitae or Resumé в англоязычной ДК и тексты сопроводительного писем и резюме в русскоязычной ДК, тексты письма-запроса рекомендации, тексты рекомендаций и др.

Предлагаем предварительные результаты дискурсивно-сопоставительного анализа текстов Job Application Letter в англоязычной ДК и Сопроводительного письма в русскоязычной ДК.

В *ситуативно-прагматическом* аспекте ДС «Реакция на объявление» в англоязычном и русскоязычном дискурсах демонстрирует заметные сходства. *Обстановкой* ДС объявление о вакансии, таким образом, является предметная ситуации наличия вакантной должности, которую основной участник – потенциальный кандидат на должность стремится заполнить. *Первым участником* ДС является потенциальный кандидат на должность, который в англоязычном дискурсе получает дискурсивный статус applicant, а в русскоязычном – соискатель. *Вторым участником* ДС является потенциальный работодатель (или его представитель в дискурсе, например, кадровое агентство). В рамках рассматриваемого ДС applicant \ соискатель является автором текстов, а perspective employer \ потенциальный работодатель – адресатом.

Целью ДС реакция на объявление о вакансии является соискание вакантной должности, что выражается в привлечении внимания адресата – потенциального работодателя к соискателю, его профессионально-деловым качествам, его возможному соответствуию вакантной должности и его желанию эту должность занять. Дискурсивной задачей на пути достижения этой цели является побуждение потенциального работодателя пригласить соискателя на собеседование. Способом реализации этой цели

служит информирование адресата о профессионально-деловых качествах соискателя, соответствующих искомой должности. Информирование как способ воздействия на адресата служит одновременно и имплицитным побуждением к принятию решения об отборе данного соискателя, о приглашении его на интервью.

ДС реакция на объявление о вакансии существует в форме *письменной* коммуникации, и его передача осуществляется в традиционном бумажном и в электронном виде.

В **англоязычном дискурсе** основным жанром данного события является Job Application, Curriculum Vitae (далее CV) \ Resume, иногда Job Application Form. Этот жанр реализуется соответственно в текстах писем Job Application \Letter и текстах резюме CV \ Resume. Причем в соответствии с историческими и социокультурными традициями англоязычного дискурса трудоустройства именно создание и направление адресату двух типов текста Job Application Letter и CV \ Resume является дискурсивной нормой.

В **русскоязычном дискурсе** основным жанром данного события является составление резюме. До последнего времени не существовало аналогов Job Application \ Cover Letter. Однако сейчас в связи с распространением резюме как основного типа текста, реализующего жанр реакции на объявление о вакансии, в дискурсивную практику входит *Сопроводительное письмо*, представляющее собой краткое представление автора- соискателя с объяснением мотивов его желания занять искомую должность. Необходимо отметить, что *Сопроводительное письмо* функционирует, прежде всего, в Интернете при соискательстве административно-коммерческих должностей (например, менеджер по продажам, специалист по недвижимости и т.п.) чаще в иностранных компаниях, работающих в России.

В **текстовом** аспекте основные параметры текстов Job Application Letter и *Сопроводительного письма* выглядят следующим образом:

Тематически-композиционная структура	
Job Application \ Cover Letter	Сопроводительное письмо
состоит из трех обязательных информационных компонентов:	состоит из трех обязательных информационных компонентов:
(1) <i>Вводная часть</i> - выражение желания автора занять вакантную должность и ссылка на источник информации:	(1) информация об искомой должности и источнике сведений о ней:
I was interested to see your advertisement in today's Daily Telegraph for an Assistant Lecturer ... and would like to be considered for the post.	Уважаемые господа! Ваша компания известна как признанный лидер в области создания программного обеспечения для управления производством. Недавно я увидел на Вашем сайте открытую вакансию Project Manager и
(2) <i>Основная часть</i> – изложение основных достижений автора, его	

квалификации в соответствии с требованиями должности:

I have extensive hands-on experience of language teaching and coaching, in developing own curriculum and materials and in delivering new projects to exact client specification from conception right through to delivery.

I have designed, written and recorded Portuguese exam tests for the Open College Network and have also been involved in other types of course and curriculum design (not language) for an international Centre of Excellence.

(3) *Заключительная часть* – выражение готовности прибыть на собеседование, предоставить дополнительные материалы, рекомендации, благодарность за внимание:

I would be happy to discuss my application with you in more detail, and look forward to hearing from you in future.

хотелось бы предложить свою кандидатуру.

(2) информация о соискателе, его образовании, профессиональном опыте и навыках;

Прочитав требования, предъявляемые к кандидатам, мне кажется, что я смог бы претендовать на эту позицию, учитывая, что я много лет занимался разработкой ERP-проектов, а последние 2 года занимаю должность руководителя проекта в компании "Дельта". Также, я свободно владею английским языком (FCE Grade B).

(3) просьба ознакомиться с резюме:

Мое резюме вы найдете в присоединенном файле.

С уважением,
Олег Дмитриев

Как видно, композиционно-тематическая структура Job Application Letter и *Сопроводительного письма* схожа как в информационном наполнении, так и в композиционной организации текста.

Различия обнаруживаются в *объеме текста*. Job Application Letter отличается гораздо более полным объемом представленной информации. Тексты *Сопроводительного письма* могут состоять лишь из двух-трех предложений, носящих исключительно формальный характер и содержащих только информацию о прилагаемом резюме или просьбу его рассмотреть.

Отмечаются различия в *распределении информации по абзацам*. В тексте Job Application Letter основная часть обычно структурируется в виде нескольких абзацев, каждый из которых содержит информацию либо о профессиональных качествах соискателя, либо о его достижениях и др. В тексте *Сопроводительного письма* подобная информация часто не структурируется так детально, а представлена в одном абзаце.

Выявленные в текстовом аспекте сходства говорят о влиянии англоязычного текста и дискурса трудоустройства в целом на русскоязычный аналог. Обнаруженные различия свидетельствуют о том,

что *Сопроводительное письмо* как дискурсивный жанр русскоязычной ДК находится в стадии формирования и не обрело еще сложившейся текстовой формы и нормативного содержания.

В *лингвостилистическом* аспекте тексты рассматриваемых писем демонстрируют значительные различия в *языковых средствах реализации речевых актов*.

Так, в Job Application Letter реализация цели текста письма, т.е. соискание вакантной должности происходит с помощью речевого акта (далее РА) соискания должности. Языковыми средствами манифестации РА служат лексико-синтаксические конструкции, ядром которых является перформативный глаголом *apply*, или их дискурсивные эквиваленты: *I am applying ... I would like to apply... I wish to apply... I am writing to apply..., This application is in response ..., I am responding to the position ..., I would like to be considered for the post.*

В текстах *Сопроводительных писем* выделяются несколько целей, для реализации которых используются синтаксические конструкции сослагательного наклонения *Мне хотелось бы предложить свою кандидатуру* (РА предложения); синтаксические конструкции повелительного наклонения *Прошу рассмотреть мое резюме на вакансию специалист по недвижимости* (РА просьбы); синтаксические конструкции с придаточным условия *Буду очень признателен, если Вы не оставите его (резюме) без внимания* (РА просьбы).

Различия отмечаются в *использовании функционально окрашенной лексики*. Так, в текстах Job Application Letter широко представлена профессиональная лексика терминологического характера (названия искомых должностей, учреждений, профессиональной деятельности), официально-деловые клише, эмоционально-оценочная лексика. В текстах *Сопроводительных писем* в основном используется общеупотребительная лексика. Степень использования функционально окрашенной лексики невысока.

Отмечаются различия в *синтаксическом строении* текста. В текстах Job Application Letter используются простые распространенные и сложные предложения действительного залога. При описании своих сильных сторон автор активно использует местоимение «я», создавая энергичную и напористую тональность. В текстах Сопроводительных писем используются простые распространенные предложения, реже сложные предложения.

Интересные результаты дает сопоставление дискурсивных стратегий, используемых в текстах Job Application Letter и *Сопроводительных писем*.

В текстах Job Application Letter встречаются стратегии

1) *персонального обращения* - обращение к адресату по имени вместо безличного *Dear Sir \ Madam*, что свидетельствует о серьезной подготовке соискателя к созданию данного текста и об ответственном отношении к искомой должности;

2) «ответа на вопросы» - создание текста Job Application \ Cover Letter для конкретной вакантной должности с учетом ее требований и спецификаций. Квалификация и опыт автора-соискателя текста как бы «отвечают» на требования вакансии – «вопросы»:

You are seeking a candidate with strong teaching skills. I have experience of teaching undergraduate students at - ... I have taught a number of courses in...

You are also seeking a candidate with strong scholarship. - I have mentored a number of students through short research projects in the lab;

3) побуждения к приглашению на интервью - выражение надежды на личную встречу: *I look forward to discussing the position with you.*

В текстах Сопроводительных писем была обнаружена дискурсивная стратегия *побуждение к приглашению на интервью*:

Готов предоставить любую дополнительную информацию, необходимую для рассмотрения моей кандидатуры.

С удовольствием приму предложение встретиться с вами и рассказать несколько больше о себе и том, какую пользу, по моему мнению, я мог бы принести вашей фирме.

В заключении отметим, что выявленные в ходе дискурсивно-сопоставительного анализа сходства и различия в текстах дискурса трудоустройства англоязычной и русскоязычной деловых культур позволяют сделать предварительные выводы о а) сходном ситуативно-прагматическом контексте дискурса трудоустройства в обеих культурах; б) нормативном характере дискурсивного жанра Job Application Letter в англоязычной ДК; в) формировании дискурсивного жанра Сопроводительного письма в дискурсе трудоустройства русскоязычной ДК; г) влиянии англоязычного дискурса трудоустройства на русскоязычный дискурс.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002 .

Стеблецова А.О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативной культурах /А.О. Стеблецова – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009.

Scollon R. and S. W. Intercultural Communication. A Discourse Approach / Ron and Susan Wong Scollon – Oxford: Blackwell Publishing, 2001.

Англоязычный медицинский стиль: к вопросу о коммуникативном идеале профессионального дискурса

В настоящей статье делается попытка выявить особенности англоязычного медицинского дискурса сквозь призму его дидактической презентации в ряде оригинальных британских и американских учебных пособий по английскому языку.

Термин *англоязычный медицинский дискурс* используется нами для описания процесса коммуникативного взаимодействия в сфере профессиональной медицинской деятельности в англоязычных культурах (британской и американской, в частности). Мы также используем термин *устный медицинский дискурс* вслед за В.В. Журой (Жура 2008, с.14).

Даже беглый обзор учебных пособий по английскому языку для профессиональной деятельности (серии Cambridge Professional English, Oxford English for Careers др.) показывает, что одной из приоритетных целей преподавания английского для медиков является обучение профессиональной медицинской коммуникации. Темы общения врача и пациента, врача и родственников пациента, общение внутри медицинской команды встречаются в каждом аутентичном пособии, репрезентируются в аудио и видео курсах. *Dealing with sensitive issues* или *Как обсуждать чувствительные для пациента темы*, *Breaking bad news* или *Как сообщать плохие новости*, *Communicating with challenging parents* или *Как общаться с трудными пациентами*, *Communicating with the elderly* или *Как общаться с пожилыми пациентами*, *Communicating with children and adolescents* или *Как общаться с детьми и подростками*, *Working in a team* или *Как работать в команде* - такие темы раскрывают особенности коммуникативного поведения медицинского работника в различных ситуациях и жанрах профессиональной деятельности.

Методический обзор наиболее типичных и стандартизованных ситуаций устного медицинского дискурса, таких как первичная медицинская консультация и ее этапы, повторная медицинская консультация, медицинский обход (в клинике) и многие другие, показывает, что в англоязычной культуре эффективность общения врача и пациента является одним из залогов успешности их последующего профессионального взаимодействия. Языковая и коммуникативная компетенция англоязычного врача являются важными компонентами его профессиональной компетенции.

Понятие профессиональной коммуникации в англоязычном медицинском дискурсе включает в себя ряд компонентов. Прежде всего, это вербальное, включая просодические характеристики, такие как тон голоса, высота тембра, интонация, и невербальное (мимика, жесты, позы и

др.) общение. Особое значение в повышении эффективности коммуникации имеет фактор «активного слушателя» (т.е. демонстрация активного и заинтересованного восприятия реплик пациента в ходе беседы и отклик на них), а также фактор признания и уважение национально-культурной идентичности пациента. Сочетание данных факторов создает определенный коммуникативный стиль, который в свою очередь требует особого коммуникативного поведения участников медицинского дискурса.

Врач находится в приоритетной с профессиональной и коммуникативной точки зрения дискурсивной позиции, именно на нем лежит большая часть ответственности за успешность медицинского дискурса, от его коммуникативного поведения зависит исход коммуникации. В результате усилившегося интереса к коммуникативному аспекту профессиональной медицинской деятельности (Silverman J. , 1998) были выделены две наиболее типичных модели коммуникативного поведения в медицинском дискурсе: *doctor-centred* или «докторо-центрическая» и *patient-centred* или «пациенто-центрическая».

При докторо-центрическом подходе врач находится в фокусе коммуникации и придерживается следующих взглядов

- болезнь рассматривается отдельно от пациента, его индивидуальности;
- здоровье пациента полностью зависит от компетенции доктора;
- доктор играет доминирующую роль в коммуникации;
- участие пациента в коммуникации лимитировано и жестко контролируется доктором.

При пациенто-центрическом подходе пациент находится в фокусе коммуникации и считается, что

- пациент является основным источником информации о своей болезни, своеобразным экспертом;
- болезнь нельзя рассматривать отдельно от личности пациента;
- в ходе общения доктор должен проявлять эмпатию по отношению к пациентам;
- доктор должен обладать способности декодировать вербальные и невербальные знаки, посылаемые ему пациентом в ходе коммуникации.

Лингводидактический анализ британских и американских учебных пособий по английскому языку для профессиональной медицинской деятельности показывает, что в англоязычном медицинском дискурсе предпочтение отдается пациенто-центрической модели коммуникативного поведения. Именно она рассматривается как коммуникативный идеал (термин: Стернин 2001) профессионального коммуникативного поведения врача.

Так, в аспекте *верbalного общения* пациенто-центрическая модель выражается в использовании следующих риторических \ дискурсивных приемов.

Открытые вопросы *Now, what can I do for you? What brings you here today? I wonder if you could tell me in your own words what's been happening. What seems to improve the situation for you?* позволяют пациенту свободно и не однозначно описать свое состояние. Безусловно, в ходе дальнейшего коммуникативного обмена доктор будет использовать и наводящие, и альтернативные вопросы. Однако вопросы открытого типа предпочтительны с точки зрения установления контакта между врачом и пациентом.

Уточнения *Could you explain what you mean by ...? So if I got it right...; Just let me check what you've told me so far...; When you say ___, do you mean...?* позволяют доктору проверить правильность своих предположений, а пациенту – почувствовать свою коммуникативное равноправие и значимость.

Повторы Patient: *I was terrified!* Doctor: *Terrified?*

Побуждения *Uh-huh, Go on, I see, Right, Yes, I am listening, please, continue* используются для демонстрации активной позиции доктора-слушателя, его заинтересованности в пациенте и способствуют укреплению доверительной атмосферы коммуникации.

В аспекте *невербального общения* пациенто-центрическая модель выражается в использовании таких приемов как поддержание зрительного контакта, улыбка, кивок, небольшой наклон корпуса в сторону собеседника.

Для англоязычного медицинского дискурса характерно определенное пространственное положение врача и пациента во время консультации (*проксемический фактор*): оптимальным считается расстояние 4 - 6 футов (120-180 см) между ними, а также врач и пациент не должны быть разделенных преградой, например, в виде стола.

В рамках пациенто-центрической модели коммуникации от медиков требуется принимать во внимание национальную, религиозную, культурную идентичность пациентов, которая оказывает непосредственное влияние на коммуникативное поведение последних в ходе медицинского дискурса, а также на ход и результаты лечения.

В качестве вывода отметим, что дидактическая презентация пациенто-центрической модели в англоязычном медицинском дискурсе свидетельствует о том, что она соответствует нормам ожидания англоязычного медицинского дискурсивного сообщества и является коммуникативным идеалом для его участников.

Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении // автореф. дисс... док. филол. наук. Волгоград, 2008. – 44с.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. – 252 с.

Silverman J. et al Skills for Communication with Patients. Oxford: Radcliffe, 1998.- 376с.

Учебно-методические пособия:

McCullagh M. , Wright R. Good Practice. Communication Skills in English for Medical Practitioner/ Student's Book, Audio CD set. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Glendinning E. H., Howard R. Professional English in Use. Medicine. Cambridge: Cambridge University Press, 2007

Milner M. English for Health Sciences. Student's Book, Audio CD. USA: Thomson, 2006

McCarter S. Oxford English for Careers: Medicine 1. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Коммуникативные исследования слова

Н.М.Вахтель

Экспериментальное исследование устаревшей лексики в произведениях А.П.Чехова⁶

Сегодняшнему молодому читателю А.П.Чехова - носителю русского языка - многие слова становятся непонятными. По справедливому замечанию В.Д.Черняк, « это обусловлено заметным сокращением круга чтения, вытеснением книжной классической культуры культурой экранной» (Черняк 2003, с.295). Ясно, что непонятные слова (агнонимы) характеризуют словарный запас личности, соответствующий определённому моменту её развития. С увеличением образовательного потенциала человека уменьшается количество агнонимов в его лексиконе.

Слова, которые устаревают, исчезают из языкового сознания мы, вслед за В.В.Морковкиным, называем агнонимами (от греческого: «незнание имени»). От других слов их отличает то, что «они отражают отношение говорящего человека к элементам своего лексикона» (Морковкин 1997, с.86). Агнонимы для многих людей нуждаются в определённом пояснении, поскольку во многих устаревших словах, как правило, стёрто понятийно-содержательное наполнение, составляющее энциклопедические знания.

Термин «агноним» был введён в научный обиход В.В. и А.В. Морковкиными (1997). Как справедливо отмечает В.Д. Черняк, он очень удачен и перспективен. «С одной стороны, он передаёт индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителей языка, а с другой, - позволяет выявить типичные зоны агнонимической активности для современной языковой личности» (Черняк 2003, с.296).

Многие историзмы и архаизмы агнонимичны в силу естественных закономерностей. Невостребованные в течение определённого времени

⁶ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

слова пассивного словаря способны вообще утрачиваться языковой личностью. Зону такой естественной агнонимичности составляют слова с малой или нулевой денотативной частотностью, под которой мы понимаем степень распространения самого предмета, обозначаемого словом. Низкая частотность слов, обозначающих реалии прошлого, не освобождает людей от необходимости знать их, поскольку они частотны на страницах русской классики. Вспомним рассуждение В.Фон Гумбольдта: «Поколения проходят, а язык остаётся, каждое из поколений застаёт язык уже бывшим прежде него и при этом более сильным и мощным, чем само это поколение: ни одно из поколений никогда не проникает до конца в его суть и таким оставляет его потомкам; характер языка, его своеобразие познаётся только на протяжении целого ряда поколений, но он связывает все поколения, и все они проявляют себя в нём; можно видеть, чем обязан язык отдельному периоду времени, отдельным людям, но остаётся неопределимым, что должны ему они» (Гумбольдт 1984, с.325). Думается, что люди должны хранить в своём сознании культуру своего народа, запечатлённую в языке.

Известно, что структура языковой личности имеет три уровня:

- 1) семантико-грамматический уровень, обеспечивающий владение языком;
- 2) когнитивный, отвечающий за формирование и преобразование индивидуального знания (картины мира);
- 3) прагматический, позволяющий осуществлять текстовую и коммуникативную деятельность.

Первый уровень представляет собой ассоциативно-вербальную сеть, второй включает понятия личностного тезауруса, а третий – понятия мотивационной системы (прагматикон). Невладение одним из уровней делает языковую личность ущербной.

В нашем исследовании мы исходим из того, «что значение и энциклопедическое знание о предмете применительно к слову принципиально не различаются» [Стернин 1979:81].

Поскольку агнонимы могут быть выделены только при непосредственном обращении к языковому сознанию говорящего на русском языке, необходимо использовать экспериментальные методы их исследования в виде предложенных информантам опросных листов (анкет). С опорой на данные анкетирования и учёт категории агнонимии можно установить, какие слова для современной личности, читающей А.П.Чехова, стали агнонимами, а какие ещё существуют в её сознании как устаревшие и ушедшие в пассивный словарный состав.

Для достижения указанной цели нами был предпринят эксперимент, заключавшийся в предъявлении информантам анкет, содержащих следующие задания:

«Просим Вас принять участие в эксперименте, который проводится в научных целях. Вам предлагается, не раздумывая, ответить на вопросы:

1. знаете ли Вы значение слова? Если знаете, поставьте знак «плюс»;
2. Слышали ли Вы когда-нибудь это слово? Если слышали, но не знаете

точного его значения, поставьте знак «приблизительно»; Если слово абсолютно не известно Вам, поставьте знак «минус». В последней графе анкеты укажите значение слова, ответив на вопрос: «что это такое?». Спасибо».

В анкетировании участвовали студенты 1 курса филологического факультета Воронежского государственного университета в количестве 60 человек в возрасте от 16 до 18 лет.

Первоначально методом сплошной выборки была составлена картотека корпуса редких и устаревших слов в художественных произведениях А.П.Чехова, выделены тематические группы этой субстантивной лексики – таких групп получилось 5.

Критериями отбора слов из полученных пяти групп: «транспортные средства и их части (детали)»; «наименования лиц по роду деятельности»; «наименования бытовых предметов, еды и напитков»; наименования одежды»; «наименования лиц по оценочному признаку» были следующие:

- слово предположительно должно быть знакомо информантам;
- если слово незнакомо, то его значение предположительно может быть понято с опорой на его внутреннюю форму.

Слов, называющих транспортные средства и их детали, в произведениях А.П.Чехова оказалось 18. Для проведения анкетирования из этого числа было выбрано 10 следующих слов: *дороги, кабриолет, козлы, коляска, конка, линейка, пролётка, тарантас, таратайка, шарабан*. Получены следующие результаты.

1. Абсолютно неизвестным словом для 32 из 60 респондентов стало слово «шарабан».

2. Далее приводится ряд слов, построенный по убыванию известности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих слов из предложенного списка):

Дороги – 19; Таратайка – 13; Пролётка – 9; Линейка – 4; Конка – 2; Кабриолет – 1; Козлы – 1; Тарантас – 1; Коляска – 0.

3. Слова, которые были отмечены как такие, которые информанты слышали, но не знают их значения: Таратайка – 36; Пролётка – 26; Конка – 20; Шарабан – 20; Козлы – 19; Дороги – 16; Тарантас – 12; Линейка – 7; Кабриолет – 3; Коляска – 2.

В группе «Наименования лиц по роду деятельности» в произведениях А.П.Чехова оказалось 47 единиц.

Для проведения опроса из этого числа было отобрано 23 следующих слова: бурсак, гувернантка, институтка, исправник, кокотка, комиссионер, конторщик, коридорный, курсистка, лабазник, маркёр, мастеровой, ментор, мировой, пансионерка, половой, провизор, содержатель, телеграфист, факельщик, экзекутор, экономка, эскулап.

Получены следующие результаты:

1. Известным словом для всех респондентов осталось слово «телеграфист».

2. Абсолютно неизвестным словом для 39 из 60 респондентов стало слово «лабазник».

3. Далее приводится ряд слов, расположенных по убыванию известности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих значения слов из списка):

Мировой – 26; Бурсак – 24; Кокотка – 24; Маркёр – 21; Факельщик – 17; Эскулап – 16; Комиссионер – 14; Исправник – 12; Коридорный – 12; Курсистка – 11; Ментор -11; Половой – 11; Провизор – 11; Эскулап – 10; Пансионерка – 9; Институтка – 8; Мастеровой – 8; Содержатель – 4; Гувернантка – 3; Конторщик – 3; Экономка – 3.

4. Слова, которые были отмечены как такие, которые респонденты слышали, но не знают их значения:

Исправник – 25; Мастеровой – 22; Факельщик – 22; Провизор – 20; Экзекутор – 20; Маркёр – 19; Содержатель – 18; Институтка – 16; Курсистка – 16; Коридорный – 15; Мировой – 14; Кокотка – 14; Половой – 13; Эскулап – 12; Пансионерка – 11; Бурсак – 9; Ментор – 9; Конторщик – 8; Лабазник – 8; Гувернантка – 1; Экономка -1

В группе «Наименования бытовых предметов, еды и напитков» в произведениях А.П.Чехова оказалось 49 единиц. Для проведения опроса из этого числа произвольно было выбрано 20 следующих слов: беф, брандахлыст, декокт, канделябр, карболка, кистень, конторка, лампадка, лафит, листовка, лорнет, лучина, матлот, папильотка, пенсне, пунш, рейнвейн, рукомойник, скрипидар, фикстуар.

Получены следующие результаты:

1. Абсолютно неизвестным словом для 48 респондентов из 60 стало слово «матлот»; для 46 – «беф».

2. Далее приводится ряд слов по убыванию известности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих слов из предложенного списка):

Беф – 46; Декокт – 45; Фикстуар - 44; Брандахлыст – 41; Карболка – 35; Лафит – 33; Рейнвейн – 29; Папильотка – 28; Кистень – 23; Конторка – 14; Листовка – 5; Лучина - 5; Лорнет – 3; Пунш – 3; Пенсне – 2.

3. Слова, которые были отмечены респондентами как такие, которые они слышали, но не знают их значения:

Кистень – 18; Папильотка – 17; Конторка – 15; Рейнвейн – 15; Канделябр – 14; Лафит – 14; Лорнет – 14; Канделябр – 14; Карболка – 9; Брандахлыст – 7; Лучина – 6; Декокт – 5; Пунш -5; Ломпадка -5; Фикстуар -5; Беф -4;

Листовка – 3; Пенсне – 3.

В группе «Наименования одежды» в произведениях А.П.Чехова оказалось 32 единицы.

Для анкетирования произвольно было выбрано из них 26 слов: амазонка, башлык, ватерпуш, венгерка, дезабилье, жакет, жилетка-пике, зипун, казакин, капот, кафтан, кацавейка, крылатка, ливрея, передник, поддёвка, ротонда, рейтзузы, сюртук, тальма, фрак, цилиндр, шапокляк, шлафрок, штиблеты.

Получены следующие результаты:

1. Абсолютно неизвестным словом для 45 респондентов из 60 стало слово «тальма»

2. Далее приведём ряд слов по убывающему числу известности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих слов из списка): дезабилье – 44, казакин – 40, ватерпух – 38, шлафрок – 37, кацавейка – 32, крылатка – 28, ротонда – 19, поддёвка – 18 передник – 18, ливрея – 17, башлык – 15, венгерка – 13, зипун – 10, шапокляк – 8, капот – 7, рейтусы – 6, амазонка – 6, сюртук – 2, жакет – 1.

3. Слова, которые были отмечены как такие, которые респонденты слышали, но не знают их значения: венгерка – 36, башлык – 33, ливрея – 33, жилетка-пике – 32, крылатка – 28, ротонда – 24, шапокляк – 21, кацавейка – 20, шлафрок – 17, тальма – 17, зипун – 16, дезабилье – 15, казакин – 15, сюртук – 14, амазонка – 10, ватерпух – 10, капот – 9, рейтусы – 9, кафтан – 7, передник – 6, картуз – 5.

В группе «Наименования лиц по оценочному признаку» оказалось 18 единиц. Для проведения анкетирования из этого числа было произвольно выбрано 12 слов: анахорет, бобыль, бонвиван, ванька, голяк, жён-премьер, рутинёр, филистимляин, филистер, фофан, чинодрал.

Получены следующие результаты:

1. Абсолютно неизвестным словом для 49 из 60 респондентов стало слово «жён-премьер», для 46 респондентов – слово «чинодрал».

2. Далее приводится ряд слов по убыванию известности (цифры обозначают количество испытуемых, никогда не слышавших и не знающих их значения): бонвиван – 43, анахорет – 40, филистер – 38, рутинёр – 33, фофан – 21, бобыль – 14, голяк – 9, ванька – 2.

3. Слова, которые были отмечены как такие, которые респонденты слышали, но не знают их значения: бобыль – 17, рутинёр – 16, голяк – 16, фофан – 14, жён-премьер – 10, филистер – 10, ванька – 9, бонвиван – 7, анахорет – 5.

Таким образом, проведённый эксперимент позволил выделить агнонимическую лексику среди устаревших слов в прозе А.П.Чехова, существующую в языковом сознании и лексиконе молодых людей – студентов-филологов. Анализ полученных результатов даёт возможность выделить среди всего массива агнонимы несколько степеней.

Агнонимы первой степени – это слова, которые респонденты слышали, но не знают их значения. К ним относятся: таратайка, пролётка, комиссионер, исправник, мастеровой, факельщик, провизор, экзекутор, маркёр, содержатель, институтка, курсистка, венгерка, башлык, ливрея, крылатка, поддёвка, ротонда, шапокляк, бобыль, голяк.

Агнонимы второй степени – это слова, неизвестные большинству респондентов. К ним относятся: анахорет, беф, бонвиван, брандахлыст, бурсак, ватерпух, дезабилье, декокт, жён-премьер, казакин, карболка, кацавейка, кистень, конка, кокотка, крылатка, лабазник, лафит, матлот,

ментор, папильотка, рейнвейн, рутинёр, тальма, фикстуар, филистер, филистимляин, чинодрал, шарабан, шлафрок.

Результаты проведённого экспериментального исследования доказывают антропоцентрическую природу агнонимов, демонстрируют границы компетенции языковой личности, читающей произведения А.П.Чехова, проясняют разницу между пассивным словарным составом русского литературного языка и словарным запасом языковой личности.

Полученные данные могут служить базой для объяснительного словаря устаревших слов в произведениях А.П.Чехова или для лингвистического комментария к ним.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкоznанию. М.: Изд-во «Прогресс», 2000. – 396с.

Морковкин В.В Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем / В.В.Морковкин, М.В.Морковкина. – М.: Изд-во Ин-та русского языка им. А.С.Пушкина, 1997. – 414с.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А.Стернин, - Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1979. – 156с.

Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В.Д.Черняк // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 295-304.

А.О.Гирчева

Истоки слоганов современной российской социальной рекламы⁷

Исследование показывает, что «лингвистическое обеспечение» современных слоганов российской социальной рекламы во многом осуществляется за счет лозунгов советского периода. Советский лозунг предоставил, например, современному слогану потенциальную структурную формулу - лаконичное предложение, содержащее запрет («Не болтай»), руководство к действию («Экономь воду») или назидание («Кадры решают всё»).

Лозунг советского периода имел трех предшественников:

- 1) надпись на плакате;
- 2) девиз;
- 3) агитационно-просветительские и информативно-пропагандистские тексты.

⁷ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

Лозунги советского периода в большинстве своем представлены в качестве сопровождения к графическому изображению. Первоначально лозунг являлся надписью на плакате, представляющем действие или явление, требующее комментария в виде оценки. Создатель плаката с помощью языковых средств дублировал или завершал запрет или предложение, отражаемое изображением.

Примером дублирования является плакат 1958 г. автора А. Мосина. Плакат разделен на две части: на одной изображены нарочито-чистые поросенка, а на другой – мужчина, лежащий на грязном столе, уставленном пустыми бутылками. Сравнение, напрашивавшееся само собой, сопровождается надписью «*А еще говорят, что мы свиньи...*». В данном случае сообщение является неполноценным без изображения, в то время как изображение осмысленно и завершено.

Примером завершения сообщения является плакат 1948 г., принадлежащий автору В. Говоркову. Он изображает улыбающегося мужчину, погружающего руку в мешок с зерном. Надпись на плакате – «*Посеем в пору – соберем зерна гору!*». Плакат имплицитно заключает в себе две мысли:

- 1) зерно – первостепенный продукт потребления, получение которого доставляет удовольствие;
- 2) для того, чтобы обеспечить себя необходимы продуктом потребления, необходимо своевременно реализовать сельскохозяйственный план.

Первая мысль не является новой для потенциального читателя, но, минуя ее, невозможно акцентировать внимание на второй. Таким образом, для четкой реализации первой мысли на плакате изображен **улыбающийся мужчина с зерном**. Первая мысль реализуется за счет изображения. Вторая мысль имплицитно отвечает на естественно-человеческий вопрос «*Что нужно сделать для того, чтобы улыбаться?*», и она выражена с помощью надписи на плакате, содержащей предполагаемый ответ «*Посеять зерно вовремя*». Изображение на плакате без надписи является неполноценным, а надпись – без изображения.

С точки зрения современного понимания «слоган» надпись на плакате В. Говоркова, целесообразно считать слоганом, так как она предполагает смысловую завершенность и имеет потенциал использования вне изображения. Надпись на плакате А. Мосина является комментарием, лишающим читателя возможности «разгадать» изображение самостоятельно.

Вторым предшественником лозунгов советского периода был девиз.

Слово **девиз**, согласно данным новейшего Толкового словаря русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (С-Пб., 2006г.), имеет в русском языке следующие значения:

1. краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею поведения или деятельности;

2. краткое изречение или слово, которое на конкурсах автор ставит вместо своего имени.

Фактическим отличием девиза от лозунга является социальное функционирование. Первоначально девиз – лаконичное сообщение, выражающее сущность отдельного коллектива (группы, команды, отряда и т.д.), конкурирующего с другими. Обычно девиз представлен в стихотворной форме и направлен на представление достоинств данного коллектива и недостатков другого. Например, «*Мы самые дружные, / Вместе все делаем, / Значит, к победе / Придем ПЕРВЫМИ!*» (девиз пионерского отряда).

Социальное функционирование лозунга предполагает утверждение актуальных общественных ценностей в контексте верности коммунистическим идеалам.

Девиз, направленный на представление интересов отдельного коллектива, привнес в становление слогана:

- 1) стихотворную форму;
- 2) рифму;
- 3) коллективную направленность;
- 4) причино-следственные отношения, реализованные посредством сложноподчиненного предложения;
- 5) пафос, экспрессивность;
- 6) лаконичность.

Агитационно-просветительские и информативно-пропагандистские тексты являются третьим источником возникновения лозунгов в России. Прообраз данного источника усматривается в издании газеты «Русский инвалид». Побудительным фактором ее создания стала необходимость общественной и государственной помощиувечным воинам Отечественной войны 1812г. Регулярно с 1813г. газета публиковала рекламные тексты, направленные на помочь воинам. Обратимся к тексту объявления от 11 декабря 1846 г.:

*«В воскресенье 13 сего января
на Большом театре
дан будет
МАСКАРАД
в пользу инвалидов.
В маскараде сем будет играть
оркестр г-на Германа и два хора полковой музыки».*

Текст в качестве предшественника слогана являлся информативной формой социальной пропаганды. Возможность донесения информации до потенциального читателя или слушателя максимально активизировалась за счет развернутого изложения сути социального мероприятия или социальной акции.

Текст имплицитно всегда заключал в себе три мысли:

- 1) существует некая проблема социального характера (обозначение темы сообщения социальной рекламы);
- 2) существуют способы решения этой проблемы (основная информативная часть);
- 3) так как проблема носит социальный характер, необходима активизация гражданской позиции каждого человека для решения данной проблемы (призыв к участию).

Тексты социальной рекламы, используемые в дальнейшем, в XX и XXI веках, с точки зрения лингвистики, выстраиваются по данной формуле. Рассмотрим текст плаката Л.Кондратьева «Мама, не кури» 2004г.

«Родители, от дыма ваших сигарет страдают ВАШИ ДЕТИ!»

Мама, не кури...»

Три имплицитные мысли данного текста:

- 1) лексика («дыма», «сигарет», «не кури») указывает на раскрытие темы здорового образа жизни, проблемы курения;
- 2) автор плаката предлагает способ решения той проблемы – «мама, не кури»;
- 3) использование местоимения «ваших», обращений «родители», «мама», личной формы глагола «не кури» направлено на изменение позиции индивида.

Современный взгляд на дифференциацию понятий «девиз», «надпись на плакате», «текст социальной рекламы» и «слоган социальной рекламы» стоит корректировать в зависимости от входящих в сообщение /отсутствующих компонентов. Обратимся к таблице.

	Девиз	Надпись на плакате	Текст	Слоган
Лаконичность	+	+	-	+
Информативность	-	+	+	+
Функция разъяснения / дополнения	+	+	+	-
Активная языковая игра	-	+	+	+

Таким образом, трактовать понятие «слоган социальной рекламы» можно следующим образом:

лаконичное сообщение, которое представлено в виде предложения (в том числе актуально членимого, например, «*Дети не цветы. Подарите им большие любви*») и направлено на привлечение внимания к социальным проблемам.

Понятия «девиз», «надпись на плакате», «текст» и «лозунг» стоит дифференцировать в соответствие с социальным функционированием, лингвистическими компонентами и контекстом использования.

М.Е.Новицхина

Трансформация собственных имен в нарицательные в процессе коммуникации

(на примере коммерческих названий)

Именами собственными обладают лишь немногие реалии – лица, животные, уникальные предметы действительности, топографические объекты, административные единицы и т.п. Имена присваиваются также видам товаров, магазинам, фирмам (например, магазин «Атлант», карамель «Виктория», кафе «Орхидея» и др.). В этом случае можно говорить о так называемых коммерческих именах, или коммерческой номинации.

Таким образом, под коммерческой номинацией в работе будет пониматься языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческого эффекта.

Коммерческие наименования, относясь к именам собственным, характеризуются целым рядом черт, присущих данному разряду существительных, но, в то же самое время, обладают и яркой спецификой.

Так, считается, что собственные имена служат единственно целям идентификации объекта, что они неконнотативны. Они называют предмет, не приписывая ему никаких свойств, не характеризуя их. Сказанное никак не может быть отнесено к коммерческим наименованиям. Ассоциативные эксперименты и другие опросы респондентов показывают, что в сознании носителя языка то или иное название прочно увязывается с конкретным видом товара, услуги и т.п. Скажем, в магазине с названием «Монолит» ожидают увидеть стройматериалы, в магазине «Вояж» — товары в дорогу, в магазине «Зеленые глаза» — косметическую продукцию. Таким образом, коммерческое название формирует некоторое представление об объекте, дает характеристику предлагаемому товару или услуге, т.е. выходит за рамки единственно названия. Оно выполняет явную информативную функцию, не свойственную многим категориям имен (способствует доведению до потребителя информации о фирме, услуге, товаре и их качестве).

Специалисты по теории номинации утверждают, что различия в представлениях о содержании имени у говорящего и слушающего не могут препятствовать коммуникации. Ситуация складывается совсем по-другому в случае коммерческой номинации: неудачное название нередко

отталкивает потенциального покупателя, не ожидающего увидеть необходимый ему товар в магазине с неадекватным названием (ср., например, названия «Идеал» — продукты, «Дизайн» — продукты, «Фемида» — трикотаж и др.).

Таким образом, можно утверждать, что коммерческое название служит не только целям идентификации объекта, оно формирует конкретный образ в сознании индивида, оно не характеризуется (как другие имена собственные) отсутствием социально-закрепленной информации, иными словами, занимает особое место в ряду имен собственных и может быть причислено к разряду «квазисобственных» имен.

Однако при всей дискуссионности отнесения коммерческих имен к категории собственных, следует отметить, что им свойственна та самая индивидуализация именуемого объекта, которая и является особенностью всей группы собственных имен. Коммерческие названия выполняют явную номинативную функцию (дать имя товару, услуге и т.п.), а также дифференцирующую функцию, общую для всех категорий индивидуализирующих обозначений.

Факт неприменимости некоторых выводов относительно имен собственных к коммерческим названиям свидетельствует лишь о недостаточной изученности проблемы коммерческого названия и его формирования.

С другой стороны, именно специфическое «пограничное» положение обуславливает, видимо, тот факт, что в целом ряде случаев собственные коммерческие имена способны трансформироваться и переходить в категорию нарицательных имен, способны утратить способность индивидуализации именуемого объекта. В принципе, данный процесс характерен и для некоторых других типов имен. Как замечает Н.Д. Арутюнова, в тех случаях, когда связь с некоторыми признаками денотата становится прочной и однозначной, имя собственное преобразуется в имя нарицательное, т.е. приобретает отнесенность к обобщенному понятию, а следовательно, и ко всем тем объектам, которые могут быть под него подведены (Арутюнова 1977, с. 191). О расширении объема употребления имени при переходе в нарицательное пишет и В.В. Ловянникова (Ловянникова 2006, с. 288), приводя некоторые примеры с личными именами. Так, имя *Ева* стало использоваться для обозначения женщины вообще, имя *Геркулес* употребляется для обозначения любого физически сильного мужчины, имя *Ванька* — для обозначения простого деревенского мужика и т.п. Точно так же слово *молния*, существовавшее некогда как коммерческое название, стало использоваться для номинации всех застежек такого типа, название *ксерокс* — для обозначения всех копировальных устройств независимо от производителя и т.п.

Процесс перехода имени собственного — коммерческого названия в нарицательное (или т.н. аппелятивизация) может быть обусловлен целым

рядом причин, одной из таких причин, по нашему мнению, оказывается необходимость формирования обозначения для неких новых для человека предметов культуры или явлений окружающей действительности. В этом случае некое, уже существующее видовое обозначение, являющееся коммерческим именем, может быть избрано для обозначения новой реалии - родового понятия. Вероятно, именно так утратили свою различительную способность такие известные коммерческие названия (зарегистрированные изначально как товарные знаки) как «Ксерокс», «Термос», «Акваланг», «Граммофон», «Магнитофон», «Эскалатор», «Рубероид», «Радиола» и мн. др.

Еще одной причиной (тесно связанной с предыдущей) становится, как ни странно, широкая известность коммерческого названия и его бессистемное использование. В этом случае утрачивается различительная способность имени, приводящая к апеллятивизации. В итоге мы получаем названия, которые, обладая изначально высоким различительным потенциалом, в силу длительного их использования различными лицами, стали восприниматься потребителями как наименования видов товаров. К числу подобных названий могут быть отнесены: «Лавсан», «Газель», «Примус», «Шампанское», «Коньяк», «Эскалатор», «Джип» и т.п. Например, товарный знак «Лавсан» изначально был образован из первых букв названия Лаборатории Высокомолекулярных Соединений Академии Наук, получившей это синтетическое волокно, однако эта связь в процессе функционирования товарного знака была утрачена – в настоящий момент лавсан воспринимается потенциальным потребителем как вид ткани.

Подобное возможно и с иностранными товарными знаками – например, немецкий товарный знак «Хельга», изначально обозначающий определенный тип шкафа, выпускаемый определенной фирмой, стал впоследствии использоваться в качестве обозначения любого шкафа такого типа. Товарный знак «Джип» (Jeep), обозначающий существующую и сегодня конкретную американскую компанию, выпускающую автомобили-внедорожники с характерным написанием на капоте, в обиходе используется для обозначения вообще любых высокопроходимых легковых машин. Более того, следует отметить, что наряду с приведенными названиями, в которых еще «угадывается» товарный знак, есть и такие, который утратили связь с изначально именуемым объектом настолько давно и настолько бесповоротно, что стали общеупотребительными и вошли в этом качестве в словари. Б.Гали приводит целый ряд подобных названий: *карандаш*, *мопед*, *памперсы*, *вазелин* и др. (Гали 2007, с. 9). Например, вазелин был изобретен американцем Робертом А. Чизбруком в 1870 году. Чуть позже им был зарегистрирован товарный знак «Vaseline», название которого происходило от немецкого *wasser* (вода) и греческого *elaion* (масло). В настоящее же время *вазелин* не воспринимается потребителем как коммерческое имя (см.: Гали, 2007, с. 384).

Надо заметить, что создатели коммерческих имен, в частности, товарных знаков, предпринимают ряд усилий, препятствующих превращению подобных имен в общеупотребительные. Одним из таких путей называют использование кавычек при написании имени (Медведева 2006, с. 121).

Однако использование коммерческих названий в живой речи в процессе коммуникации сводит это усилие на нет. Именно употребление имен в реальном общении потребителей товаров и услуг (в частности, попытка их склонения) становится еще одной причиной апеллятивизации.

Нередко обсуждаемая апеллятивизация товарного знака «подстегивается» рождением некого «параллельного» официального имени и переходом прежнего названия в категорию неофициальных. Такова, например, история названия *пинг-понг*. Это товарный знак был зарегистрирован еще в 1891 году на имя Джона Жака де Круадо. Однако американское общество по регистрации названий не разрешило использование этого знака. В результате американская спортивная федерация инициировала изменение названия игры с *пинг-понг* на *настольный теннис*. Единица же *пинг-понг* утратила статус имени (см.: Гали 2007, с. 301).

Коммерческие названия, зарегистрированные в качестве товарных знаков, и перешедшие позже в разряд нарицательных перестают выполнять одну из основных функций товарных знаков – дифференцирующую, заключающуюся в способности различения и индивидуализации товара определенного изготовителя, поставщика или торгового предприятия.

В соответствии с Частью 4 Гражданского кодекса РФ это может стать причиной их аннулирования.

Таким образом, с одной стороны, апеллятивизация становится реальностью для многих коммерческих названий-товарных знаков, с другой стороны, представляет собой угрозу для жизни товарного знака, в связи с чем крайне необходима разработка действенных мер для предотвращения обсуждаемого перехода коммерческих собственных имен в нарицательные.

Вся же «жизнь» коммерческого названия (и, в первую очередь, товарного знака), в силу совершенно объективных причин – это специфическая балансировка на грани «собственное-нарицательное».

Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение / Н.Д. Арутюнова // Языковая номинация (общие вопросы). - М., 1977. - С. 188 – 206.

Гали Б. Brand: рождение имени. Энциклопедия. – М., 2007. – 432 с.

Ловянникова В.В. Личное имя в немецкой пословице // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - Владикавказ, 2006. – С. 287 – 293.

Медведева Е.В. Лексические особенности языка рекламы // Лексика и лексикография. - Орел, 2006. – С. 114 – 124.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. - М.: Наука, 1973. – 366 с.

Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» //www.gk-rf.ru. – Ст. 1477.

К.В.Овсянникова

Замысел номинатора и восприятие его носителями языка (на материале наименований предприятий общественного питания)

Наименования предприятий общественного питания относятся к коммерческой номинации.

Коммерческая номинация, по определению М.Е.Новицкихиной, – это языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческого эффекта (Новицкихина 2003, с. 3). Коммерческие номинации формируют конкретный образ в сознании индивида и занимают особое место в ряду имен собственных: они могут быть отнесены к разряду квазисобственных имен.

В настоящее время в области наименований предприятий общественного питания наблюдаются некоторые новые тенденции.

Среди привычных номинаций, представленных единичным словом или словосочетанием(обычно определение + определяемое слово), встречаются словосочетания типа *Любить по-русски, Вайцеховский и сын, Бухта радости, Созвездие тельца, Центр циклона, Mama Азия* и целые предложения (*Время есть, Заходи*).

Иногда номинации даются в латинской графике (*Room, Street, Subway, Flash, Spago, Café tomato, Мамматия*).

Есть и другие графические новшества:

- а) сочетание латинской графики и кириллицы (*Beegлога, Зазеркалье*);
- б) написание частей слова с заглавной буквы + апостроф между частями слова(*Ам'Бар, La'Буфет, кофеАрт*);
- в) написание в одно слово(*Zanzibar, БлинКампот*), причем последнее написано с ошибкой.

В данных случаях номинации выполняют дополнительную функцию – рекламную.

Встречаются в современных наименованиях случаи речевой игры – *Робин Сдобин, Жар Пицца*.

Наблюдается тенденция к использованию сокращений в наименованиях – *Д.И.В.А.*

Только в 2009/2010 гг. вновь вернулись наименования типа *столовая, кафе, бистро, закусочная, буфет*.

Давая название своему предприятию, его владелец выступает как Говорящий, посылающий некоторый текст потребителю услуг –

Слушающему. Этот текст потребитель-слушающий должен расшифровать и понять, в чем состоит привлекательность именно этого предприятия.

Всегда ли восприятие наименования потребителем соответствует замыслу номинатора?

Мы провели психолингвистический эксперимент с информантами в возрасте от 40 до 60 лет. Эксперимент осуществлялся в индивидуальной форме. Среди испытуемых были представители разных социальных групп и профессий.

Анкеты, предлагаемые участникам, содержали слова, представляющие собой коммерческую номинацию современных предприятий общественного питания города Воронежа. Испытуемым была предложена следующая инструкция:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Вам будет предложен список наименований и три вопроса к каждому из них. Сначала необходимо ответить на первый вопрос, а именно указать:

1. Что означает это слово? (метод субъективных дефиниций).

Результаты опроса:

Дозор – охранное агентство – 6, милицейский пост - 5, наблюдение - 5 , игра - 4 , фильм - 4, пограничный отряд - 3; магазин по продаже биноклей или оружия; место встречи кгбистов; теща или свекровь - 1; «не знаю» - 0.

14000 тонн – вес - 10, запас продовольствия - 8 , машина - 3; аптека, фабрика, мост, центр похудения, уголь, корабль, макулатура, грузоперевозки, «очень-очень тяжелое» - 1; «не знаю» - 0.

Д.И.В.А. – салон красоты – 9 , аббревиатура - 8 , парикмахерская -5; магазин одежды, красивая девушка, квартет, модельное агентство, клуб, любая торговая точка, где совпадают инициалы, кафе 1; «не знаю» - 1.

Любить по-русски – фильм - 9, «широко, всей душой» - 8, ресторан, благотворительный фонд, страсть, омут, фирма эскорт-услуг, крепко целовать, не считаться с обстоятельствами, без остатка, «побить», такого понятия не существует, магазин по продаже водки; скоростные гонки на «Запорожцах» - 1; «не знаю» - 1.

Огол – спортивный клуб - 13; гол, камень, организация, оголтелый человек, госуправление, охранное предприятие, специальное название, баня, шиномонтаж, НАТО -1; «не знаю» - 7.

Фостар – что-то спортивное - 13; старые изделия, гостиница, секонд-хенд, шиномонтаж, закуска к пиву, спортивная игра, фальстарт, пункт приема утильсырья -1; «не знаю» - 9.

Центр циклона – кафе - 8 , ураган, вихрь - 7, ночной клуб – 2, все кружится, спортивный комплекс, гидрометеостанция, супермаркет, кинотеатр, спокойное место, разгневанная природа, дискуссионный клуб, погода, эпицентр природного явления, коктейль, самое страшное в циклоне, зонт -1; «не знаю» - 0.

После этого испытуемым сообщалось, что все слова – названия предприятий питания г. Воронежа.

Затем испытуемые должны были ответить на второй вопрос: – Как вы думаете, почему они так называются?

Результаты анализа:

Дозор – контроль за посетителями - 9 , контроль за качеством продуктов - 5 , по нахождению рядом с военной частью или милицией - 5; по имени собаки, хозяин – бывший военный, внимание к клиентам, на дороге, ночной клуб, приличный сервис, из-за фильма, интерьер в виде тюрьмы, работает круглосуточно, военная тематика - 1; «не знаю» - 1.

14000 тонн – большие калорийные порции - 6 , шоферы и дальнобойщики - 6, крепкие алкогольные напитки - 4, большой запас – 3; молодежное кафе, тяжесть в желудке, бредовое название, на дороге, для толстых, видоизмененное судно, нумерология, быстрая еда, название не нравится, весомость - 1; «не знаю» - 1.

Д.И.В.А. – чья-то аббревиатура - 10, соучредители – 6; кордебалет, два хозяина, что-то необычное, они удивят чем-то, красивые официантки, фамильное кафе, привлечь внимание, пойдешь в кафе и станешь дивой, хозяйка – милая женщина, красочное оформление, молодой персонал до 25 лет, стриптиз, интимность - 1; «не знаю» - 3.

Любить по-русски - русские национальные блюда - 11 , душевность - 10; б) шовинизм, дегустация алкоголя, щедрость, русские любят желудком, привлечь внимание, подчеркнуть русский колорит, русские любят поесть, размах действия -1; «не знаю» - 1.

Огол – для болельщиков - 14; аббревиатура владельцев, что-то монгольское, первое, что пришло в голову владельцам, люди, которые разнозданно ведут себя, футбольный клуб, пивной бар, привлечь внимание - 1, «не знаю» - 9.

Фостар – кафе для звезд - 8 , кафе для старых - 7 ; там смотрят футбол, молодежное кафе, привлечь внимание -1, «не знаю» - 12.

Центр циклона – шумно -6 , хозяин мнит себя центром вселенной -5, бурное веселье - 5; крепкие напитки, стриптиз, где-то в центре, поднимает настроение, выражается ужас, страшное название, привлекает внимание, эпицентр веселья, экзотический интерьер, полный штиль, молодежное кафе в современном стиле -1; «не знаю» - 3.

Третий вопрос эксперимента – Что вы ожидаете от посещения этих предприятий общественного питания?

Дозор – вежливый, внимательный персонал - 6 , много алкоголя -6, внимательная слежка - 5 , ничего не ожидаю – 2, тишина и спокойствие, точность и серьезность, почти отсутствуют женщины, много военных, веселье, дальнобойщики, у стола может стоять дозорный, голод, люди в форме, ничего хорошего, излишнее внимание -1; «не знаю» - 0.

14000 тонн – много еды - 7 , тяжесть в желудке - 7, лишний вес - 7; гамбургеры и пиво, плохой сервис, не на 100%, ничего, железная посуда, молодежь, опьянение, грубости во всем -1; «не знаю» - 1.

Д.И.В.А. – молодая публика и красивые девушки - 6, удовольствие - 6, удивление - 4; сказочный интерьер, изысканность, музыкальное

сопровождение, тихая обстановка, что-то отрицательное, новые блюда, резкое отношение к клиентам, металлическая музыка, разносортная публика, вкусные блюда, приятный отдых, там сентиментально -1; «не знаю» - 2.

Любить по-русски – русская еда - 7, хорошо покушать - 7, много борща - 7; официантки в кокошниках, народные песни, демократичная закусочная, водка, холодец, свобода любви, дегустация алкоголя, стриптиз низкого масштаба, гостеприимство -1, «не знаю» - 0.

Огол – я бы не пошел -15; обсуждение спортивных новостей, спортивный интерьер, мячики на столе, отдых, что-то банальное, противный запах баранины, дорогих цен -1; «не знаю» - 8.

Фостар – что-то интересное, спортивное кафе, футбол на плазме, разнообразное меню, дорогие цены, молодежь, хорошее кафе, не пойду туда -1, «не знаю» - 22.

Центр циклона – громкая музыка и танцы до утра - 9, много молодежи - 6; свет, караоке, спокойствие, хорошее настроение, необычная сервировка стола, кондиционеры и климат-контроль, шум, зашкаливание децибел, огромный ветер, все в воде и тумане, кафе и дискуссионный клуб, отдых, пройду мимо, экзотика -1, «не знаю» - 1.

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Эффективность коммерческого наименования зависит не только от его мотивированности, но и от информативности названия, его ассоциативного восприятия, эстетической привлекательности самого слова.

В целом замысел номинатора угадывается носителями языка, однако есть случаи, когда он оказывается прямо противоположным (Центр циклона). Все это говорит о том, что номинатор либо не стремится к тому, чтобы наименование предприятия отражало специфику его заведения, либо уровень его знаний не позволяет учесть всех коннотаций названий, что, в свою очередь, приводит к возникновению абсурдных для потребителей названий.

Новицихина М.Е. Коммерческая номинация. – Воронеж, 2003.

Мария Стефанович

„Чужие“ среди „своих“ и „свои“:
(о структуре концептов *зять*, *невестка* и *мама* на материале ассоциативных словарей сербского и русского языков)

Анализируя содержание ассоциативных полей с названиями членов семьи, которые представлены в ассоциативных словарях сербского и русского языков, мы заметили интересные явления в ассоциативных полях,

называющих новых членов семьи, по сравнению с содержанием ассоциативных полей, называющих других членов семьи.⁸

Прежде всего, нас поразило количество реакций – негативных эмоций и оценок, которые связаны со стимулами *невестка* и *зять*. Число таких эмоций в несколько раз превосходит число в полях – названиях других членов семьи.⁹

Кроме того, состав реакций – негативных эмоций или оценок по сравнению с другими рассмотренными ассоциативными полями отличается отсутствием восстановимой причины такого отношения к денотатам. Например, если для сына или дочери появляется реакция (или несколько различным образом вербализованных реакций) *лентяй* или *невежа*, можно предположить, что окружающие ждут от денотата выполнения каких-то обязанностей, или определенного поведения, но он этого не делает и вызывает негативную реакцию со стороны общества. Но, такой причиной невозможно объяснить появление значительного количества таких реакций, как *осел*, *дурак*, *негодяй*, *ненависть* и т.п., указывающих только на отрицательное восприятие денотата, который, возможно, и не дает никакого повода для такой реакции.

Мы также заметили, что реакции, которые встречаются в сербском и в русском ассоциативных словарях, в значительной степени похожи, и считаем, что в обоих народах (а, вероятно, и во многих других) существует одинаковое отношение к новым членам семьи. Поэтому (и из-за недостатка места) мы помещаем вместе сербские и русские реакции (сербские реакции переведены на русский язык). В статье [Стевановић 2010] мы анализировали и паремиологический фонд русского и сербского языков, относящийся к зятю и невестке, и обнаружили почти идентичное отношение к ним в двух культурах.

⁸ Мы до сих пор исследовали отношения между парами *муж-жена*, *сын-дочь*, *отец-мать*, *отец-сын*, *мать-дочь*, *зять-невестка*, *зять-теща*, *невеста-свекровь* (Стевановић, М. Породица кроз призму језика – увод у пројекат // Славистика, 11, 2007. – С. 297-302; Језик о семье: анализ ассоциативных полей в сербском и русском языках // Первая международная научно-методическая конференция Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы. – Москва, РУДН, 2008. – С. 678-683; Језик о породици: муж и жена у асоцијативним речницима руског и српског језика // Славистика, 12, 2008 – С. 235-242; Руски и српски језик о деци у породици. Славистика, 13, 2009 – С. 95-103; О пословицама у проучавању језичке слике света (на материјалу руског и српског језика). Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, 34-1, 2009. – С. 31-42; Језички концепт „туђих“ међу „својима“ у српској и руској породици. Славистика, 14, 2010. – С. 102-115).

⁹ Например, процент позитивных эмоций для сестры в русском ассоциативном поле (р) 6,70%, негативных – 2,49%, для сестры (с) – 29,6% позитивных и 3,2% негативных; для брата (р) количество позитивных эмоций составляет 9,7% и негативных 2,2%; для сына (р) – 13,5% позитивных и 5,02% негативных, для сына (с) 13,7% позитивных и 1,97% негативных, и т.д.

Мы решили проверить, можно ли сопоставить структуры концептов „чужих“ среди „своих“ (т.е. зятя и невестки) с „максимально своими“, т.е. с матерью,¹⁰ используя модель концепта, предложенный Поповой и Стерниным (2007).

В процессе анализа материала мы распределили все реакции на группы, в состав которых вошли все когнитивно и семантически близкие реакции, которых в одном из соответствующих ассоциативных полей (АП) по крайней мере десять (включая реакции с частотностью 1). Из анализа исключены реакции, которые не несут существенной информации для выполнения настоящей задачи.¹¹ При вычислении процентов, между тем, мы учитывали количество всех существующих реакций в АП, так что результаты относятся ко всему АП, а не только к его анализируемой части. Анализированные релевантные части АП составляют в среднем 78,01%, и мы уверены, что они дают возможность создать релевантное представление об исследуемых концептах.

В таблице представлены все выделенные группы, объединенные общим значением, в порядке убывания количества реакций:

	зять (с) – в АП 698 реакций	зять (р) – в АП 101 реакция	невестка – в АП 697 реакций	мама (с) – в АП 778 реакций	мама (р) – в АП 501 реакция
Становится членом другой семьи после венчания	179 (25,64%)	19 (18,81%)	216 (30,98%)		
Соответствие с невесткой /зятем/ отцом	59 (8,45%)	2 (1,98%)	38 (5,45%)	147 (18,89%)	81 (16,16%)
Имеет особую роль в семье				62 (7,96%)	12 (2,39%)
Устанавливаются новые семейные отношения	58 (8,30%)	9 (8,91%)	62 (8,89%)	12 (1,54%)	10 (1,99%)
Позитивное отношение к денотату	56 (8,02%)	9 (8,91%)	34 (4,87%)	324 (41,64%)	187 (37,32%)
Негативное отношение к денотату	37 (5,30%)	7 (6,93%)	44 (6,31%)	6 (0,77%)	3 (0,59%)
Тесть~теща, свекор~свекровь	51 (7,30%)	27 (26,73%)	52 (7,46%)		

¹⁰ Материал ассоциативных словарей (АС), к сожалению, не позволил описать полную картину межъязыковых отношений, так как в сербском АС не представлено ассоциативное поле (АП) *мать*, и мы из-за этого взяли существующие АП *мама* (с) и *мама* (р); в русском АС стимул *зять* представлен в виде неполного АП (валидное АП должно состоять из не менее 500 реакций), так что его представим в качестве контроля, и в русском АС не представлен стимул *невестка*. Но мы надеемся, что и на существующем материале можно показать ситуацию в рассматриваемых концептах.

¹¹ Например, реакции экзистенции, типа *у меня нет*, свободные ассоциации, а также реакции – результаты существования прецедентных текстов, или такие, которые относятся к звуковой оболочке слова – рифмы.

Самая общая дефиниция	43 (6,16%)	5 (4,95%)		9 (1,15%)	1 (0,19%)
Обычная характеристика положения в семье	23 (3,29%) ¹² (17+6) ¹²	5 (4,95%)	58 (8,32%) (0+58)	30 (3,85%) (28+2)	12 (2,39%) (10+2)
Внешность денотата	20 (2,86%)	1 (0,99%)	9 (1,29%)	12 (1,54%)	8 (1,59%)
Обычная локация	11 (1,57%)		12 (1,72%)	16 (0,40%)	21 (4,19%)
Утилитарное, прагматическое отношение к денотату	3 (0,42%)	1 (0,99%)	9 (1,29%)	38 (4,88%)	4 (0,79%)
Всего:	540 (77,36%)	85 (84,15%)	546 (76,61%)	656 (84,31%)	339 (67,66%)

Информационное содержание

Следуя за Поповой и Стерниным (2007, с.109), в информационное содержание концептов мы включаем самые важные отличительные черты, которые указывают на важнейшие дифференциальные качества концептуализированных объектов. Они определяют сущность концептов и схожи со словарной дефиницией:

	зять (с)	зять (р)	невестка	мама (с)	мама (р)
Становится членом другой семьи после венчания	168 (24,06%)	5 (4,95%)	216 (30,98%)		
Особая связь с отцом (папой)				147 (18,89%)	81 (16,16%)
Имеет особую роль в семье				62 (7,96%)	12 (2,39%)
Устанавливаются новые семейные отношения	58 (8,30%)	4 (3,96%)	62 (8,89%)	12 (1,54%)	10 (1,99%)
Самая общая дефиниция	47 (6,73%)	5 (4,95%)		9 (1,15%)	1 (0,19%)
Всего:	273 (39,11%)	14 (13,86%)	278 (39,88%)	230 (29,56%)	104 (20,75%)

Для зятя и невестки выделяются три группы реакций: в самой многочисленной такие, которые указывают на то, что после венчания денотаты изменяют свой статус и становятся членом новой семьи. Во второй группе те реакции, которые эксплицируют существование новых отношений, и в конце те, которые дают самую общую квалификацию. Приведем несколько примеров:

зять: *сестра, муж сестры, муж, дочь, свадьба, родственник, семья, человек в семье жены, мужчина*;

невестка: *жена, брат, сестра, свадьба, венчальное платье, женитьба, брак, родственница, семья* и т.д.

¹² В скобках на первом месте указывается количество положительных реакций, которые относятся к положению в семье, а на втором – негативных реакций.

В этом АП нет реакций – самых общих квалификаций.

Самая многочисленная реакция для стимула *мама* в обоих языках – *nana*. Мы ее включили в эту подгруппу потому, что мама с папой и есть ядро семьи. Мамы также входят в другую семью, и устанавливают новые отношения в ней, но в отличие от зятьев и невесток, имеют и четко сформулированную роль в семье: рожать детей и заботиться о них, прежде всего в самый ранний период их жизни. Примеры:

мама: *nana; семья, родные, родня, бабушка, близкий родственник, дочь, тетя; родитель, ребенок, детство, молоко, грудь, роды, качать; то, что с детства; женщина; живое существо*.

По сравнению с реакциями, в которые входит информационное содержание для зятя и невестки, число таких же реакций для мамы отличается значительно меньшим количеством.¹³ В среднем, для зятя и невестки это 30,95% (если бы из статистики были исключены данные русского АП, количество бы составляло 39,49%), а для мамы – 25,15%.

За реакциями с элементами информационного содержания по количеству реакций следуют те, которые являются частью энциклопедической зоны концепта.

Энциклопедическая зона

В энциклопедической зоне находятся такие реакции, которые указывают на знакомство с признаками концепта на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т.д. (Попова, Стернин 2007: 111). Мы в эту группу включили реакции, которые указывают на параллельное существование „чужого“ элемента в семье,¹⁴ вместе с реакциями, указывающими на существование особой связи между зятем и невесткой и родителями супругов денотата, а именно *теща~теща* для зятя и *свекор~свекровь* для невестки.¹⁵

	ЗЯТЬ (С)	ЗЯТЬ (Р)	НЕВЕСТК А	МАМА (С)	МАМА (Р)
Соответствие с невесткой/зятем	59 (8,45%)	2 (1,98%)	2 (1,98%)		
Теща~теща, свекор~свекровь	51 (7,30%)	27 (26,73%)	52 (7,46%)		
Обычная характеристика	21 (3 %) (6+15)	5 (4,95%)	58 (8,32%) (0+58)	30 (3,85%)	12 (2,39%)

¹³ Мы уже упоминали о неполноте АП зять (р), и естественно, что здесь появляется значительная квантитативная разница по сравнению с сербскими АП.

¹⁴ В АП нормальны и высокочастотны реакции-когипонимы (например, в АП с названиями членов семьи – это *мама-nana, брат-сестра, бабушка-дедушка, сын-дочь*), которые указывают либо на кровную связь, либо на связь посредством брака, но зятя и невестку связывает именно то, что они „чужие.“

¹⁵ Мы уже обращали внимание на факт значительно большей частотности реакций *свекровь* (49 в сербском АП), чем *свекор* (3 реакции) для невесток в (Стефановић 2010).

положения в семье				(28+2)	(10+2)
Обычная локация	11 (1,57%)		12 (1,72%)	16 (0,40%)	21 (4,19%)
всего	142 (20,34%)	34 (33,66%)	124 (17,79%)	46 (5,91%)	33 (6,58%)

В данной группе замечаем существенную разницу в количестве реакций в русском АП по отношению к сербскому. Это вызвано яркостью признака, но, может быть, если бы было возможно проанализировать полноценное русское АП, пропорция бы изменилась.

В глаза бросается группа реакций, которые указывают на положение денотата в семье. Мы сюда включили и реакции – следствия такого положения. Сразу замечаем, что в сознании носителей языка нет ни одной реакции, которая бы указывала на превосходство статуса невестки. И для зятя преобладают негативные оценки положения, но встречаются и положительные. Хотя самой частотной реакцией является *ссора* (19 реакций), большинство негативных характеристик положения невестки составляют самые общие реакции, указывающие на сожаление к ней. Примеры приведем ниже.

Что касается обычной локации, *невестка* и *мама* и в сербском, и в русском АП обычно дома или на кухне. Реакции такого типа для зятя не характерны, и все они появляются с частотностью 1.

Приведем некоторые примеры, на основании которых можно реконструировать обычное положение денотатов в семье:

зять: *ненависть, непостоянство, опасность, проблема, напряженность, предательство, споры, ссора, пришелец (незванно поселившийся), забитый, несчастный, соперник, чужак*; но и: *принятие, уважение, доверие, любимец, ему повезло*;

невестка: *ссора, бедняжка, жертва, нелады, побои, бедная, мученица, мука, покорность, подчиняться, проблемы, раб, служа, трудность, грусть, ужас и т.д.*

мама: *святыня, уважение, восхищение, забота, самая дорогая, самая родная, самая хорошая, самое важное, самое лучшее в мире, самый любимый человек, свята, уважение, но: бедная, усталая, жертва.*

Сравнение количественных показателей позволяет сделать вывод, что процент реакций, входящих в энциклопедическую зону для зятя и *невестки* намного превышает процент реакций для стимула *мама* в русском и сербском языках: 24,02% для „чужих“ и 12,49% для „своих.“

Оценочная зона

Реакции – эмоции и оценки появляются в значительном количестве во всех рассматриваемых АП:

	ЗЯТЬ (С)	ЗЯТЬ (Р)	НЕВЕСТКА	МАМА (С)	МАМА (Р)
Позитивно е отношение	56 (8,02%)	9 (8,91%)	34 (4,87%)	324 (41,64%)	187 (37,32%)
Негативно е отношение	37 (5,30%)	7 (6,93%)	44 (6,31%)	6 (0,77%)	3 (0,59%)
Всего:	93 (13,32%)	16 (15,84%)	78 (11,19%)	330 (42,41%)	190 (37,92%)

Анализ реакций указывает на плохое отношение к зятю без особой причины. Среди реакций появляются простые обиды, выражающие неприязнь и вражду, а также пренебрежительное отношение к нему. В русском АП два раза встречаются реакции, указывающие на алкоголизм. То же относится и к *невестке*: она считается плохим человеком вообще, а самым главным негативным моментом является то, что она (вероятно, даже и против своего желания), втягивается в споры со родственниками мужа. Ее воспринимают как злую, нахмуренную и неприятную женщину.

Среди негативных оценок для *мамы* выделяются только такие, которые указывают на применение неприятных методов в воспитании. Что касается позитивных оценок для стимула *зять*, выделяем значительное количество таких, которые указывают на старания зятя быть любимым в компании (или, может быть, в новой семье), а для стимула *невестка* в глаза бросается значительное количество реакций, которые указывают на ее пассивную роль, смиренность и трудолюбие. Самые частотные реакции для *мамы* – выражения любви, даже обожания.

Приводим примеры:

зять: *дурак, глупый, осел, тыфу, кретин, плохой, скучный, надоел, животное, вредный, грозный, алкаш, слабость* и т.д., но и: *хороший, юмор, ум, счастье, шутки, веселый, интересный, друг, приятный, смех, шарм, отличный, милый* и т.д.;

невестка: *надоедливая, скуча, ведьма, сварливая, ворчливая, курица, злобная, змея* и т.д., но: *добрая, смирная, добродушная, подруга, сладкая, смешино, трудолюбивая* и т.д.

мама: *любовь, нежность, тепло, любимая, милая, добрая, ласковая, счастье, радость* и т.д., но и *надоедает, наскучила, строгая, ругается* и т.д.

В общем, для стимулов *зять* и *невестка*, кроме количественной, заметна и качественная разница: напоминаем, что для стимула *мама* в обоих языках количество негативных реакций минимальное (меньше 1%), а число позитивных является самым высоким в АП. Хотя для зятев позитивное отношение превосходит негативное, для *невесток* ситуация совсем другая, и, следственно, пропорции позитивных и негативных реакций намного отличаются от представленных в АП *мама*.

Образный компонент концепта

Внешность и запах денотата также появляются среди реакций на рассматриваемые АП:

Образный компонент	ЗЯТЬ (С)	ЗЯТЬ (Р)	НЕВЕСТК	МАМА (С)	МАМА (Р)
	20 (2,86%)	1 (0,99%)	9 (1,29%)	12 (1,54%)	8 (1,59%)

Приводим некоторые из реакций:

зять: *красивый, красота, усы, волосы, очки, костюм, улыбка, лысый, толстый* и т. д.;

невестка: *юбка, брюнетка, колено, красивая девушка, лицо, тощая* и т.д.;

мама: *улыбка, толстая, голос, волосы, запах, лицо старой женщины, руки* и т.д.

Интересно, что во всех АП, которые мы до сих пор исследовали, количество ассоциаций, указывающих на внешность мужчины,

превосходит количество ассоциаций, указывающих на внешний вид женщины только в паре *зять – невестка*. Кажется, причиной этого является не большее значение внешности для *зятя*, а ярко выраженное пренебрежение к индивидуальным (или типично женским) характеристикам *невестки*. Что касается пропорций, разница между *зятем* и *невесткой* с одной стороны, и *мамы* с другой, незначительна: 1,71% и 1,56%.

Утилитарная зона

В этой группе находятся реакции, которые указывают на прагматическое отношение к денотату:

Утилитарная зона	ЗЯТЬ (С)	ЗЯТЬ (Р)	НЕВЕСТКА	МАМА (С)	МАМА (Р)
	5 (0,71%)	1 (0,99%)	9 (1,29%)	38 (4,88%)	4 (0,79%)

Здесь по количеству реакций на первом месте находятся те, которые относятся к *маме* в сербском АП. Они указывают на особое положение сербской матери, которая, кажется, чрезмерно заботится о своих детях и на себя часто берет обязанности, которые в других культурах уже переносятся на детей.¹⁶ Что касается *зятев* и *невесток*, в них, прежде всего, видят помощников в новой семье, причем для невестки более выразительная роль на кухне:

зять: *слуга, помощник, на побегушках, опора и т.д.*,

невестка: *помощь, хороший обед, торт, пироги и т.д.*,

мама: *поддержка, помощь, опора, обед, пища, оладьи, пирог, защита, советник* и т.д.

В среднем, количество реакций, которые принадлежат утилитарной зоне для *зятя* и *невестки* низкое (0,99%), а реакций, которые относятся к *маме*, немножко выше, 2,83%, но мы считаем это результатом влияния сербской культуры.

Сравнение статистических данных для элементов структуры концептов *зять* и *невестка* с одной, и *мама* с другой стороны, указывает на существование разницы в их перцепции в сознании носителей языка.

Во всех проанализированных концептах выделяются *информационное содержание, интерпретационное поле и образ*, но участие реакций, относящихся к ним, разное.

Самая большая разница замечается в оценочной зоне, где количество реакций для стимулов *зять* и *невестка* в три раза меньше количества реакций для стимула *мама*: 13,45% и 40,16%. И качество реакций отличается: при абсолютном преобладании положительных эмоций и оценок для мамы, количество положительных эмоций и оценок для зятя приблизительно одинаково, а для невестки преобладают негативные эмоции и оценки.

¹⁶ Мы уже заметили, что в сербском языке не существует выражения «еврейская мать», которое появляется в русском АП, потому что сербская мать и есть «еврейская мать» (Стевановић, 2008).

В энциклопедической зоне также выявляем значительную разницу: процент реакций для *зятя* и *невестки* почти в два раза больше процента реакций для стимула *мама* в русском и сербском языках: 24,02% для „чужих“ и 12,49% для „своих.“

В утилитарной зоне реакции, число которых превышает 1%, относятся только к *невестке* и к *маме* (с), что считаем результатом культурного влияния, т.е. большей патриархальности в рамках сербской семьи, где можно больше „пользоваться“ трудом женщин.

По количеству отличий между рассматриваемыми концептами на следующем месте реакции, которые входят в информационное содержание: для *зятя* и *невестки* они составляют 30,95% (или, без данных неполного русского АП, – 39,49%), а для *мамы* – 25,15%.

Мы не заметили большой разницы в статистических данных, касающихся образного компонента концептов: для *зятя* и *невестки* – 1,71%, для *мамы* – 1,56%.

Итак, на основании анализа содержания структуры концептов *зять*, *невестка* и *мама* – лучших представителей идеи о „чужом“ и „своем“ элементе в семье – можно предположить, что и при противопоставлении других концептов такого типа появятся систематические различия в рамках структуры. Пищальникова и Рогозина (2004) установили существование корреляции между увеличением негативных эмоционально-оценочных реакций и понижением числа реакций-представлений, связанных с одним когнитивным признаком в случае ситуаций межэтнической напряженности, и повышением реакций-представлений, понижением реакций-эмоций и оценок и реакций-понятий в случае отсутствия такого напряжения. Их результаты, кажется, нельзя применить в ситуации отношения между членами семьи, так как в рамках семьи – все „свои“. Релевантным в такой ситуации является, с одной стороны, качество выявленных эмоций и оценок, и, с другой стороны, количество реакций направленных на „объективацию“ и попытку лучше определить „чужих“ – ведь для „своего“, близкого и понятного не требуется дефиниций, и на первое место выходят эмоции.

Напряженность между „чужими“ и „своими“ в семье существует, что мы старались показать и на структуре концептов, но нужны дальнейшие исследования и других концептов, в которых будут установлены, может быть, более точные параметры для сравнений.

Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 121-128

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Асоцијативни речник српскога језика. I део: од стимулуса ка реакцији / Предраг Пипер, Рајна Драгићевић, Марија Стефановић. Београд: Београдска књига: Службени лист СЦГ: Филолошки факултет, 2005.

Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю.Н. Караполов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Москва: "Поморский и партнер", 1994.

Т.В. Тимошина

Концепт *литература* в индивидуально-авторской концептосфере писателя¹⁷ (С.Довлатов и Д.Рубина)

Нашей задачей является описание концепта *литература* в индивидуальной художественной концептосфере С.Довлатова и Д.Рубиной в сопоставлении с этим концептом в национальной концептосфере. Мы ставим задачу выявить специфику индивидуально-авторского концепта в творчестве писателей относительно друг друга и относительно концептосферы в целом.

Материалом исследования индивидуальных концептов явились художественные и публицистические тексты С.Довлатова и Д.Рубиной; для описания концепта *литература* в национальной концептосфере использовались данные толковых и энциклопедических словарей, словаря синонимов, частотных и ассоциативного словарей, а также анализ фразеологизмов и паремий. По данным «Частотного словаря» С.А.Шарова (2002), в современных художественных, газетных и научно-популярных текстах частота употреблений лексемы *литература* составляет 142 на 1 млн. словоупотреблений (<http://www.gramota.ru>), что является умеренно-высоким показателем.

Концепт *литература* представлен в русском языке целостной (холистической) номинацией – когда обозначается концепт в целом, и признаковой номинацией – когда в тексте или словаре развернуто вербализуются (называются) отдельные признаки концепта.

Концепт *литература* в индивидуальной художественной концептосфере анализировался на материале художественных и

¹⁷ Исследование выполнено при поддержке гранта «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)», рег. номер – 2.1.3/556, аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009-2010.

публицистических текстов С.Довлатова и Д.Рубиной, во многом мировоззренчески близких, что определяет сходство в содержании ряда концептов; концепт *литература* актуализируется в текстах обоих авторов.

Приведем примеры языковых объективаций исследуемого концепта.

Для меня литература – выражение порядочности, совести, свободы и душевной боли. (СД 2, 294); Ибо настоящая литература есть крайнее выражение человеческой порядочности. Одно из достижений человечества, удерживающих его на краю пропасти. (СД 1, 381) – **настоящая литература предполагает порядочность автора 2.**

Все у нас разное – сорочки, профессии, жизненные идеалы. Но литература – одна. Единственная. Русская литература. Высшее достижение нашей многострадальной родины. Лучшее, что нас объединяет... (СД 1, 226) – **родная литература является высшим достижением родины.**

Но мысли, идеи и тем более сюжет – это как раз то, что меня интересует в литературе меньше всего. Более всего мне дорога в литературе ее внеаналитическая сторона, ее звуковая гамма, ее аромат, ее градус, ее цветовая и фонетическая структура, в общем, то, что мы обычно называем необъяснимой привлекательностью. (СД 1, 227) – **литература необъяснимо привлекательна.**

В литературе меня пугает только одно: сбить планку, не перемахнуть через некую умозрительную... высоту, которую с последним абзацем романа (повести, рассказа) надо взять во что бы то ни стало. (ДР 7, 315); Невзятая высота в литературе (у каждого это своя норма, свои сантиметры или метры) – это крах, провал и ужас, от которого оправляются годами. (ДР 7, 315) – **литература требует максимальной самоотдачи от писателя 2.**

На мой взгляд, в литературе серьезно то, что отлично сделано с мастеровой точки зрения, что, к тому же, долго не отпускает читателя, заставляя мысленно возвращаться к уже прочитанной книге. (ДР 5, 153) – **в литературе серьезно только качественно сделанное.**

Содержание концепта «литература» в рассмотренных источниках включает 91 когнитивный признак. Для каждого признака вычислен **индекс яркости** как отношение количества объективаций данного когнитивного признака к общему количеству зафиксированных объективаций концепта.

Проведенное сопоставление показало, что национальная концептосфера и индивидуальные концептосфера С.Довлатова и Д.Рубиной имеют единичные сходства. Совпадают следующие когнитивные признаки концепта *литература* (имея разную яркость):

общенац. Довлатов Рубина

<i>учит жизни</i>	0,01	0,05
<i>основана на вымысле</i>	0,01	0,06

Остальные признаки в национальной и индивидуальных исследуемых концептосферах различаются.

Примеры чисто национальных когнитивных признаков, не актуализируемых в индивидуальных концептосферах С.Довлатова и Д.Рубиной:

<i>художественная</i>	0,10
<i>произведения словесного искусства</i>	0,03
<i>воспитывает душу</i>	0,01
<i>может стать спутником жизни</i>	0,01

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах С.Довлатова составляют следующие чисто «довлатовские» когнитивные признаки:

<i>настоящая литература предполагает порядочность</i>	
<i>автора</i>	0,10
<i>родная литература является высшим достижением нашей</i>	
<i>родины</i>	0,05
<i>литература в России всегда была очень уважаема</i>	0,05
<i>русская литература присвоила себе роль религии и философии</i>	0,05
<i>доля абсурда в русской литературе неизбежна</i>	0,05

Тем самым С.Довлатов обозначает специфику концепта «литература»: 1) настоящая литература предполагает порядочность автора; 2) литература в России всегда была очень уважаема; русская литература присвоила себе роль религии и философии; литература является высшим достижением нашей родины, в то же время доля абсурда в русской литературе неизбежна.

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах Д.Рубиной составляют следующие актуализируемые только в ее творчестве когнитивные признаки:

<i>литература требует максимальной самоотдачи от писателя</i>	0,12
<i>жизнь является черновиком литературы</i>	0,06
<i>в литературе серьезно только качественно сделанное</i>	0,06
<i>присутствие чуда свойственно любой литературе</i>	0,06
<i>литература страдает неразрешимыми вопросами</i>	0,06
<i>серьезная литература не должна быть без юмора</i>	0,06

Тем самым Д.Рубина обозначает непростую сущность литературы:

- 1) литература требует максимальной самоотдачи от писателя; в литературе серьезно только качественно сделанное;
- 2) серьезная литература не должна быть без юмора;
- 3) литература страдает неразрешимыми вопросами.

Совпадающих когнитивных признаков концепта *литература* у С.Довлатова и Д.Рубиной нет.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная и индивидуальные концептосфера для концепта *литература* имеют единичные сходства. Совпадают лишь отдельные когнитивные признаки (*учит жизни, основана на вымысле*).

Индивидуально-авторскими (не зафиксированными в общенациональной концептосфере) оказались 33 (из 91) когнитивных признака концепта *литература*. Может быть вычислен **индекс индивидуальной маркированности** концепта как отношение количества индивидуально – авторских признаков в содержании концепта к общему количеству когнитивных признаков концепта.

У С.Довлатова индекс индивидуальной маркированности для концепта *литература* составляет 0,21, что свидетельствует о достаточно высокой степени индивидуализации концепта в сознании автора, который дает характеристику идеальной литературы (*настоящая литература предполагает порядочность автора*) и подчеркивает высокую роль русской литературы в жизни народа (*литература в России всегда была очень уважаема; русская литература присвоила себе роль религии и философии; родная литература является высшим достижением нашей родины, хотя доля абсурда в русской литературе неизбежна*).

У Д.Рубиной индекс индивидуальной маркированности для концепта *литература* составляет 0,18. Д.Рубина обозначает непростую сущность литературы (*требует максимальной самоотдачи от писателя; страдает неразрешимыми вопросами*) и определяет качества серьезной литературы (*серьезная литература не должна быть без юмора; в литературе серьезно только качественно сделанное*).

Близость индексов индивидуальной маркированности у обоих авторов свидетельствует об одинаково невысокой степени близости индивидуально-авторских концептов к общенациональному концепту и сугубой индивидуальности понимания литературы обоими авторами..

Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. (Ранее неизданные материалы). – М., 2006. – 432 с.

Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. Сборник – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда» », 1999. – 512 с.

Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.1.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 416 с.

- Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.2.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 384 с.
- Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. - 336 с.
- Рубина Д. «Их бин нервосо...»! – М: Эксмо, 2005. – 256 с.
- Рубина Д. На Верхней Масловке: Повести и рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 336 с.
- Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2004.
- Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2005- 336 с. – 496 с.

СЛОВАРИ

- Александрова З.Е.Словарь синонимов русского языка: Практ.справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов.- 11-е изд.. перераб. И доп.- М.: Рус. Яз., 2001.
- Большой энциклопедический словарь. - М.:АСТ:Астрель, 2006, с.615.
- В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. - М.,1989.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской. – М.:Эксмо, 2007.
- Пословицы русского народа: Сб. В.Даля. – М., 1957. – 992 с.
- Русские народные пословицы и поговорки /Сост. А.М.Жигулов. – М., 1965.
- Русский ассоциативный словарь» Ю.Н.Караулова, Т.А.Черкасовой и др. в 2 тт.,1986.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н.Телии. – М., 1995.
- Словарь синонимов /Под ред. И.Писарева.- М.: ТОМ, 1997.
- Словарь синонимов русского языка/ Под ред. Л.А.Чешко. – М., 1968.
- Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь.- 2-е изд., испр. и доп.- М.: Рус. яз., 1988.
- Философский словарь \ Под ред. И.Т.Фролова. – Изд.7-е. – М., 2001.
- Философский словарь \ Под ред. И.Т.Фролова. – Изд.7-е. – М., 2001.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М., 1967.
- Частотный словарь русского языка \Под ред. Л.Н.Засориной.- М.,1977.
- Частотный словарь С.А.Шарова. - 2002 (<http://www.gramota.ru>).

Е.С.Федюнина

Оскорбительные ярлыки как форма вербальной агрессии (на материале современной российской драматургии)

Возросшая степень агрессивности в межличностном общении определила материал для нашего исследования, для которого мы выбрали 51 современную российскую пьесу и сценарии различных авторов, общим объемом 1546 страниц. Основной формой вербальной агрессии в анализируемом материале является оскорблениe. СЭС определяет оскорблениe как «умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме» (цит. по Щербинина 2008, с.155).

В данной работе мы намерены представить результаты анализа тех оскорбительных ярлыков, которые используются в текстах исследуемого материала. Под оскорбительным ярлыком мы понимаем слово или словосочетание, которое неодобрительно оценивает человека, унижает его честь и достоинство.

Наш анализ выявил 350 оскорбительных ярлыков, а общее количество их употреблений - 767.

Во-первых, мы разделили все ярлыки на номинативные, атрибутивные и номинативно-атрибутивные по признаку принадлежности к определенной части речи. Номинативные ярлыки составляют 81,2 % от общего числа ярлыков, атрибутивные – 3,4%, а номинативно-атрибутивные – 15,4%.

В номинативные ярлыки мы включили обсценные слова и слова с отрицательной коннотацией: вонючка, дермо, мерзавец, урод, подлец, пижон, волокита и т.п.

Основой атрибутивных ярлыков явились слова семантической категории «безумный»: чокнутый, полоумная, бестолковые, блаженная, ненормальная.

В группе номинативно-атрибутивных ярлыков мы выделили две подгруппы. В первой малочисленной подгруппе (19%) прилагательное нагружает существительное обидным смыслом: низкий человек, пустое место, глина сраная, дутая знаменитость, адвокат хрено. Вторая подгруппа составляет 81% от общего количества номинативно-атрибутивных ярлыков и представляет собой подгруппу, где прилагательное усиливает эффект от оскорбительной номинации: урод дремучий, чванливая курица, последняя сволочь, чертов прохвост, гнус усатый, тварь поганая и т.п.

Во-вторых, мы поделили те же оскорбительные ярлыки по гендерному признаку: мужские, женские и общие ярлыки (слова и словосочетания, не относящиеся к конкретному полу и представляющие собой множественное число).

Мужская группа ярлыков оказалась наиболее насыщенной – 58% от общего числа ярлыков. Признаком принадлежности к группе мужских ярлыков мы посчитали не только слова мужского рода, но и адресацию ярлыка мужчине. В этой группе распределение велось по следующим семантическим категориям: 1) «плохой мужчина»: мерзавец, урод, подлец, негодяй, подонок, мразь, мудак и др. (примеры расположены в порядке убывания количества употреблений в текстах); 2) «глупый мужчина»: идиот, псих, кретин, дурак, сумасшедший, балбес; 3) «преступник»: убийца, садист, проходимец, сутенер; 4) «инфантальный мужчина»: недоносок, сморчок, сосунок, дитятко; 5) «зависимый мужчина»: алкоголик, наркоман, алконафт, забулдыга; 6) «нежелающий работать»: лентяй, тунеядец, лоботряс; 7) «разговорчивый»: болтун, трепло; 8) «распутник»: волокита, хахаль, любимец истеричных студенток; 9) «неспособный на поступки»: тряпка, хлюпик, рохля; 10) «бедный»: голодранец, нищета бюджетная; 11) «низшие по рождению, возрасту, значению или положению»: курвин сын, молокосос, ученичок, солдафон; 12) «старый мужчина»: старая развалина, старый пень, полуживой старик.

Еще две подгруппы ярлыков мы определили как ярлыки-зоонимы (например: кобель, осел, козел, гнус, щенок, бегемот, слон) и ярлыки-аллюзии (например: доктор Менгель, Дракула, ирод, иуда, Франкенштейн,

мурзилка, чебурашка). Количество слов и словосочетаний в этих подгруппах примерно одинаково.

Женская группа ярлыков составляет 22,3% от общего количества ярлыков. Группа представлена следующими семантическими категориями: 1) «плохая женщина»: хамка, мерзавка, халтурщица, негодяйка; 2) «распутница»: шаланда, проститутка, потаскуха, шлюха; 3) «злая женщина»: злыдня, злюка, зловредная баба; 4) «глупая женщина»: ненормальная, имбэцилка, дура, идиотка; 5) «некрасивая женщина»: уродина, мымра, лахудра; 6) «больная женщина»: припадочная, зараза, истеричка; 7) «болтливая женщина»: трещотка старая, старая сплетница; 8) «преступница»: убивица, аферистка; 9) «продавщица»: торгашка, спекулянтка.

Женские ярлыки-зоонимы (например: гадина, гиена, корова, выдра) являются самой многочисленной группой, а ярлыки-аллюзии – самой малочисленной, всего две единицы: мегера, шапокляк.

Общие ярлыки (слова и словосочетания, не относящиеся к конкретному полу и представляющие собой множественное число) составляют 19,7%. Семантические категории этой группы – следующие: 1) «преступники»: жулье, убийцы, воры, уголовники; 2) «глупые»: идиоты, бестолковые, дураки; 3) «плохие»: сволочи, падлы, уроды, подонки; 4) «евреи»: жиды, жидовье; 5) «больные»: спидоносцы, наркоманы; 6) «богатые»: бюргеры, торгари; 7) «низшие по рождению, возрасту»: чертобы отродья, малявки; 8) «приверженцы насилия»: изверги, палачи, варвары.

Здесь группа ярлыков-зоонимов также является лидером по количеству слов и словосочетаний: мелкие козявки, еноты, клопы и т.п. Интересно, что обнаружился только один ярлык-аллюзия: буратинчики.

Итак, анализ исследуемого материала показал, что общей и основной тенденцией гендерных групп является использование ярлыков-зоонимов, групп семантических категорий «плохой человек» и «глупый человек». Эти группы не только многочисленны по своему составу, но и лидируют по количеству употреблений ярлыков в текстах пьес и сценариев.

В мужской и общей группе ярлыков широко представлена еще и семантическая категория «преступник», а в женской группе нагружены группы семантических категорий «распутница», «злая женщина» и «некрасивая женщина».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее оскорбительно для русского общения сравнение человека с животным, сомнение в его умственных способностях и нравственных установках и ценностях. Мужчин унижает преуменьшение их возраста, социального статуса и значения, а женщин оскорбляет сомнение в их социальном сексуальном поведении, доброте и красоте. Установлено, что человека может оскорбить и унизить только в тех качествах, которые являются наиважнейшими для представителей того и другого пола.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 360 с.

<http://www.lit.lib.ru>

Д.Е. Хохонин

Функционирование литературных антропонимов в различных коммуникативных ситуациях

Личное имя (в древнерусском языке также – *рекло, прозвище, название, прозвание, именование...*) – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нем с другими – так определяет предмет антропонимики А.В. Суперанская (Суперанская 2007).

Имя собственное является объектом изучения во многих исследованиях. Особый интерес сегодня представляет проблема исследования антропонимов в несвойственных им контекстах разговорного и публицистического дискурса, где они, как и многие другие единицы языка, обогащаются добавочными коннотативными значениями.

Элементы, содержащиеся в антропониме, помимо основной денотативной информации, связаны с психологическими и социальными факторами, определяющими процесс человеческого общения и составляют прагматический аспект лексического значения слова, который является вторичным по отношению к собственно номинативному.

Погруженный в стихию коммуникативной ситуации, антропоним приобретает смыслообразующие функции, не свойственные номинации, скажем, в официально-деловом дискурсе. У него появляются новые составляющие: экспрессивно-эмоциональная оценка и коннотация индивидуально-психологического плана. Каждый антропоним способен выражать многообразные эмоционально-экспрессивные значения через контекстуальные связи, внеtekстовые возможности, отражающие известные всем носителям языка экстралингвистические характеристики онима, то есть через его лексический фон.

При изучении литературной ономастики мы сталкиваемся с явлением перехода имен собственных в нарицательные. Любопытно замечание А. В. Суперанской о том, что «непременным условием любого (полного и частичного, ситуативного) перехода имени собственного в нарицательное является известность денотата имени» (Суперанская 2007, с. 117). Все члены данного языкового коллектива (или хотя бы микроколлектива) должны иметь определенные, пускай самые общие, но однотипные представления о самых общих свойствах денотата имени, чтобы оно было уместно в конкретной коммуникативной ситуации.

Под коммуникативной ситуацией понимается набор характеристик разговорного (диалогического или публицистического) контекста, значимых для коммуникативного поведения участников

коммуникативного события, влияющих на выбор ими коммуникативных стратегий, тактик и средств. Коммуникативная ситуация включает также то, что в совокупности образует сценографию действия: жанр события, тема (предмет общения), обстановка (время, место).

Часто именования являются средством обобщения – наиболее типичный случай представляет собой функционирование литературных антропонимов, являющихся результатом перехода антропонима как имени собственного в нарицательное: *Вы, обломовы, хватит валяться!* (из разг. речи)

Часто в разговорном и современном публицистическом дискурсах литературные антропонимы приобретают характерологическую функцию. Рассмотрим литературные антропонимы, которые широко используются в речи с модифицированным значением.

Буратино – это имя деревянной куклы, персонажа повести А.Н.Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». В современных речевых актах мы можем встретить данный антропоним в значении «бездарный человек», «полный дурак», «тушица».

Да он же во, дерево, Буратино, ничего не понимает (из разг. речи).

В разговорной речи мы сталкиваемся со словосочетанием «богатенький буратино» – это антропоним, передающий иронию по отношению к человеку, который с «пятаком в кармане» чувствует себя счастливым.

Называя внезапно разбогатевшего «богатенький буратино», не подумайте, что вы цитируете А.Толстого – Вл.Быков, О.Дергач. Книга веков («Корпус русского языка»).

Золушка – имя персонажа одноименной сказки французского писателя Шарля Перро. В современной разговорной речи используют антропоним *золушка*, когда говорят о скромном, незаметном человеке; человеке неярком, обладающем неброской внешностью.

- В наше время Золушку встретить трудно. Ты посмотри на современную молодежь!

- Полностью согласен (из разг. речи).

Однако мы можем встретить и другие значения данного антропонима в речевых актах, например: «человек, обделенной любовью и заботой»: *Онаросла золушкой* (из разг. речи); «нечто незаслуженно забытое и непрестижное, играющее второстепенную роль»: *Прав московский геодезист А.Кондрашов: его профессию можно назвать Золушкой на строительной площадке* («Известия», 1984 г., 15 ноября).

В последнее время у антропонима *Золушка* появилось новое значение: «девушка, вышедшая из низов и достигшая многого»: *Это история о золушке* (из разг. речи).

Дон-Кихот является главным персонажем романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». Так говорят о наивном, бесплодном мечтателе. В речи мы используем данный антропоним, когда говорят о человеке бесхитростном, неравнодушном к происходящему:

Что ему все не сидится, донкихотствует, Дон-Кихот нашелся (из разг. речи).

Обломов – это известная фамилия главного героя одноименного романа И.А. Гончарова. Она стала обозначать любого обленившегося, потерявшего интерес к жизни человека. В жаргоне данный антропоним переосмысливается и ассоциируется с глаголом обламывать, то есть Обломов – человек, который всегда «обламывает».

С этим Обломовым нельзя связываться, обманет (из разг. речи).

Квазимодо – персонаж романа В.Гюго «Собор Парижской Богоматери». В разговорной речи данный антропоним используется в значении: «очень некрасивый, отталкивающего вида человек».

- Не знаю как ты, но я даже не буду разговаривать с этим Квазимодо!

- Ты слишком жестока, может, он красив внутренне...

- Может и так, но внешне он отвратителен (из разг. речи).

Квазимодо – это человек, вызывающий отвращение, антипатию:

Это было чудовище, нравственный Квазимодо (Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома).

Человек, одетый неряшливо, некрасиво, не по моде:

Вам грустно, блюстители моды, Какие мы все квазимоды? (Евтушенко Е. Карликовые березы).

Квазиморда. Некрасивый человек. Контаминация конотативного литературного имени и апеллятива морда «некрасивое лицо».

Тарзан – это главный персонаж романа Эдгара Берроуза «Тарзан, царь обезьян». Помимо основного значения у антропонима Тарзан развивается обобщенное значение: «одичавший человек», но появляется новое: обросший грязью человек:

- Вова, если так и дальше пойдет, ты превратишься в Тарзана! Приведи себя в порядок: побрейся, помой голову, искупайся, в конце концов!

- У меня нет времени на эти глупые занятия (из разг. речи).

Используется как аргумент в речевом акте замечания и предупреждения.

Таким образом, можно наблюдать явление переходности в сфере антропонимов (литературных онимов) в процессе функционирования в разговорном, публицистическом и художественном дискурсе. Оно связано с первоначальным переходом конкретного имени персонажа литературного произведения в обобщенное наименование других лиц на основе сходства черт характера, внешности, каких-либо других особенностей. Позже в них возникает определенное значение, характеризующее признак конкретного лица, что дает возможность формировать оценочные речевые акты в коммуникации.

Библиографические описания

Исследования по коммуникативному поведению и коммуникативному сознанию, опубликованные Центром коммуникативных исследований Воронежского ГУ (2006-2010)

Данная публикация продолжает серию библиографических публикаций по проблемам коммуникативного поведения, вышедших в изданиях Центра коммуникативных исследований ВГУ.

Библиография за 1997-2005 годы представлена в сборнике «Коммуникативные исследования 2005» / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – С. 216–239:

Рудакова А.В. «Публикации по гендерному, профессиональному, деловому и национальному коммуникативному поведению» (с. 216-232).

Лемяскина Н.А. «Публикации по проблемам возрастного коммуникативного поведения и сознания» (с. 232-239).

В данной публикации приводятся библиографические списки изданий по отдельным проблемам коммуникативного поведения и коммуникативного сознания с 2006 по 2010 г.

Используемые сокращения названий периодических изданий:

КОиФ – Культура общения и ее формирование / Науч. ред. И.А. Стернин. – Вып. 16–23. – Воронеж : Истоки, 2006–2010.

КП – Коммуникативное поведение (разные выпуски).

ЯНС – Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006–2010.

ЧИП – Человек в информационном пространстве. Воронеж, 2006.

КИС – Коммуникативные исследования. – Воронеж : Истоки, 2006–2010.

ТДКМ – Текст. Дискурс. Картина мира. Межвузовский сборник научных трудов / [научн. ред. О.Н. Чарыкова]. – Воронеж : Истоки, 2006–2010.

Монографии

Коммуникативное поведение. Вып. 32. Академическое общение. Монография./Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – 194 с.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение как предмет лингвокультурологического описания / И.А. Стернин, М.А. Стернина, Л.И. Гришаева // Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Монография. – Воронеж : Научная книга, 2009. – С. 155–262.

Языковое сознание жителей Воронежа / [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж : Истоки, 2010. – 250 с.

Учебные пособия

Стернин И.А. Деловое общение : учебн. пособие для старшеклассников и студентов / И.А. Стернин. – Воронеж : Родная речь, 2009. – 200 с.

Стернин И.А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2009. – 154 с.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2009. – 178 с.

Гендерное коммуникативное поведение

Буркова Е.А. Гендерная ориентация современных рекламных текстов (на примере местных информационно-развлекательных журналов) / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 134–137.

Бурцева В.Г. Гендерная дифференциация значений по данным ассоциативных экспериментов / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 93–96.

Вовк Е.В. Гендерные и возрастные особенности концепта «идеальный собеседник» / Е.В. Вовк // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 56–58.

Гетте Е.Ю. Дифференциальные признаки гендерного коммуникативного поведения (опыт эмпирического исследования) / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 43–49.

Гетте Е.Ю. К вопросу о гендерной специфике обращений / Е.Ю. Гетте // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 99–105.

Гетте Е.Ю. Коммуникативный идеал супруга / Е.Ю. Гетте, А.А. Нестеренко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 68–73.

Гетте Е.Ю. Культура деловой речи в Воронежской области : гендерный аспект / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 14–19.

Гетте Е.Ю. Культура деловой речи в Воронежской области : гендерный аспект / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 14–19.

Гетте Е.Ю. Методики исследования гендерного коммуникативного поведения / Е.Ю. Гетте // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 85–100.

Гетте Е.Ю. Опыт описания гендерного коммуникативного поведения носителей русского языка / Е.Ю. Гетте // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л. Шипелевич]. – Вып. 29. – Варшава, 2007. – С. 84–107.

Гетте Е.Ю. Специфика общения с жертвой семейного насилия : гендерный подход / Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 45–51.

Дуссалиева Э.А. Экспериментальное исследование концептов мужчина, мужик / Э.А. Дуссалиева // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 88–92.

Желтухина Е.Х. Гендерный подход к изучению повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» / Е.Х. Желтухина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 26–27.

Лаврищева Е.В. Гендерная специфика невербального коммуникативного поведения / Е.В. Лаврищева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 105–109.

Лазуренко Е.Ю. Гендерные аспекты руководства / Е.Ю. Лазуренко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 49–50.

Мандрукевич А. Гендерные особенности восприятия языковой личности (результаты социолингвистического исследования) / А. Мандрукевич, Л.В. Ухова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 69–71.

Морозова И.А. О гендерной специфике концепта / И.А. Морозова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 119–128.

Павлюк Л.В. Концепт «речевой этикет» в обыденном языковом и гендерном сознании / Л.В. Павлюк // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 74–78.

Петрова А. Образ женщины в русских, немецких и китайских пословицах и поговорках (культурологический аспект) / А. Петрова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 92–99.

Селезнева Г.Я. Гендерные особенности письменных текстов / Г.Я. Селезнева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 50–52.

Соломатина В.И. Гендерные особенности ассоциативного ядра русского языка / В.И. Соломатина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 61–75.

Федина И. Самопохвала и самокритика в речи мужчин и женщин / И. Федина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 48–49.

Федотова Н.В. Гендерная специфика концепта «отдых» (по данным свободного ассоциативного эксперимента) / Н.В. Федотова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 6. – С. 58–63.

Хади Н. Дж. Патронимические обращения в симметричных речевых актах межгендерной коммуникации в прозе А.П. Чехова / Н.Дж. Хади // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 11–14.

Шатова А. Гендерный аспект организации текста в мужских и женских глянцевых журналах (синтаксические особенности) / А. Шатова, Л.В. Ухова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 115–121.

Профессиональное коммуникативное поведение

Бейлинсон Л.С. Концептуализация ошибок в общедомом и профессиональном языковом сознании / Л.С. Бейлинсон // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 14. – С. 67–76.

Беспамятнова Г.Н. Из опыта изучения и описания коммуникативной личности российских телеведущих / Г.Н. Беспамятнова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 171–177.

Беспамятнова Г.Н. Коммуникативная личность русского телевизионного ведущего / Г.Н. Беспамятнова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Вып. 29. – Варшава, 2007. – С. 26–33.

Беспамятнова Г.Н. Коммуникативная личность телевизионного ведущего / Г.Н. Беспамятнова // Профессиональная коммуникативная личность. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 28. – С. 167–175.

Гусева Н.В. Особенности функционирования коллективного творческого портрета в контексте профессиональной коммуникации педагога-словесника / Н.В. Гусева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 73–76.

Ерошенко И. Выражение одобрения и порицания в речи учителей / И. Ерошенко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 178–179.

Зарубина Л.А. Особенности общения в гостиничном сервисе в разных странах / Л.А. Зарубина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 49–50.

Колесникова Н.И. Культура научной речи и требования к коммуникативной компетенции специалиста / Н.И. Колесникова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 207–211.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативная личность руководителя / Е.Ю. Лазуренко // Профессиональная коммуникативная личность. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 28. – С. 91–167.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативная личность русского руководителя / Е.Ю. Лазуренко // КП славянских народов / [под ред. И.А.Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 33–63.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативное поведение российского руководителя / Е.Ю. Лазуренко // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 162–173.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативное поведение руководителя образования / Е.Ю. Лазуренко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 64–68.

Лазуренко Е.Ю. Стереотипное представление о деловом человеке в русской коммуникативной культуре / Е.Ю. Лазуренко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 26–27.

Лапотько А.Г. Педагогическое общение во внеучебных речевых ситуациях / А.Г. Лапотько // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 32–36.

Лобова И.В. Современный русский язык в современной школе / И.В. Лобова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 36–37.

Новичихина А. Коммуникативные функции менеджера / А. Новичихина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 188–189.

Попова С.В. Образные характеристики лингвокультурного типажа «школьная учительница» (экспериментальный анализ) / С.В. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 27–31.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность российского филолога / М.С. Саломатина // КП славянских народов / [под ред. И.А.Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 13–26.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога / М.С. Саломатина // Профессиональная коммуникативная личность. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 28. – С. 20–91.

Саломатина М.С. Коммуникативного поведение русского филолога / М.С. Саломатина // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 151–162.

Саломатина М.С. О проведении коммуникативного тренинга для технических секретарей приемной комиссии Воронежского ГУ / М.С. Саломатина // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 205–207.

Саломатина М.С. Толерантность и успех – вещи несовместные? / М.С. Саломатина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 31–33.

Сметанина-Болдвин Ю.В. Апроксимационные и оградительные дискурсивные стратегии в спонтанном медицинском дискурсе / Ю.В. Сметанина-Болдвин (США) // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 30–37.

Сметанина-Болдвин Ю.В. Врач – пациент: основные характеристики и особенности медицинского диалога (на материале анализа ведения приёма семейным врачом в США) / Ю.В. Сметанина-Болдвин // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 183–192.

Сметанина-Болдвин Ю.В. Медицинский переводчик как участник межкультурной коммуникации / Ю.В. Сметанина-Болдвин // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 83–93.

Сметанина-Болдвин Ю.В. Межкультурные коммуникативные различия и сфера здравоохранения в США / Ю.В. Сметанина-Болдвин // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 49–62.

Стеблецова А.О. Коммуникативное взаимодействие врача и пациента в англоязычном медицинском дискурсе / А.О. Стеблецова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 62–68.

Стрельникова М.А. Национальные особенности коммуникативного поведения российского тележурналиста / М.А. Стрельникова // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 173–178.

Строкова В.К. Основные принципы общения руководителя с подчиненными в профессиональном училище / В.К. Строкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 51–54.

Строкова В.К. Предупреждение конфликтов в практике общения педагогов и учащихся профессионального лицея / В.К. Строкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 47–48.

Строкова В.К. Предупреждение конфликтов в практике общения педагогов и учащихся профессионального лицея / В.К. Строкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21 – С. 47–48.

Тавдгиридзе Л.А. Коммуникативное поведение преподавателя-ведущего в условиях видеолекции / Л.А. Тавдгиридзе // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 113–115.

Ухова Л.В. Речевое поведение радиоведущих : жанровые и имиджевые параметры / Л.В. Ухова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 133–137.

Чигринцева Р.Р. Основные черты коммуникативного поведения проповедника / Р.Р. Чигринцева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 54–58.

Шейгал Е.И. Дискурсивный портрет политика / Е.И. Шейгал // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 49–64.

Янова Л.И. Формирование готовности учителя культуры общения к использованию интерактивных средств и методов обучения / Л.И. Янова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 238.

Исследования по деловому общению

Попова Е.В. Элективный курс «Деловое общение» / Е.В. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 170–171.

Стеблецова А.О. Дискурсивное событие *интервью* в англоязычном дискурсе трудоустройства образовательной сферы / А.О. Стеблецова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 6. – С. 173–180.

Стернин И.А. О понятии эффективного делового общения / И.А. Стернин // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 6. – С. 13–20.

Царевская Н.М. Курсы «Деловое общение» в г. Ростове-на-Дону / Н.М. Царевская // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 204–205.

Национальное коммуникативное поведение

Русское коммуникативное поведение

Абдуллаев С. Лозунги в избирательной кампании / С. Абдуллаев // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 174–175.

Азиз Тахсин Раззак Из наблюдений над концептосферой авторов текстов периодической печати новейшего времени (по материалам воронежской прессы) / Тахсин Раззак Азиз // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 100–106.

Айрапетян О. Конфликт и его разрешение / О. Айрапетян // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 78–80.

Анненкова Д.В. К понятию эмоционального базиса речи // КОиФ, 2007, вып. 18. С. 11–20.

Антонова Л.Г. Интегральный подход к описанию текстовых продуктов в контексте требований современной коммуникативистики / Л.Г. Антонова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 3–8.

Антонова Л.Г. Отношения «автор» – «адресат» в современном медиапространстве / Л.Г. Антонова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж Истоки, 2009. – С. 3–8.

Астахова Е.А. Отражение особенностей русского национального сознания в телевизионной рекламе / Е.А. Астахова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 7–11.

Атланова Е.О. Концепт «новое слово» в русском языковом и когнитивном сознании / Е.О. Атланова // Коммуникативное поведение славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 186–190.

Ахмед Айад Ш. Глагол в печатной рекламе лекарственных препаратов как средство речевого воздействия / Айад Ш. Ахмед, О.Н. Чарыкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 28–32.

Ахмед Айад Ш. Глагол в печатной рекламе лекарственных препаратов как средство речевого воздействия / Айад Ш. Ахмед, О.Н. Чарыкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 28–32.

Бабешко И. Похвала как разновидность комплиментарного общения / И. Бабешко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 68–71.

Беляева Е.И. Давай перейдем на «ты»: pragматика межличностных отношений / Е.И. Беляева // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 146–152.

Беляевская А.В. Средства выражения авторской интенции в региональных печатных СМИ / А.В. Беляевская // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 106–112.

Бойко О.В. «Коммуникативный контроль» как элемент речевого поведения / О.В. Бойко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 15–20.

Бойко О.В. Флиртовое общение в аспекте непрямой коммуникации / О.В. Бойко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 130–137.

Бондаренко Е.В. Диахроническое временное измерение межкультурной семейной коммуникации / Е.В. Бондаренко // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 140–146.

Борисова М.В. SMS-лексикон: вокабулярий пользователя / М.В. Борисова // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 99–106.

Борисова М.В. SMS-сообщения как новая модель коммуникации / М.В. Борисова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 164–169.

Бузальская Е.В. Механизмы и этапы письменного творчества / Е.В. Бузальская // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 8–11.

Вахтель Н.М. Игра ума и слова в процессе общения персонажей в пьесах А.Н. Островского / Н.М. Вахтель // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 177–180.

Вахтель Н.М. Интерпретационные возможности адресата при восприятии русских устойчивых выражений / Н.М. Вахтель, Наньси Шао // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 27–31.

Вахтель Н.М. Многозначность и омонимия как помехи в процессе общения / Н.М. Вахтель // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 14–16.

Вахтель Н.М. Семантико-когнитивные особенности современного коммуникативного процесса «автор – читатель» / Н.М. Вахтель // ЯНС. – Воронеж, 2010. – Вып. 15. – С. 49–55.

Виландеберк А.А. Текст социальной рекламы как канал практически ориентированной коммуникации / А.А. Виландеберк, Я.И. Каграманян // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 55–60.

Влавацкая М.В. Национально-культурная специфика семантики и сочетаемость слова / М.В. Влавацкая // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 44–54.

Вовк Е.В. Концепт «идеальный собеседник» по материалам поисковой системы в сети Интернет / Е.В. Вовк // Лингвоконцептология. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 2. – С. 53–62.

Галкина Н.А. Эмоциональные реакции носителей языка на некоторые типовые ситуации / Н.А. Галкина // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 57–59.

Гирчева А.О. Восприятие слогана социальной рекламы носителями языка / А.О. Гирчева // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 25–28.

Горячев А.А. Стратегии создания рекламного образа / А.А. Горячев // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 28–41.

Грачева Ж.В., Смецкая С.И. Комplимент, похвала, лесть: проблема идентификации (на материале русской классики XIX века) / Ж.В. Грачева, С.И. Смецкая // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 147–152.

Грищук Е.И. О понятиях «общение» и коммуникация» / Е.И. Грищук, М.Е. Новицкихина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 11–13.

Губанова Е.Е. Речевое наполнение официальных и неофициальных электронных писем / Е.Е. Губанова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 176–182.

Гудкова Л.Ф. Речевой этикет в обучении культуре общения / Л.Ф. Гудкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 137–138.

Гузеева Ю. Прозвища в Интернете / Ю. Гузеева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 83–84.

Донат Т. Концепты «русский язык», «немецкий язык», «польский язык» в языковом сознании русскоязычных переселенцев в Германии / Т. Донат (Галле), И.А. Стернин // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 54–56.

Донат Т. Концепты «русский язык», «немецкий язык», «польский язык» в языковом сознании русских переселенцев / Т. Донат (Галле), И.А. Стернин (Воронеж) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 56–58.

Дорохова Я.Н. Специфика восприятия и использования вербальной манипуляции носителями русского языка / Я.Н. Дорохова, М.С. Саломатина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 32–38.

Драчевская Е.Г. Лакуны и картина мира / Е.Г. Драчевская // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 41–46.

Драчевская Е.Г. Чего нет в русском языке / Е.Г. Драчевская // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 44–47.

Дуссалиева Э.А. Мужик – какой? что делает? (опыт экспериментального исследования) / Э.А. Дуссалиева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 149–154.

Дыкин Р.В. Сохранение языковой культуры нации как одна из актуальных тем российской социальной рекламы / Р.В. Дыкин // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 128–130.

Дьякова Л.Н. Коммуникативный аспект русской бардовской песни / Л.Н. Дьякова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2005. – Вып. 1. – С. 52–61.

Дьяченко О.Е. Блог Артемия Лебедева как интерактивный журнал / О.Е. Дьяченко // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 106–118.

- Дьяченко О.Е. Блоги и блоггеры: опыты оценки коммуникативной состоятельности / О.Е. Дьяченко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 169–174.
- Жукова Д. Сокращение слов в интернет-общении / Д. Жукова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 87–89.
- Жуленёва Е.С. Социальные сервисы интернета. Падение уровня анонимности сетевого общения / Е.С. Жуленёва // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 137–141.
- Жуленёва Е.С. Феномен «албанского языка» в блоговом пространстве русского интернета / Жуленёва // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 186–189.
- Журавлева Н.В. Об изменении механизма объединяющей функции застольной беседы / Н.В. Журавлева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 16–17.
- Зацепина Е.А. Концепт «грубость» в русской концептосфере / Е.А. Зацепина // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 138–142.
- Зацепина Е.А. О построении номинативного поля концепта «вежливый» / Е.А. Зацепина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 92–96.
- Зиновьева О.А. Образ Италии в русском национальном сознании (на материале поэзии А.Н. Майкова) / О.А. Зиновьева // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 52–57.
- Зотова А.Б. О некоторых видах совмещения этикетных речевых актов с другими актами / А.Б. Зотова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 61–66.
- Зотова А.Б. Способы выражения эмоций в русском коммуникативном поведении / А.Б. Зотова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 131–139.
- Зубкова Л.И. Прецедентное имя в национально-культурном сознании русских / Л.И. Зубкова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 175–186.
- Зубкова Л.И. Фамилия в общении (на материале художественных произведений) / Л.И. Зубкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 50–53.
- Зубкова Л.И. Характеризация адресанта через самоименование в художественном тексте / Л.И. Зубкова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 76–80.
- Зубченко М.В. К проблеме определения понятия «спонтанный монолог» / М.В. Зубченко // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 177–179.
- Иванова М.М. Воронежцы о сквернословии / М.М. Иванова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 130–132.
- Иванова М.М. Коммуникативная дифференциация концепта «предприниматель» в современном русском языке / М.М. Иванова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 24–28.
- Иващенко М. Особенности речи россошанцев / М. Иващенко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 182–183.
- Изотова Е. О языке SMS-сообщений / Е. Изотова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 183–184.
- Илунина А.А. Интертекстуальность как диалог текстов: теоретические аспекты проблемы / А.А. Илунина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 20–26.
- Ильяшенко Ю. Выражение согласия и несогласия в общении жителей г. Россоши Воронежской обл. / Ю. Ильяшенко, О.П. Дмитриева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22 – С. 90–92.
- Карасик В.И. Аллегория как модус общения / В.И. Карасик // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 186–195.
- Кашежева Н.В. Русский язык, русский менталитет и русская культура / Н.В. Кашежева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 159–162.

Киреева К.О. Формы проявления национальной специфики семантики языка / К.О. Киреева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 65–70.

Киреева К.О. Отличительные особенности ЛСГ «наименования лиц по профессиям и должности» в русском языке с точки зрения её функционально-стилистической характеристики / К.О. Киреева // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 58–60.

Кобляков А. Влияние сотового телефона на жизнь и общение человека / А. Кобляков // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 184–186.

Кобляков А. Конфликты и их разрешение / А. Кобляков // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 77–79.

Козельская Н.А. Экспериментальное изучение коммуникативной эффективности цветонаименований в рекламе / Н.А. Козельская, Н.В. Федотова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 106–109.

Козельская Н.А. Экспериментальное изучение уровня владения русским языком и культурой речи в регионе / Н.А. Козельская, А.В. Рудакова, Е.Ю. Лазуренко, Е.Ю. Гетте // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 3–14.

Козельская Н.А. Экспериментальное исследование языкового сознания студентов-нефилологов в Центре коммуникативных исследований ВГУ / Н.А. Козельская // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 59–68.

Колосова Л.А. Роль улыбки в культуре общения / Л.А. Роль улыбки // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 143–145.

Колосова Л.А. Сложный жанр русского речевого этикета – комплимент / Л.А. Колосова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 206–210.

Колышкина Т.Б. Подходы к анализу визуального знакового комплекса в рекламе / Т.Б. Колышкина // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 41–48.

Колышкина Т.Б. Уровень восприятия читателем текстов массовой коммуникации / Т.Б. Колышкина, И.В. Шустрина // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 112–120.

Конанюк Е. Эмоции и Интернет / Е. Конанюк // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 79–80.

Конопелько И.П. Межнациональные различия невербального общения / И.П. Конопелько // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 7–11.

Кончаревич Ксения Уставы российских монастырей XI–XVII вв. как материал для изучения коммуникативной культуры монашествующих / Кс. Кончаревич (Белград, Сербия) // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 63–84.

Коробкова О.С. К определению термина «язык вражды» / О.С. Коробкова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 20–24.

Коробкова О.С. Коммуникативные стратегии в языке вражды / О.С. Коробкова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 120–123.

Кортунова Л.Н. Положительные и отрицательные тенденции в современной русской речи / Л.Н. Кортунова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 148–150.

Краснов Ю.М. Жанровый подход в обучении интонации (к постановке проблемы) / Ю.М. Краснов // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 100–103.

Кротова А. Невербальная «символика» различных субкультур / А. Кротова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 98–101.

Крыль Е.Н. Речеповеденческие тактики утешения в обучении иностранных учащихся коммуникативному поведению на русском языке / Е.Н. Крыль // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 223–227.

Кузнецова В.В. Стратегия создания имиджа интервьюируемого журналистом (на материале французской и русской прессы) / В.В. Кузнецова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 123–128.

Кузнецова Ю. Нарушение орфоэпических норм в речи россиянцев / Ю. Кузнецова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 186–188.

Кузнецова Ю.В. Обращение как трудность в общении / Ю.В. Кузнецова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 80–82.

Куликова Л.В. О понятии национального академического дискурса / Л.В. Куликова // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 152–155.

Куркина А.С. Неординарное вступление в контакт (на материале обращений в письмах А.П. Чехова) / А.С. Куркина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 189–199.

Куркина А.С. Речевые средства оценки женщин в коммуникативной личности А.П. Чехова (на материале писем 1875–1897 годов) / А.С. Куркина // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 13–19.

Кучеренко К.И. Образ русского человека в немецкоязычном Интернете / К.И. Кучеренко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 197–199.

Лаврёнова О.А. Лексикографическая история русского «ветра» (от В.И. Даля до С.А. Кузнецова) / О.А. Лаврёнова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 52–55.

Лазуренко Е.Ю. Стереотипное представление о деловых людях в русской коммуникативной культуре / Е.Ю. Лазуренко // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 19–28.

Линдстрем Елена Аффективные и фатические вопросы в русском языке / Е. Линдстрем (Швеция) // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 110–123.

Литвинова М.М. Художественно-изобразительные возможности и стилистические функции средств выражения категории интенсивности признака (на материале ранних сатирических произведений М. Булгакова) / М.М. Литвинова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 56–68.

Литвинова Ю.А. Концепт «город» в русском языковом сознании / Ю.А. Литвинова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 107–108.

Лукьянчикова Н. Жесты звёзд эстрады и кино на современном постере / Н. Лукьянчикова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 106–107.

Лысенко С.А. Изображение интонации в интернет-коммуникации / С.А. Лысенко // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 163–168.

Лысенко С.А. Некоторые вопросы соотношения устной и письменной форм речи в современном обществе / С.А. Лысенко // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 14. – С. 30–36.

Лысенко С.А. Орализация в языке Интернета / С.А. Лысенко // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 179–182.

Лысенко С.А. Системообразующие признаки интернет-коммуникации / С.А. Лысенко // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 118–120.

Лысенко С.А. Следы устной речи в языке интернета / С.А. Лысенко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 182–185.

Лысенко С.А. Устная и письменная речь: вопросы взаимодействия / С.А. Лысенко // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 132–138.

- Лысенко С.А. Электронная переписка как особый жанр компьютерного общения / С.А. Лысенко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 199–204.
- Лю Цзин Отражение славянского язычества в русском языке и в национальной культуре / Цзин Лю // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 68–70.
- Лю Чан Невербальные средства общения в межкультурном аспекте / Чан Лю // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 31–36.
- Ляликов А. Некоторые приемы речевого воздействия, используемые рекламой / А. Ляликов // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 85–86.
- Маклакова Е.А. Национальная специфика наименований коммуникативных профессий / Е.А. Маклакова // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 60–68.
- Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц как отражение национальных картин мира двух культур / Е.А. Маклакова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 74–79.
- Маклакова Е.А. Особенности семантики русских наименований лиц / Е.А. Маклакова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 31–36.
- Маклакова Е.А. Политкорректность и ее лексикографическая фиксация / Е.А. Маклакова // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 84–95.
- Маклакова Е.А. Социальная дифференциация семантики слова в коммуникативном процессе / Е.А. Маклакова // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 95–99.
- Маклакова Е.А. Функциональная помета «тональность общения» в описании семантики наименований лиц / Е.А. Маклакова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 85–93.
- Маклакова Е.А. Частотность употребления лексических единиц как отражение национальной специфики их семантики / Е.А. Маклакова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 70–74.
- Марченко Н.И. Видеоконференция на иностранном языке как форма учебного общения студентов в рамках программы билингвального образования / Н.И. Марченко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 154–158.
- Марченко Н.И. Развитие билингвизма как одно из условий расширения языковых контактов и межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации / Н.И. Марченко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 215–220.
- Медведева А.В. Символика культурных концептов / А.В. Медведева // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 36–45.
- Мелехова Н.А. Современный телевизионный дискурс : соотношение границ приватного и публичного / Н.А. Мелехова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 161–164.
- Михайлова Т.В. Концепт «катастрофа» в русском языковом сознании (по данным словарей) / Т.В. Михайлова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 15–19.
- Михайлова Т.В. Лексико-семантическое поле концепта *катастрофа* в русском языке / Т.В. Михайлова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 47–50.
- Морозова Т.В. О видах диалога и его коммуникативных функциях / Т.В. Морозова, Т.Н. Панкова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 83–85.
- Мудрова Л.Д. Методика подготовки дебатных соревнований / Л.Д. Мудрова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 221–223.
- Мудрова Л.Д. Роль учителя культуры общения в распространении риторических знаний / Л.Д. Мудрова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 128–129.
- Наумов О.Е. Культура общения, типы культуры и психология гуманизма / О.Е. Наумова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 166–168.

Некора Н.Е. Культурно – исторические предпосылки формирования концепта «болезнь» в контексте лингвокультурологических исследований / Н.Е. Некора // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 191–194.

Неровная Н.А. Коммуникативный концепт «толерантность» в русском языковом сознании / Н.А. Неровная // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 134–140.

Неровная Н.А. Сравнительный анализ концептов «толерантность» и «терпимость» / Н.А. Неровная // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 108–116.

Новицхина М.Е. Национальная специфичность коммерческого названия как одна из причин ренейминга / М.Е. Новицхина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 138–141.

Новицхина М.Е. Эффективное коммерческое название как инструмент речевого воздействия на потенциального потребителя / М.Е. Новицхина // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 155–162.

Обухова М.Ю. Некоторые аспекты невербального общения / М.Ю. Обухова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 39–43.

Обухова М.Ю. Некоторые аспекты невербального общения / М.Ю. Обухова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 39–43.

Овчинников Д.В. Тематическая группа существительных, называющих элементы природного ландшафта, в русском национальном сознании / Д.В. Овчинников // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 19–23.

Орехова К. Темы общения в Интернете / К. Орехова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 88–90.

Павлова С.В. Вечеринка как коммуникативное событие / С.В. Павлова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 17–23.

Павлова С.В. Социальные роли коммуникантов в событии (свадьба) / С.В. Павлова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 94–97.

Павлюк Л.В. Вежливость в обыденном языковом сознании / Л.В. Павлюк // Лингвоконцептология. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 2. – С. 130–138.

Павлюк Л.В. Концепт «культура речи» в обыденном языковом сознании / Л.В. Павлюк // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 146–150.

Павлюк Л.В. Концепт «сленг» в языковом сознании нефилологов / Л.В. Павлюк // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 126–133.

Павлюк Л.В. Концепт «эффективное общение» в языковом сознании нефилологов / Л.В. Павлюк // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 133–138.

Павлюк Л.В. Концепты «язык», «родной язык», «русский язык» в обыденном русском языковом сознании / Л.В. Павлюк // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 144–149.

Павлюк Л.В. Психолингвистическое значение лексемы «вежливость» в русском обыденном языковом сознании / Л.В. Павлюк // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 164–169.

Павлюк Л.В. Психолингвистическое значение словосочетания «богатство языка» в обыденном языковом сознании / Л.В. Павлюк // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 169–174.

Павлюк Л.В. Экспериментальное исследование языковых концептов в обыденном сознании (иностранный язык) / Л.В. Павлюк // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 178–187.

Пасмурная О.А. Психолингвистическое значение прилагательного «гламурный» в обыденном языковом сознании носителей русского языка / О.А. Пасмурная, Н.А. Сабурова // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 174–175.

Пивоварова Т. Лозунги в истории России / Т. Пивоварова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 190–191.

Пищало М.А. Экспериментальное исследование русских коммуникативных табу / М.А. Пищало // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 62–73.

Попова М.К. Новые технические средства и проблема деперсонализации общения в современном обществе / М.К. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 18–19.

Попова О.К. Некоторые проблемы общения *трезвенников* и *пьющих* О.К. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 48–50.

Попова О.К. Притчи как средство выражения идей Гуманной педагогики / О.К. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 227–228.

Правда Е.А. К вопросу о том, что такое сквернословие и как с ним бороться / Е.А. Правда // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 26–33.

Припадчев А.А. Модели речи / А.А. Припадчев // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 3–15.

Припадчев А.А. Речевая картина мира / А.А. Припадчев // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 13–24.

Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «житие») / А.А. Припадчев // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 11–21.

Прохорова К.В. Речевые тактики выражения совета в русском общении и их использование в обучении русскому языку как иностранному / К.В. Прохорова, Е.А. Иванова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 231–238.

Ренц Т.Г. Коммуникативная эмоциональность в межличностном общении (на примере русской и американской лингвокультур) / Т.Г. Ренц // Сопоставительные исследования 2009 – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 143–147.

Рубцова Ю. Риторические приемы привлечения и поддержки внимания в современной рекламе / Ю. Рубцова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 192–194.

Рудакова А.В. О повышении культуры речи в Воронеже / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 8–11.

Рудакова А.В. Психологически реальное значение слова *извинение* в русском языковом сознании / А.В. Рудакова, И.А. Щербакова // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 181–184.

Рудакова А.В. Речевая культура и грамотность города / А.В. Рудакова, И.А. Стенин // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 214–218.

Рудакова А.В. Речевая культура и грамотность жителей Воронежа / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 3–14.

Рудакова А.В. Речевая культура и грамотность жителей Воронежа // КОиФ, 2009, вып. 21. С. 3–14.

Руденко М. Речевой этикет и вежливость сегодня / М. Руденко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 92–93.

Рыбачева Л.В. Соотношение вербальных и невербальных средств характеристики героя в художественном тексте / Л.В. Рыбачева // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 4. – С. 116–120.

Рыжков М.С. К вопросу о целеполагании в интернет-дискурсе / М.С. Рыжков // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 141–147.

Свистова А.К. Концепт «тоска» в русском языковом сознании / А.К. Свистова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 45–51.

Селезнёва Г.Я. Принципы межкультурной коммуникации в преподавании риторики иностранцам / Г.Я. Селезнева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 39–42.

Селезнёва Г.Я. Способы выражения волнения в эмотивном тексте (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») / Г.Я. Селезнева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 88–91.

Селезнева Г.Я. Этический аспект в преподавании риторики / Г.Я. Селезнева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 130–133.

Семененко М.В. Некоторые проблемы формирования речевого поведения / М.В. Семененко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 133–134.

Сердюк М.А. Описательно-изобразительная функция обращений в русской народной лирике / М.А. Сердюк // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 97–97.

Сидоренко Н.В. «Ты» и «Вы» в общении / Н.В. Сидоренко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 230–233.

Симанова Т.А. «Русский язык» и «национальный язык» в сознании студента-иностраница / Т.А. Симанова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 117–126.

Симанова Т.А. Концепт «русский язык» в сознании студента-иностраница / Т.А. Симанова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 150–158.

Скаврон Е.А. О классификации инструментов речевого воздействия / Е.А. Скаврон // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 23–30.

Скуридина О.В. Современные направления исследования вербальной коммуникации / О.В. Скуридина // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 4. – С. 67–74.

Смольянинова Е.С. Речевой этикет как предмет лингвистического изучения / Е.С. Смольянинова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 136–140.

Стадульская Н.А. Психологические механизмы воздействия товарного знака на потенциального потребителя / Н.А. Стадульская // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 103–106.

Стернин И.А. Речевой жанр «Встреча старых знакомых» (включенное наблюдение) / И.А. Стернин // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 137–145.

Стернин И.А. Мифологические концепты обыденного языкового сознания / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 104–110.

Стернин И.А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «ненцензурная лексика» / И.А. Стернин // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 103–108.

Стернин И.А. О типах речевой культуры носителя современного русского языка / И.А. Стернин // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 19–28.

Стернин И.А. Проблемы описания академического общения / И.А. Стернин, М.А. Стернина // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. Воронеж : Истоки, 2009. – С. 5–24.

Стернин И.А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука / И.А. Стернин // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 168–175.

Стернин И.А. Речевое поведение и тип интеллекта личности («Новые молодые») (на материале речевого поведения молодежи) / И.А. Стернин, М.С. Саломатина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 147–158.

Стуколова Г.П. Речевой текст в аспекте культуры речи / Г.П. Стуколова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 53–55.

Суханова Е.В. Компьютер и предмет культуры общения / Е.В. Суханова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 144–145.

Сычёва О.А. Концепт «убеждать» в русском художественном тексте / О.А. Сычёва // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 138–143.

Сычёва О.А. Концепт «убеждать» в русском языковом сознании (по результатам различных исследовательских процедур) / О.А. Сычёва // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 110–117.

Сычёва О.А. Концепт «убеждать» в русском языковом сознании (по результатам различных исследовательских процедур) / О.А. Сычёва // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 141–144.

Сычёва О.А. Экспериментальное исследование концепта «убеждать» / О.А. Сычёва // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 142–146.

Табулдинова А.Р. «Русский язык и культура речи» в контексте смешанного обучения (blended education) / А.Р. Табулдинова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 211–214.

Таран М. Грамматические аспекты речевого воздействия в текстах проповеди / М. Таран // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 145–152.

Тимошина Т.В. Нравственные концепты в русском художественном тексте (по произведениям С.Довлатова и Д.Рубиной) / Т.В. Тимошина // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 129–137.

Тимошина Т.В. Соотношение национальных и индивидуальных когнитивных признаков в художественном концепте (на примере концепта «родина») / Т.В. Тимошина // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 143–147.

Трубецких Р.Г Сравнение как средство языкового манипулирования в рекламе / Р.Г. Трубецких // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 52–57.

Трущинская А.С. Коммуникативное поведение в русском концепте «семья» / А.С. Трущинская // КП славянских народов / [под ред. И.А.Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 148–152.

Трущинская А.С. Коммуникативные признаки в русском концепте «семья» / А.С. Трущинская // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 146–149.

Федотова Н.В. Концепт «отдых» в языковом сознании русских детей / Н.В. Федотова // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 101–112.

Федюнина Е.С. О понятии «агрессивный текст» / Е.С. Федюнина // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 14–17.

Филатова М.Ю. Русские и восточные сказки об отношении к богатству / М.Ю. Филатова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 233–234.

Фоминых Н.В. Коммуникативный жест «обнять» в одном из текстов М.И. Цветаевой / Н.В. Фоминых // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 10–11.

Фридман Ж.И. Имена прилагательные в сознании носителей русского языка / Ж.И. Фридман // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 109–115.

Хади Али Устойчивое сравнение в речевом акте комплимента / Али Хади (Ирак) // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 31–32.

Хади Н.М., Чарыкова О.Н. (Воронеж) Особенности использования обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века Н.М. Хади, О.Н. Чарыкова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 199–204.

Хамид Акрам Азиз Коммуникативное ядро русского языка в художественном тексте / Акрам Азис Хамид (Ирак) // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 188–191.

Хаустова Э.Д. Русские паремии с наименованиями обуви и одежды как отражение национально-культурных особенностей восприятия мира / Э.Д. Хаустова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 48–52.

Хлопкова Е.В. Некоторые приемы вербальной манипуляции в судебном процессе / Е.В. Хлопкова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 3. – С. 226–230.

Хованец Марек. Языковая игра в современных российских СМИ (на материале аббревиации и дезаббревиации) / Марек Хованец // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 128–133.

Храмченкова А.С. Коммуникативный идеал студента глазами преподавателя / А.С. Храмченкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 95–97.

Чарыкова О.Н. Патронимические обращения в русском общении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) / О.Н. Чарыкова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 91–94.

Черненко Н.М. Коммуникация человека с компьютером / Н.М. Черненко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 174–176.

Черногрудова Е.П. Вежливое и грубое общение в коммуникативных паремиях / Е.П. Черногрудова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 87–89.

Черногрудова Е.П. Из опыта изучения русского паремиологического сознания / Е.П. Черногрудова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 61–64.

Черногрудова Е.П. Лесть, клевета и ложь в русских народных пословицах / Е.П. Черногрудова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 3. – С. 36–38.

Чистякова Г.М. Дебаты как эффективное средство обучения и развития учащихся / Г.М. Чистякова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 234–238.

Чистякова Г.М. Организация творческой речемыслительной деятельности учащихся как этап риторизации учебного процесса / Г.М. Чистякова, Е.И. Грищук // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 146–152.

Чуносова А.А. Национально-специфическая образность в поэтическом тексте XVIII века (на материале произведений Г.Р. Державина) / А.А. Чуносова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 117–122.

Шаманова М.В. Коммуникативная категория в языковом сознании / М.В. Шаманова // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А.Стернина и М.А.Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 139–146.

Шаманова М.В. Основные отличия коммуникативной категории от концепта / М.В. Шаманова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 31–33.

Шаманова М.В. Специфика отражения содержания категории «общение» в афоризмах / М.В. Шаманова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 125–126.

Шао Наньси Национально-культурная специфика устойчивых выражений / Наньси Шао // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 115–118.

Шаталова С.В. Концепт «поздравление» в рамках эпидейктического жанра / С.В. Шаталова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 187–192.

Шаталова С.В. Эпидейтика траура / С.В. Шаталова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 97–100.

Шевцова Т.С. Концепт «интеллигент» в современном русском обыденном сознании / Т.С. Шевцова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 165–170.

Шевцова Т.С. Концепт «интеллигент» в языковом сознании жителей Воронежской области / Т.С. Шевцова // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 137–141.

Шевченко М.Ю. Концепт «брутальный» в современном русском языковом сознании / М.Ю. Шевченко // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 141–147.

Шустина И.В. Объявления в транспорте как отражение речевой агрессии / И.В. Шустина // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 17–20.

Щербакова И.А. Когнитивные признаки концепта «извинение» в русских паремиях / И.А. Щербакова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 183–186.

Щербакова И.А. Концепт «извинение» в текстах современной русской прозы / И.А. Щербакова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 126–133.

Щербакова И.А. Концепт «извинение» (по данным экспериментального исследования) / И.А. Щербакова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 170–171.

Щербакова И.А. Специфика извинения в русском сознании / И.А. Щербакова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 121–124.

Щипунова К.Г. Речевой акт просьбы : прагмалингвистический анализ / К.Г. Щипунова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 75–78.

Щипунова К.Г. Речевой акт просьбы: прагмалингвистический анализ / К.Г. Щипунова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 75–78.

Щипунова К.Г. Речевые формулы в ситуации знакомства / К.Г. Щипунова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 204–207.

Коммуникативное поведение славянских народов

Адонина Л.В. Заметки об украинском общении / Л.В. Адонина, О.С. Фисенко // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 40–43.

Адонина Л.В. Национальные черты русских и украинцев (на материале анекдотов) / Л.В. Адонина (Севастополь) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 112–120.

Атланова Е.О. Концепт «английский язык» в польском языковом сознании / Е.О. Атланова // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 33–35.

Бубнова И.А. Русское и белорусское коммуникативное поведение: сходства и различия / И.А. Бубнова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 4–9.

Войводич Дарья Д. Русская и сербская языковые картины мира через призму количественных отношений в паремиях / Д.Д. Войводич (Нови-Сад, Сербия) // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 152–169.

Данилова О.В. Фразеологизмы с семантическим компонентом «музыка» в русском и польском языках / О.В. Данилова, О.В. Дмитрина // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 35–54.

Заметки о польском общении // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 31–33.

Иванович-Баришич Милина (Белград) О чем говорит одежда / Милина Иванович-Баришич // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 146–153.

Кончаревич Ксения Литургическое возрождение и актуальные изменения в сербской сакральной коммуникативной культуре / Кс. Кончаревич // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 37–49.

Кончаревич Ксения Церковно-певческие традиции как составляющая литургической коммуникативной культуры *rax slavia orthodoxa* / К. Кончаревич (Белград) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 3–13.

Кэрэстъи Ян Этнические предрассудки в словацком языке / Ян Кэрэстъи (Братислава) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 120–130.

Маслова А.Ю. Конвенциональные косвенные директивы в форме вопроса (на материале русского и сербского языков) / А.Ю. Маслова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 123–131.

Мельник Т.В. Украина : диалог культур и глобализация / Т.В. Мельник (Севастополь) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 153–163.

Пивоварчик Т.А. Сопоставительные исследования в прагматике (к анализу стереотипов русского и белорусского речевого поведения) / Т.А. Пивоварчик // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 113–117.

Правда Е.А. Межъязыковые проксиматы в сербском и русском языках / Е.А. Правда // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 136–146.

Правда Е.А. Сербский писатель Ратомир Дамьянович о родном языке / Е.А. Правда // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 130–136.

Припадчев А.А. Русская именная темпоральность в контрастивных данных чешского языка / А.А. Припадчев, З. Кесслер (Германия) // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 68–75.

Припадчев А.А. Семантико-структурные эквиваленты русского осложненного предложения в чешском языке / А.А. Припадчев // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 75–81.

Прощенкова Н.В. Контрастивный анализ национальной специфики украинской лексики / Н.В. Прощенкова // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 169–175.

Стернин И.А. Заметки о сербском общении / И.А. Стернин // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 26–28.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение польских студентов и преподавателей / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 171–175.

Стернин И.А. Концепт «польский язык» в языковом сознании польских филологов-русистов / И.А. Стернин // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 91–93.

Стернин И.А. Концепт «русский язык» в русском и польском языковом сознании / И.А. Стернин // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 93–94.

Стернин И.А. О некоторых особенностях польского академического общения / И.А. Стернин // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 107–110.

Стернин И.А. О некоторых особенностях польского коммуникативного поведения на фоне русского / И.А. Стернин // КП славянских народов / [под ред. И.А. Стернина и Л.Шипелевич]. – Варшава, 2007. – Вып. 29. – С. 9–13.

Стернин И.А. Опыт изучения коммуникативного поведения польских преподавателей и студентов / И.А. Стернин // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 28–31.

Стернин И.А. Сопоставительное описание концептов «студент», «преподаватель» в польском языковом сознании / И.А. Стернин // Славянское КП. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 33. – С. 98–101.

Шипелевич А. Польское вузовское общение / А. Шипелевич // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 169–171.

Английское и американское коммуникативное поведение

Баранова Л.А. Сопоставительный анализ семантики наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков / Л.А. Баранова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 42–44.

Бельских Г.В. Национальная специфика англоязычного делового письма / Г.В. Бельских // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 21–24.

Бобырева Е.В. Сравнительные характеристики религиозного дискурса в русском и английском языках / Е.В. Бобырева // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 3. – С. 217–226.

Бурашникова А.А. Компаративный анализ дискурсов президентских обращений России и США / А.А. Бурашникова // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 3–8.

Васечко О.Ю. Роль общения в раскрытии образа ребенка (на материале новеллы Р.П. Уоррена «Christmas gift») / О.Ю. Васечко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 157–159.

Васильева Г.М. Из наблюдений над американской школой / Г.М. Васильева // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 33–36.

Владимирова Ю.И. Коммуникативное поведение американских студентов и преподавателей / Ю.И. Владимирова // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 69–73.

Воротникова А.Э. Мир индивидуалистов сквозь призму общения (на материале романа Э. Елинек «Пианистка») / А.Э. Воротникова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 14–19.

Горлова И. Ответы на вопросы анкеты по вузовскому общению в США / И. Горлова // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 45–63.

Драчевская Е.Г. Немотивированные англо-русские лакуны (на материале ЛСГ «Наименования человека») / Е.Г. Драчевская // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 35–40.

Зайцева Е.В. Британская и русская открытка как отражение национальной идентичности / Е.В. Зайцева // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 15. – С. 4–7.

Зилова Е.В. Исследование концепта «благополучие»/ «prosperity» в русской, британской и американской лингвокультурах (на материале ассоциативного эксперимента) / Е.В. Зилова // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 106–112.

Кабина Е.С. Сфера посессивности в картине мира англофона и носителя русского языка / Е.С. Кабина // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 51–55.

Князева Л.В. Особенности общения в рассказе Л. Хьюза «Нечто общее» / Л.В. Князева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 27–31.

Ковалева С.В. Заметки об английском общении / С.В. Ковалева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 27–34.

Коннова М.Н. Аксиология дня как основы восприятия повседневности в русской и английской языковых картинах мира / М.Н. Коннова // Семантико-когнитивные исследования : международн. сб-к научн. трудов / [под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой]. – Воронеж – Борисоглебск : Истоки, 2010. – Вып. 1. – С. 144–148.

Лукина Л.В. Контрастивный анализ устных речевых событий «Обсуждение информации» в русском и английском языках / Л.В. Лукина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 58–62.

Лукина Л.В. Контрастивный анализ устных речевых событий «Сообщение информации» в русском и английском языках / Л.В. Лукина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 74–82.

Маклакова Е.А. Некоторые национально-специфические особенности коммуникативного поведения итальянцев и англичан / Е.А. Маклакова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 36–54.

Мамлеева Э.Р. Злые и добрые колдуны в английском национальном сознании / Э.Р. Мамлеева // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 77–80.

Неровная Н.А. Концепт «терпимость» в русском языке и «толерантность» в русском и английском языках (на основе анализа информационно-экспликативных текстов) / Н.А. Неровная // Семантико-когнитивные исследования: международн. сб-к научн. трудов / [под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой]. – Воронеж – Борисоглебск : Истоки, 2010. – Вып. 1. – С. 151–154.

Неровная Н.А. Критерии разграничения близких по содержанию концептов (на материале концептов «толерантность», «терпимость» в русском и английском языковом сознании) / Н.А. Неровная // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 117–119.

Неровная Н.А. Особенности языковой объективации концепта «Толерантность» в русском и английском языках и концепта «Терпимость» в русском языке / Н.А. Неровная // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 47–50.

Пивоварчик Т.А. Сопоставительные исследования в pragматике (к анализу стереотипов русского и белорусского речевого поведения) / Т.А. Пивоварчик // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 113–117.

Попова А. Значение речи и проблема общения в романе Дж. М. Кутзее «Мистер Фо» / А. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 33–35.

Попова М.К. Эволюция межэтнического общения в американских семьях / М.К. Попова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 46–47.

Путилина Ю.А. Паралингвистические сигналы как средство характеристики персонажей и особенностей их общения (на материале путевых заметок Гр. Грина «Дороги беззакония») / Ю.А. Путилина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 35–38.

Ренц Т.Г. Обращение в романтическом дискурсе (на материале англоязычной и русской лингвокультур) / Т.Г. Ренц // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 154–161.

Семёнова Н.В. Невербальные средства общения в коммуникативном поведении русских и англичан / Н.В. Семёнова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 73–79.

Сметанина Ю.В. Некоторые особенности русского коммуникативного поведения на приеме у американского врача / Ю.В. Сметанина (Шарлота, США) // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 79–83.

Стеблецова А.О. Дискурс трудоустройства: особенности делового общения в англоязычной и русскоязычной деловых культурах / А.О. Стеблецова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 27–31.

Стеблецова А.О. Дискурсивные особенности англоязычного делового стиля / А.О. Стеблецова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 192–196.

Стеблецова А.О. Дискурсивные особенности англоязычного делового стиля / А.О. Стеблецова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 192–196.

Стернин И.А. Английское академическое общение / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 166–169.

Стернина М.А. Особенности русско-американского межкультурного научного общения / М.А. Стернина // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 73–79.

Стрельникова М.А. Особенности американского коммуникативного поведения (на материале американского телеинтервью) / М.А. Стрельникова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 8–10.

Стрельникова М.А. Тележурналистика как объект коммуникативных исследований в России и США / М.А. Стрельникова // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 166–169.

Сычев А.К. Из наблюдений над коммуникативным поведением и характером американцев / А.К. Сычев // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 28–32.

Черникова И.А. Академическое общение в американских вузах / И.А. Черникова, Ю.А. Мелихан, Стернина М.А., Стернин И.А., Чубур Т.А. // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 38–45.

Чубур Т.А. Организация и проведение научных конференций в США / Т.А. Чубур, М.А. Стернина // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 83–88.

Швецов Ю.Б. Защита диссертации в американском университете / Ю.Б. Швецов // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 79–83.

- Шипелевич А. Польское вузовское общение / А. Шипелевич // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 169–171.
- Якушкина М.О. Американка о менталитете русских и американских студентов / М.О. Якушкина // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 63–69.

Немецкое коммуникативное поведение

- Ковалева Т.Г. Общение в немецком вузе / Т.Г. Ковалева // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 155–158.
- Куликова Л.В. Немецкий академический дискурс / Л.В. Куликова // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 151–155.
- Печенкина Т.А. Числа как средства коммуникативного воздействия в современной российской и немецкой рекламе / Т.А. Печенкина // КИС 2009. Виды коммуникации, обучение общению / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 48–52.
- Савицкайте Е.Р. Формальные и функциональные особенности креолизированных прогностических текстов (на примере российских и немецких гороскопов) / Е.Р. Савицкайте // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 2. – С. 207–214.
- Тихонова О.В. Гендерный диалог в произведениях современных немецкоязычных писателей / О.В. Тихонова // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 125–130.

- Эккерт Х. Из наблюдений над русским и немецким научным общением / Х. Эккерт (Германия) // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 207–211.
- Эккерт Х. Немецкое и русское академическое общение / Х. Эккерт // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 158–161.

Французское коммуникативное поведение

- Зленко И.П. Некоторые доминантные черты французского коммуникативного поведения / И.П. Зленко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 33–39.
- Кеффелек А. Молчание у французов / А. Кеффелек (Франция) // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 10–17.
- Конопелько И.П. Некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте / И.П. Конопелько // Семантико-когнитивные исследования: международн. сб-к научн. трудов / [под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой]. – Воронеж – Борисоглебск : Истоки, 2010. – Вып. 1. – С. 148–151.
- Носова В.Н. Инвективная лексика в современном французском языке / В.Н. Носова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 54–58.
- Носова В.Н. О некоторых общих особенностях французского коммуникативного поведения / В.Н. Носова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 58–62.
- Носова В.Н. Обучение коммуникативному поведению на занятиях по французскому языку в вузе / В.Н. Носова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 227–231.
- Редькина-Кеффелек А.А. Академическое общение во Франции / А.А. Редькина-Кеффелек // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 163–166.
- Федоров В.А. О некоторых особенностях французского коммуникативного поведения / В.А. Федоров // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 21–24.

Финское коммуникативное поведение

Аронранта С. Особенности персонажей в финских и русских анекдотах / С. Аронранта (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 144–148.

Бекманд-Лийматта С. К вопросу о причинах некоторых особенностей поведения финских детей школьного возраста / С. Бекманд-Лийматта (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 64–65.

Венчугова М. Образ Финляндии и финна в практике делового общения / М. Венчугова (Тампере) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 77–82.

Весанен М. *Русский вопрос в современной Финляндии* / М. Весанен (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 209–211.

Вехконен Б. Некоторые особенности коммуникативного поведения финнов в период проведения предвыборной кампании / Б. Вехконен (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 3–5.

Высочина О.В. Финские и русские студенты / О.В. Высочина // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 119–122.

Высочина О.В. Алкоголь и общение в финской культуре / О.В. Высочина, М. Хиета // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 82–88.

Губанова Е.Е. Из наблюдений над финскими академическими традициями / Е.Е. Губанова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 194–195.

Дьякова М.Ю. Коммуникативное поведение русских и финнов в сфере делового общения (на примере реализации речевой стратегии компромисса) / М.Ю. Дьякова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 5–9.

Дьякова М.Ю. Обучение финских учащихся речевой реализации стратегии компромисса в сфере делового общения / М.Ю. Дьякова, И.П. Лысакова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 118–129.

Зеленин А.В. (Тампере) Феминативы в коммуникативном пространстве первой волны эмиграции / А.В. Зеленин // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 148–171.

Кислякова П.С. Одобрение и порицание в русском и финском педагогическом общении / П.С. Кислякова // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 145–151.

Коронен И. Финны и русские по обе стороны границы / И. Коронен (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 130–133.

Косонен И. Пиккуюолу в Финляндии / И. Косонен (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 88–92.

Миклина Г.А. Сетевой дистанционный курс по РКИ для финнов: принципы создания и возможности / Г.А. Миклина // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 124–128.

Миловидова О.В. Русско-финский сетевой диалог как источник формирования коммуникативной и межкультурной компетенции / О.В. Миловидова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 128–134.

Морозова Ю.Г. *Sisu* как основополагающая черта финского национального характера / Ю.Г. Морозова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 24–26.

Морозова Ю.Г. Местоимения второго лица в финском речевом этикете / Ю.Г. Морозова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 24–27.

Мустайоки А. «Свое» и «чужое» в стереотипах речевого поведения / А. Мустайоки, Е. Протасова (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 80–92.

Мустайоки А. Толерантность к чужой речи и поведению: некоторые аспекты / А. Мустайоки, Е. Протасова (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 20–37.

Петровская В. Заметки о финском общении (из наблюдений русских над коммуникативным поведением финнов) / В. Петровская (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 18–20.

Рескалли С. Автостереотип против гетеростереотипа: образы стран в финляндском учебнике русского языка «Парус» / С. Рескалли (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 98–101.

Рут Н. Русские и финны : из личного опыта взаимоотношений / Н. Рут (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 9–12.

Савойла В. Странности русского общения / В. Савойла (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 12–13.

Сергеева С. Особенности обыденного общения русских и финнов / С. Сергеева (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 13–17.

Сретенская Л. Из опыта работы с финскими студентами / Л.В. Сретенская, Н. Турунен // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 122–124.

Сретенская Л.В. Восприятие финскими студентами русского научного текста / Л.В. Сретенская, Н. Турунен // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 126–132.

Сретенская Л.В. Опыт описания коммуникативного поведения финских студентов в учебных ситуациях / Л.В. Сретенская, Н. Турунен // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 124–126.

Стернин И.А. Восприятие лекции финнами / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 94–116.

Стернин И.А. Коммуникативные табу и тематика общения у финнов и русских / И.А. Стернин // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 8–14.

Стернин И.А. Некоторые особенности общения в финской школе / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 139–141.

Стернин И.А. Общение в финском вузе / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 88–94.

Стернин И.А. Российский лекционный стиль в восприятии финских студентов (на материале комментариев финских студентов к лекции российского профессора) / И.А. Стернин // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 96–118.

Стернин И.А. Словесная благодарность в русском и финском общении / И.А. Стернин // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 14–20.

Стернин И.А. Финское научное общение / И.А. Стернин // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 132–139.

Сумманен Х. Некоторые особенности общения в финской семье / Х. Сумманен (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 17–18.

Сумманен Х. О некоторых особенностях обучения в вузах Финляндии и России / Х. Сумманен (Финляндия) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 92–96.

Тычкова М.М. Как обучают русскому языку в финском университете / М.М. Тычкова // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 31. – С. 134–137.

Халме М. Эти странные финны / М. Халме (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 3–8.

Харченкова Л.И. Коммуникативное поведение российских и финских школьников в проблемных ситуациях / Л.И. Харченкова // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 141–145.

Хеймонен Э. Некоторые различия в культуре делового общения русских и финнов / Э. Хеймонен (Хельсинки) // Русское и финское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 26. – С. 74–77.

Китайское коммуникативное поведение

Богачев С.В. Особенности делового общения с китайскими партнёрами / С.В. Богачев // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 21–24.

Ван Сюй Диалог культур: русские и китайские пословицы и поговорки на философско–религиозную тему / Сюй Ван // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 13. – С. 21–27.

Вахтель Н.М. Пословицы и поговорки как регулятивные речевые акты в русском и китайском общении / Н.М. Вахтель, Наньси Шао // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 58–61.

Гао Юань Обучение пониманию и употреблению прецедентных имен из русских народных сказок в китайской аудитории / Юань Гао // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 218–223.

Маслова М.С. Лингвокультурологическая интерференция в речи китайцев на русском языке (на примере единицы речевого этикета «пожалуйста») / М.С. Маслова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 24–27.

Неровная Н.А. Толерантность в коммуникативном поведении китайцев / Н.А. Неровная // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 17–21.

Федотова Н.В. Различия русского и китайского коммуникативного поведения в условиях рыночной торговли / Н.В. Федотова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 96–99.

Шао Наньси Национально-культурная специфика устойчивых выражений (на материале русского и китайского языков) / Наньси Шао (Китай) // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 122–124.

Коммуникативное поведение отдельных народов

Азиз Тахсин Р. Устаревшие обращения как элементы речевого этикета в арабском переводе / Тахсин Р. Азис // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 69–73.

Алликметс К. Гость – человек желанный (об отличиях в коммуникативном поведении русских и эстонцев) / К. Алликметс (Таллин) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 89–95.

Андрей Мария Словесное утешение у русских и у румын / М. Андрей (Тимишоара, Румыния) // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 24–28.

Архипова Д. Приветствие и прощание в эстонском коммуникативном поведении / Д. Архипова (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 104–106.

Бабушкин А.П. Эстонский калейдоскоп / А.П. Бабушкин // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 141–143.

Барышев Н.В. Коммуникативные императивы в аудитории российского и арабского университета / Н.В. Барышев // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 43–46.

Бегенева Е.М. Научное и педагогическое общение в Италии / Е.М. Бегенева // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 161–166.

Белова Е. Жаргон русскоязычных эстонских школьников / Е. Белова (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 106–109.

Беловодская А. «Антимир» пародии и аспекты его проявления в современной рекламной и политической коммуникации Литвы / А. Беловодская (Вильнюс) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 76–88.

Борисов А. (Нарва) Стиль русских и эстонских учебников / А. Борисов // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 140–141.

Будалова И. (Нарва) Отдых эстонцев / И. Будалова // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 214–218.

Вахтель Н.М. Русская и арабская картины мира в устойчивых сравнениях / Н.М. Вахтель, Али Хади // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 37–41.

Гордеев Р. Эстонский президент в восприятии эстонцев / Р. Гордеев (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 206–208.

Зарубина Л.А. Особенности общения в гостиничном сервисе в разных странах / Л.А. Зарубина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 49–53.

Кеэрберг Л. (Тарту) О некоторых особенностях коммуникативного поведения русских в сопоставлении с эстонцами / Л. Кеэрберг // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 96–99.

Кошманова О.В. Заметки об иранском коммуникативном поведении / О.В. Кошманова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 28–31.

Лаврентьева М. Эстонский характер и поведение / М. Лаврентьева (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 110–113.

Лассан Э. О коммуникативном поведении СМИ России и Литвы при изображении «своих» президентов / Э. Лассан (Вильнюс) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 46–56.

Лихачева А. Об особенностях литовской коммуникативной культуры в связи с понятием «национальный характер» / А. Лихачева (Вильнюс) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 4–15.

Лихачева А. Русская тема в медийном дискурсе Литвы / А. Лихачева (Вильнюс) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 69–76.

Макарова В.В. О некоторых отличительных чертах политического дискурса России и Литвы / В.В. Макарова (Каунас) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 56–69.

Мусаева О. Из наблюдений над общением и поведением эстонцев / О. Мусаева (Воронеж-Тарту) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 99–104.

Паужа Й. Особенности русского и литовского коммуникативного поведения в ситуациях проявления речевого этикета / Й. Паужа (Шауляй) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 15–31.

Принтс С. Русские и эстонцы в общении / С. Принтс (Краков) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 109–110.

Пеесе С. Коммуникативное поведение эстонских болельщиков / С. Пеесе (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 117–118.

Силе Т. Семейное общение в Эстонии / Т. Силе (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 113–115.

Сисаск К. Праздничные традиции эстонцев и русских / К. Сисаск, И. Цопп (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 212–214.

Сохромова О. (Нарва) Эстонские праздники и связанные с ними традиции / О. Сохромова // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 208–212.

Стернин И.А. Опыт изучения коммуникативного поведения польских студентов и преподавателей / И.А. Стернин // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 93–96.

Стернин И.А. Заметки о некоторых особенностях литовского академического общения / И.А. Стернин, А. Лихачева // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 31–34.

Стернин И.А. Заметки об австрийском общении / И.А. Стернин // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 34–40.

Стернин И.А. О некоторых особенностях литовского вузовского и научного общения / И.А. Стернин, А. Лихачева // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 175–177.

Тамарович Н. О коммуникативном поведении латышей / Н. Тамарович (Рига) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 146–151.

Умерова Д.Р. Из наблюдений над турецким коммуникативным поведением / Д.Р. Умерова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 32–37.

Фомина И.В. Некоторые особенности коммуникативного поведения ирландцев / И.В. Фомина // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 187–193.

Фрейман А. Общение эстонцев с соседями / А. Фрейман (Нарва) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 95–96.

Чичинскайте Р. Пафос в коммуникативном поведении литовских студентов / Р. Чичинскайте // КП. Вып. 32. Академическое общение. Монография. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 177–189.

Чичинскайте Р. Риторические страсти в коммуникативном поведении студентов – литовцев и русских / Р. Чичинскайте (Вильнюс) // Русское, литовское, эстонское и латышское КП. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 27. – С. 34–46.

Публикации по проблемам возрастного коммуникативного поведения и языкового сознания

Амельченкова Н.А. Методы обучения младших школьников конструктивному спору / Н.А. Амельченкова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 126–129.

Артамонова О.В. Формирование речевой культуры учащихся в первом классе / О.В. Артамонова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 129–133.

Атланова Е.О. Опыт экспериментального исследования восприятия новых слов в языковым сознанием молодёжи / Е.О. Атланова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 38–41.

Батракова В.Е. Особенности коммуникативного поведения старшеклассников / В.Е. Батракова, А.Г. Лапотько // КИС. – Воронеж : Истоки, 2005. – С. 43–49.

Бовкун О.А. Интернет и речь молодежи / О.А. Бовкун // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 24–24.

Воронцова Н.С. Внеклассные мероприятия со студентами колледжа по воспитанию культуры общения в семье / Н.С. Воронцова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 134–135.

Гавриленко С. К вопросу об особенностях общения подростков в современных субкультурах / С. Гавриленко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 81–83.

Голощапова Г.Н. Развитие творческих способностей курсантов на занятиях по дисциплине «русский язык и культура речи» / Г.Н. Голощапова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 135–137.

Горючева А.В. Проблемы эффективного общения родителей с детьми / А.В. Горючева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 33–36.

Горючева А.В. Эффективное речевое воздействие в общении родителей с детьми / А.В. Горючева // КИС. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 195–204.

Гунина М. Влияние ролевых компьютерных игр на формирование личности и общение подростков / М. Гунина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 84–85.

Долгих О.В. Культура родителей и воспитание детей / О.В. Долгих // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 198–199.

Долгих О.В. Перспективы клуба общения подростков «Контакт» / О.В. Долгих // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 138–139.

Долгополова Ю. Особенности становления речевого поведения ребенка / Ю. Долгополова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 163–164.

Долгополова Ю.И. Развитие коммуникативного поведения дошкольника (на материале развития общения ребёнка от 2 до 5 лет) / Ю.И. Долгополова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 68–80.

Задериева А. Тематика разговоров в различных возрастных группах и ситуациях / А. Задериева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 89–90.

Золотарёва Д. Молодежные субкультуры и этикет внешнего вида / Д. Золотарёва // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 181–182.

Изотова А. Психология общения учеников 1-11 классов / А. Изотова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 74–75.

Калинченко О.И. Особенности преподавания культуры общения в школе – социальном образовательном центре / О.И. Калинченко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 139–142.

Камышникова Э. Конфликты в школьном общении / Э. Камышникова, В. Кургужин // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 92–94.

Келеметов Р. Новые игры подростков / Р. Келеметов // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 95–96.

Кобылецкая Ю. Идеальный коммуникативный имидж современного подростка с точки зрения сверстников / Ю. Кобылецкая // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 97–98.

Кораблёва О.А. Психотип и формирование культуры общения у младших школьников / О.А. Кораблёва // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 145–148.

Кощеева О.В. Жанр ссоры в детском дискурсе / О.В. Кощеева // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 6. – С. 180–188.

Кощеева О.В. Значение сюжетно-ролевой игры в формировании жанровой компетенции детей дошкольного возраста / О.В. Кощеева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 37–43.

Кралина З.А. Основные аспекты формирования коммуникативной компетенции учащихся / З.А. Кралина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 150–153.

Кузнецова Ю. Особенности виртуального общения россошанских школьников / Ю. Кузнецова, О.П. Дмитриева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 101–104.

Лебедева А. Крылатые выражения в речевом поведении учащихся Рамонского лицея / А. Лебедева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 82–83.

Лемяскина Н.А. Комплексное исследование развития коммуникативной личности младшего школьника (теоретический аспект) / Н.А. Лемяскина // Теоретические проблемы современного языкоznания / [под ред. И.А.Стернина и М.А.Стерниной]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 162–168.

Лифатова И.В. Возрастное развитие общения / И.В. Лифанова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 36–38.

Лукьянчикова Л.П. Активизация познавательной деятельности школьников на уроках культуры общения в условиях игровых форм обучения / Л.П. Лукьянчикова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 155–156.

Мальцева Н. Уменьшительно-ласкательные слова в журналах для малышей / Н. Мальцева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 107–108.

Мельниченко Г.В. Применение видеотехнологий для формирования коммуникативных навыков у школьников / Г.В. Мельниченко // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 165–166.

Морозова И.А. Концепт «женщина» в языковом сознании школьников / И.А. Морозова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 113–117.

Нестерова А. Ролевые игры как средство общения молодежи / А. Нестерова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 109–110.

Нечаева Г.Е. О формировании культуры речи младших школьников / Г.Е. Нечаева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 168–169.

Никульшина Ю.В. Экспериментальное исследование понимания учащимися значений лексических единиц / Ю.В. Никульшина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 38–44.

Овчинникова И.Г. Семантические трансформации лексемы и содержание концепта «Беженец» в сознании молодых россиян / И.Г. Овчинникова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 50–54.

Орехова К. О некоторых лексических особенностях языка современной молодежи / К. Орехова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 189–190.

Османова К.И. Экспериментальное исследование возрастных особенностей речи носителей языка / К.И. Османова // КИС 2009. Теория коммуникации, КП / [научн. ред. И.А. Стернин]. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 80–85.

Паймурзина Т.Г. Причины возникновения коммуникативных промахов и неудач в детской речи и пути их преодоления / Т.Г. Паймурзина // ТДКМ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 196–200.

Пушкарёв М. О речевом поведении современных школьников / М. Пушкарёв // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 91–92.

Розенфельд М.Я. Черты сенсомоторного интеллекта в концептуализации действительности молодёжью / М.Я. Розенфельд // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 98–104.

Саврасова Т.М. Коммуникативные особенности учащихся с задержкой психического развития / Т.М. Саврасова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 109–113.

Саврасова Т.М. Фактор адресата в коммуникативном поведении детей с задержкой психического развития / Т.М. Саврасова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 56–59.

Свеженцева П.С. Концепт «город» в языковом сознании школьников / П.С. Свеженцева // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 59–61.

Сенчук С.А. Проблема «плохих слов» в речи детей и подростков / С.А. Сенчук // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 19. – С. 93–94.

Симанова Т.А. Возрастная динамика концепта / Т.А. Симанова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 155–165.

Спаськова Е.В. Комплексный анализ коммуникативных ситуаций на уроках культуры общения в 9 классе / Е.В. Спаськова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 171–172.

Титова Л.Н. Из наблюдений над становлением речи у ребенка-билингва / Л.Н. Титова // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 169–172.

Толмачева С.Ю. Использование жанра комплимента младшими школьниками / С.Ю. Толмачева // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 158–162.

Харина Е. Удивительный язык моей бабушки / Е. Харина // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 194–195.

Хворостова О.В. Вежливость в восприятии младших школьников / О.В. Хворостова // КИС. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 192–197.

Хворостова О.В. Вежливость в понимании учащихся четвертого класса / О.В. Хворостова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 44–45.

Хворостова О.В. Источники формирования культуры общения младших школьников / О.В. Хворостова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 24–26.

Чернышова Е.Б. Словарь современного детского языка В.К. Харченко как один из источников исследования детской концептосферы / Е.Б. Чернышова // ЯНС. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 9. – С. 170–173.

Чернышова Е.Б. Концепт «школа» в языковом сознании подростков (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / Е.Б. Чернышова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 156–159.

Щипунова К.Г. Прагматические цели знакомства в общении молодежи / К.Г. Щипунова // КОиФ. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 172–174.

**Диссертации
по проблемам коммуникативного поведения
и коммуникативного сознания,
зашитенные в Воронежском университете**

Куликова Л.В. (докторская). Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения. Волгоград, 2006. 10.02.19. Научный консультант И.А. Стернин.

Дьякова Л.Н. Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах. 2007. 10.02.01. Рук. И.А.Стернин.

Городецкая Л.А. (докторская). Лингвокультурологическая компетентность личности как культурологическая проблема. 24.00.01. 2007. Научн. конс. И.А.Стернин.

Куранова Т.П. Языковая игра в речи теле- и радиоведущих. Ярославль, 2008. 10.02.01 –русский язык. Рук. И.А.Стернин

Хади Нахла Джавад. Существительные, называющие действующее лицо в прозе А.П.Чехова. 10.02.01. Научный рук. О.Н.Чарыкова

Зацепина Е.А. Лексико-фразеологическая объективация концепта *вежливость* в русском языке. 10.02.01. 2007. Рук. И.А.Стернин

Шевченко М.Ю. Лексико-фразеологическая объективация концепта *культурный* в русском языке. 10.02.01. 2007. Рук. И.А.Стернин

H.B.Федотова

Содержание

От редактории	3
Коммуникативное поведение	
Бельских Г. В. (Воронеж) Коммуникативное поведение французов в деловом общении	4
Гетте Е.Ю. (Воронеж) Общение в семье: некоторые особенности речевого поведения мужа	5
Конопелько И.П. (Воронеж) Некоторые доминантные черты русского и французского коммуникативного поведения в контрастивном аспекте	10
Конопелько И.П. (Воронеж) Особенности французского невербального коммуникативного поведения	13
Кощеева О.В. (Саратов) Прецедентная фраза как речежанровая тактика в коммуникативном поведении детей дошкольного и младшего школьного возраста	16
Сметанина-Болдин Ю. В. (Шарлотт, США) Русские пациенты глазами американских врачей	21
Стернин И.А. (Воронеж) Из наблюдений над польским коммуникативным поведением	29
Педагогическое общение	
Козельская Н.А.(Воронеж) Специфика лингвистических и коммуникативных концептов в метаязыковом сознании молодежи	31
Саломатина И.В. (Воронеж) Конфликты в педагогическом общении и способы их разрешения	39
Склярова Н.И., Кусякова Е.В. (Воронеж) Использование ИКТ-поддержки на уроке культуры общения	43
Коммуникативные исследования текста	
Дауд Ахмед Мизхир (Ирак) Устойчивые выражения с компонентом «глаза» в коммуникативно-прагматическом аспекте	45
Зотова А.Б. (Воронеж) Ситуации использования восклицательных высказываний (на материале русских и английских текстов)	50
Киселева С. Г. (Воронеж) Виды оценки в политических текстах	55
Лынова Н.Л. (Воронеж) Текстообразующие категории в Слове «Въ великии четвъртькъ» Иоанна Златоуста	58

Морозова Т.В. (Воронеж) Функции монолога и диалога в раскрытии авторского замысла в романе М. Делибеса «Войны отцов наших»	61
Панкова Т.Н. (Воронеж) Некоторые проблемы межъязыковой коммуникации и теории текста в сфере науки	65
Припадчев А.А. (Воронеж) Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанровой формы «грамота»)	68
Пророкина Е.А. (Липецк) Фонетика поэтических текстов А.С. Пушкина в аспекте языка (на материале произведения «Зимняя дорога»)	78
Редькина-Кеффелек А.В. (Франция) Организация времени и деятельности в различных коммуникативных культурах	86
Саломатина М.С. (Воронеж) Интертекстуальность в современном публицистическом дискурсе	102
Стеблецова А.О. (Воронеж) Некоторые результаты сопоставительного исследования дискурса трудоустройства: Job Application Letter и Сопроводительное письмо	122
Стеблецова А.О. (Воронеж) Англоязычный медицинский стиль: к вопросу о коммуникативном идеале профессионального дискурса	128

Коммуникативные исследования слова

Вахтель Н.М. (Воронеж) Экспериментальное исследование устаревшей лексики в произведениях А.П.Чехова	131
Гирчева А.О. (Воронеж) Истоки слоганов современной российской социальной рекламы	136
Новичихина М.Е.(Воронеж) Трансформация собственных имен в нарицательные в процессе коммуникации (на примере коммерческих названий)	140
Овсянникова К.В. (Воронеж) Замысел номинатора и восприятие его носителями языка (на материале наименований предприятий общественного питания)	144
Стефанович Мария (Нови-Сад, Сербия) „Чужие“ среди „своих“ и „свои“: (о структуре концептов зять, невестка и мама на материале ассоциативных словарей сербского и русского языков)	147
Тимошина Т.В. (Воронеж) Концепт <i>литература</i> в индивидуально- авторской концептосфере писателя (С.Довлатов и Д.Рубина)	156
Федюнина Е.С. (Воронеж) Оскорбительные ярлыки как форма вербальной агрессии (на материале современной российской драматургии)	160

Хохонин Д.Е. (Воронеж) Функционирование литературных антропонимов в различных коммуникативных ситуациях 163

Библиографические описания

Исследования по коммуникативному поведению и коммуникативному сознанию, опубликованные Центром коммуникативных исследований Воронежского ГУ (2006-2010) 166

195

Содержание